

06
С-

ISSN 0869-544X

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК



СЛАВЯНО •
ВЕДЕНИЕ



inslav



«НАУКА»

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Институт славяноведения и балканистики

Славяноведение

1
1993
ЯНВАРЬ •
ФЕВРАЛЬ •

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

Содержание

СТАТЬИ

Грачев В. П. Новый взгляд на проблему формирования предпосылок сербского восстания 1804—1813 годов	3
Шеремет В. И. Греческая революция 1821—1830 гг. и турецкие реформаторы и консерваторы	14
Новопашин Ю. С. Вторжение в Чехословакию в 1968 г. как поглощение практики «классового подхода»	24
Гловинский М. Поэтика и нелитературные тексты	35
Жулинская Э. В. Взгляды Юрия Крижанича и Яна Амоса Коменского на школьное образование (вторая половина XVII века)	44
Невская Т. В. «Корнеслов русского языка» Ф. С. Шимкевича в свете этимологической историографии	57

СООБЩЕНИЯ

Едемский А. Б., Карасев А. В., Цехмистренко С. П. К истории Македонского вопроса	66
Бернштейн С. Б. О Луначарском (по данным дневниковых записей)	79

МАТЕРИАЛЫ К УЧЕБНИКУ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА

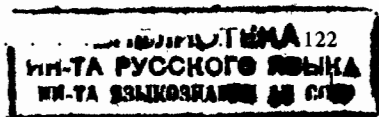
Кравецкий А. Г. Морфология	86
Плетнева А. А. Имя существительное	89
Седакова О. А. Церковнославяно-русские паронимы (продолжение)	98

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Костяшов Ю. В. Балканы в конце XIX — начале XX века. Очерки становления национальных государств и политической структуры в Юго-Восточной Европе	113
Лабынцев Ю. А. Библия: Факсимільнае ўзнаўленне Библиі, выдадзенай Францыскам Скарынаю ў 1517—1519 гадах	116
Аникин А. Е. Słownik prasłowiański, opracowany przez zespół Instytutu słowianoznawstwa PAN. T. VI.	118

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Лешкова О. О. Ломоносовские чтения



РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. И. ПОП (главный редактор), В. К. ВОЛКОВ, Р. П. ГРИШИНА,
А. А. ГУГНИН, В. А. ДЬЯКОВ, М. С. КАШУБА, М. Н. КУЗЬМИН,
Г. Ф. МАТВЕЕВ, С. В. НИКОЛЬСКИЙ, Ю. С. НОВОПАШИН, А. Ф. НОСКОВА,
М. А. РОБИНСОН, Л. А. СОФРОНОВА (зам. главного редактора), Б. Н. ФЛОРЯ,
Т. В. ЦИВЬЯН (зам. главного редактора), М. А. ВАСИЛЬЕВ (отв. секретарь)

Зав. редакцией *И. И. Бизяева*

Сотрудники редакции: *Авакова Л. А., Веслова И. Ю.,
Кошкина Е. А., Мочалова В. В., Осипова М. А.,
Скворцова Н. М.*



НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ПРОБЛЕМУ ФОРМИРОВАНИЯ ПРЕДПОСЫЛОК СЕРБСКОГО ВОССТАНИЯ 1804—1813 годов

В первой трети XIX в. в балканских владениях Османской империи одна за другой прокатились мощные волны антиосманских восстаний: первое сербское восстание 1804—1813 гг., второе сербское восстание 1815 г., восстание в Валахии и Молдавии 1821 г., греческое восстание 1821—1830 гг. В ходе этих национально-освободительных движений была еще более расстроена и без того разлагавшаяся тимарная система Османской империи, произошли частичные изменения в классовой, а местами и в этнической структуре общества, было положено начало формированию некоторых важных компонентов национальной государственности. Эти важные изменения, по мнению ряда историков, свидетельствуют о том, что вышеназванные восстания представляли собой не только национально-освободительные движения, но и выполнили одновременно роль буржуазных или даже буржуазно-демократических революций на Балканах.

В частности, по утверждению ряда югославских и некоторых советских историков, сербское восстание 1804—1813 гг. представляло собой первую социально-экономическую и национально-политическую революцию на Балканах, которая отдельными своими проявлениями была сродни Великой французской революции [1. С. 65]. Одни историки находят в этом восстании компоненты и проявления буржуазно-демократической [2], другие — буржуазной или буржуазно-национальной революции [3. С. 54—70; 4].

В соответствии с такими представлениями первоначально в югославской, затем и в советской историографии в 50-х годах была разработана концепция путей и характера формирования предпосылок сербского восстания 1804—1813 гг.; в основу которой легла схема, созданная основоположниками теории исторического материализма применительно к буржуазным революциям в развитых государствах Европы и мира.

Однако при обосновании этой прочно удерживающейся до сих пор в историографии концепции ее авторы, как правило, пользовались положениями и выводами сербской историографии второй половины XIX — начала XX в., которые, в свою очередь, создавались на основе крайне скудной

Грачев Виктор Петрович — д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения и балканистики РАН.

базы источников и с позиций господствовавших в тот период философских теорий и историко-правовых учений¹.

Начальный этап разработки интересующей нас проблематики обычно относят к концу 20-х — 50-м годам XIX в., когда формирующаяся сербская историография располагала крайне скудной базой сербских, османских и других источников. Сетую на отсутствие источников по истории сербского восстания 1804—1813 гг., участник и один из руководителей этого движения, протоиерей М. Ненадович, которого с полным основанием можно назвать последним летописцем и первым историком этого восстания, писал в 1851 г., что если бы среди его участников были ученые люди, то «наши сыновья и потомки не исследовали бы (историю восстания.— В. Г.) по чужим архивам, как это делаем мы сейчас» [6].

Другой, не менее важной, причиной, осложнившей разработку ряда взаимосвязанных с этой проблемой вопросов, явилось то, что эта тема оказалась на стыке трех исторических дисциплин — османистики, славяноведения и балканистики, — формирование и развитие которых шло обособленно и неравномерно. Историки-османисты, традиционно считая себя ориенталистами, при исследовании общих закономерностей развития полиэтнической Османской империи основное внимание уделяли изучению азиатского и африканского ареала. Исследование вопросов балканской истории они по установившейся традиции оставляли и до сих пор оставляют за славяноведами и балканистами.

В то же время развитие исторической науки в самих балканских государствах, выделившихся из состава Османской империи, пошло по пути изучения узконациональной истории. При скудной базе собственных источников исследование проблемы национально-освободительного движения на Балканах велось с позиций господствовавших в тот период историко-философских учений и под знаком острейшей критики османских порядков. При этом разработка магистральных концепций национальной истории, чаще всего, поручалась влиятельным политическим деятелям и строго контролировалась сторонниками правящей династии или же главой государства. Например, тот же М. Ненадович писал в своих мемуарах: «Если напишешь истину (о восстании 1804—1813 гг.— В. Г.) — потеряешь голову, так как ее отсечет господарь Милош (Обренович.— В. Г.), если же напишешь ложь, то твоя голова останется целой, но зато ты потеряешь свою честь» [7]. Ст. Новакович также был вынужден признать, что династическая вражда Обреновичей и Карагеоргиевичей весьма отрицательно отразилась не только на судьбах сербского народа, но и «причинила вред ... трудам по истории...» [8. С. 36].

Эти и другие факторы наложили на страноведческие исследования второй половины XIX — начала XX в. заметный отпечаток тенденциозности, которая наиболее отчетливо проявляется при моделировании процессов внутреннего развития каждого из балканских народов в стремлении изолировать эти процессы от влияния господствовавших в Османской империи законов и порядков, в искаженном толковании роли внешнеполитических факторов,

¹ Ограниченные размеры статьи, к сожалению, не позволяют подробно и последовательно осветить историю разработки этой разноплановой, многогранной и ключевой для понимания причин, динамики и характера сербского восстания 1804—1813 гг. проблемы. Поэтому автор вынужден ограничиться характеристикой лишь тех трудов, которые оказали наиболее сильное влияние на разработку круга вопросов, связанных с формированием предпосылок этого восстания.

В данной связи хотелось бы обратить внимание и на то, что в декабре 1990 г. автором статьи была защищена докторская диссертация «Кризис в балканских владениях Османской империи на рубеже XVIII—XIX вв. и его взаимосвязь с предпосылками и начальным этапом сербского восстания 1804—1813 гг.», в которой даны развернутая характеристика состояния разработки данной темы в мировой историографии и обзор источников. Поскольку из-за ограниченного листажа этот раздел не вошел в мою книгу [5], я счел своим долгом ознакомить читателей хотя бы с основными положениями и выводами данного раздела диссертации.

влияние которых на процесс национально-освободительных движений чаще всего характеризуется негативно. Большая часть сербских и болгарских историков до середины нашего столетия отрицали причастность сербов, болгар и других нетурецких народов к борьбе Порты с сепаратизмом пашей и к междоусобиям румелийских аянов. Например, болгарский историк В. Н. Златарский утверждал, что болгарский народ на рубеже XVIII—XIX вв. оставался в «инертном и апатичном состоянии», поскольку у него было «притулено всякое чувство самозащиты» от царившей в империи анархии [9]. Аналогичная точка зрения оказалась достаточно устойчивой и продолжает существовать до сих пор. Так, например, современный югославский историк академик Вл. Стоянчевич также считает, что «начало XIX в. застало общественную жизнь болгар в полной летаргии и общественной безжизненности» [10].

Истоки этой распространенной в историографии концепции, как нам представляется, восходят к трудам немецкого историка Л. Ранке, в частности к его работе «Сербская революция» [11]². Наиболее сильное влияние его труд оказал на развитие сербской историографии второй половины XIX — начала XX в. Это в значительной мере объясняется тем, что для написания своей книги Л. Ранке пользовался материалами, которые ему были переданы Вуком Караджичем [13]. Однако известный немецкий историк интерпретировал их с позиций распространенной в тот период историко-философской теории. Вслед за Гегелем он причислил сербов, впрочем как и других славян, к народам «неисторическим» на том основании, что эти народы якобы не являлись родоначальниками новых форм (или идей) государственности и религии. За неимением собственных идей об устройстве государства и религии славяне были вынуждены заимствовать их у других народов, у которых они возникли раньше. Но после восприятия чужих форм государственности и религии, пишет Ранке, «ни одному народу не суждено было идти путем вполне самостоятельным, свободно усовершенствуя природою данные особенности; с тех пор всякое преуспевание зависит по преимуществу от того отношения, в которое новое племя становится к народам уже образованным. Именно этим отношением, различным у разных славянских народов, определялась вся их история». В отличие от других славян, полагал Ранке, сербы заимствовали идею государственности только на рубеже XIII—XIV вв., а до этого времени они «целые столетия прожили... под управлением своих жупанов и старейшин, не принимая никакого заметного участия в судьбе всемирноисторических народов» [12. С. 2—5]. Это отпавное положение концепции Ранке позднее было подхвачено историками-славистами славянских стран и трансформировано в теорию «жупной организации», которая бывала в историографии до 1970-х годов [14].

В своих построениях относительно взаимоотношений поработанных народов с османами-завоевателями Л. Ранке исходил из того же принципа, т. е. того, что основу общества и государства определяют религия и характер верховной власти. Он считал, что при наличии различных религий в Османской империи не могут возникнуть и условия для возникновения нации и государства, поскольку народ «исключен был из государства, лишен права носить оружие и сделался раею, как и все христиане Оттоманской Порты» [12. С. 38—39].

После завоевания турками-османами Балканского полуострова дальнейшая история сербского народа, по словам Ранке, «состояла в постепенной утрате свободы». Национальное самосознание и воспоминания о некогда «самостоятельной жизни» пробудились у сербов только во время австро-

² В переводе П. Бартенева на русский язык эта книга озаглавлена «История Сербии по сербским источникам». Выдержки из работы Л. Ранке цитируются по второму изданию русского перевода [12].

турецких войн второй половины XVIII в. и, особенно, в процессе борьбы с янычарами. Чтобы защитить свою жизнь от физического истребления, сербские крестьяне и пастухи стали по собственной инициативе создавать земское ополчение для борьбы с режимом, который по своей воле установили янычарские начальники (дахии). Когда дахии стали истреблять наиболее влиятельных в народе старейшин и богатых торговцев, торговец свиньями Карагеоргий, которого Л. Ранке характеризует как одного из наиболее предприимчивых и самых богатых людей в Сербии, объединил вокруг себя подвергавшихся преследованию старейшин, воевод и предводителей гайдучиц чет. Руководствуясь принципом, что лучшая форма защиты это нападение, сербские повстанцы стали грабить и убивать всех попадавшихся на их пути турок. Затем Карагеоргий разослал повсюду гонцов с призывом к восстанию. Откликнувшиеся на призыв сербы, по словам Ранке, «немедленно выгнали из деревень» турок и стали занимать города, «турецкое народонаселение» которых спасалось бегством. «Мгновенно вся страна, все 12 нахий, села и паланки,— пишет Ранке,— очутились в руках тех, кои недавно обречены были на конечное истребление» [12. С. 112—115].

Из предложенной Л. Ранке модели видно, что он отождествляет 12 нахий Белградского пашалыка с территорией всей Сербии, янычар — с «турецким народонаселением» этой страны, а в качестве основной причины восстания 1804 г. указывает на невыносимый террор дахийского режима. При этом Ранке игнорирует демографическую ситуацию в Белградском пашалыке до и после войны 1788—1791 гг., роль неудачных реформ Селима III, политическую обстановку в балканских владениях Османской империи, политику великих держав и ряд других важнейших факторов, оказавших влияние на формирование предпосылок и ход восстания. Созданная им модель предельно упрощена и не отражает важнейших сторон действительности. И тем не менее она оказала большое влияние на формирование концепции многих сербских историков.

Вслед за Л. Ранке Ст. Новакович и другие сербские историки считали, что сельская община у сербов со времени раннего средневековья представляла собой устойчивый социально-экономический и политический организм, который не претерпел существенных изменений в условиях многовекового османского ига. Сербь, как и другие южные славяне, представляли собой «инертную, несогласованную массу», в среде которой, пишет Ст. Новакович, «не могло само по себе начаться какое-либо образование государства; это дело могло сделать только чуждое влияние, вне славянского мира» [15].

Иначе рассматривал вопрос о сельской общине известный сербский социалист-утопист Св. Маркович (1846—1875). Пытаясь согласовать положения концепции Л. Ранке — В. Караджича с учением К. Маркса о социально-экономических формациях, Св. Маркович доказывал, что племенной строй у сербов распался до турецкого завоевания. В условиях османского ига сохранялись только семейная задруга и сельская община. «Эти два сербских института,— пишет Св. Маркович,— остались нетронутыми турецкой государственной системой. В них сербский народ сконцентрировал свою... национальную жизнь. Задруга была экономической, а община — политической единицей сербского народа. Для сербского народа это был моральный и материальный источник, в котором он черпал силы для борьбы за освобождение... С самого начала сербского восстания (1804 г.— В. Г.) стало ясно, что они являются тем очагом, в котором вспыхнула революция, уничтожившая турецкую государственную систему, а также основой нового сербского государства». При таком «патриархальном демократизме», полагал Маркович, сербам не нужны были ни феодальная, ни капиталистическая формации. После освобождения от иностранного ига сербы, по его же словам, могут сразу же перейти от «патриархального демократизма» к «социалистическому укладу» жизни [16].

При жизни Св. Марковича его взгляды не нашли широкой поддержки среди сербских историков. Однако в 1950-х годах они были подхвачены югославской историографией, развиты и возведены в ранг господствующей в югославской исторической науке теории.

В сербской историографии второй половины XIX — первой половины XX в. интересующей нас проблемой больше других занимались Ст. Новакович, М. Вукичевич и Д. Пантелич.

Главные работы Ст. Новаковича по этой теме — «Турско царство пред српски устанак», «Устанак на дахије 1804 г.», «Васкре државе српске», «Ичков мир» — были написаны к столетию с начала восстания 1804 г., в период с 1902 по 1906 гг., когда Новакович находился в России в качестве чрезвычайного посланника Сербского княжества. В этот период ему удалось познакомиться с некоторыми документами из русских архивов, которые к этому времени были выявлены в архиве МИД России М. Вукичевичем. И все же, по уверению другого сербского историка, М. Гавриловича, Новакович старался восполнить недостаток источников «бледными и неточными воспоминаниями» участников восстания Л. Арсениевича-Баталаки, проты Мати и Ненадовича, В. Караджича и С. Милутиновича [17. С. 20]. Из этого видно, что в период написания этих работ Новакович по сравнению с его предшественниками был знаком с более широким, но еще недостаточным кругом источников.

Философские воззрения Ст. Новаковича на исторический процесс являлись эклектичными и со значительной примесью провиденциализма. Это видно из его характеристики движущих сил, влиявших на развитие человеческого общества. В 1900 г. он писал по этому поводу: «Провидение, которое направляет историческое развитие народной жизни откуда-то из-за облаков, из неведомых нам сфер, руководит и действиями вождей народного движения... Сами же вожди действуют, не помышляя ни о прошедшем, ни о будущем, ни о направлении, в котором развивается их деятельность, последняя же не сообразуется даже с тем, что создается самой жизнью и временем» [18. С. 2].

Исследованию взаимосвязи кризиса Османской империи на рубеже XVIII—XIX вв. и причин сербского восстания 1804 г. была посвящена лишь одна работа Ст. Новаковича [19]. Опираясь на концепцию Л. Ранке, Ст. Новакович попытался обосновать теорию кнежинской автономии, которая, с его точки зрения, объясняла специфику экономической и социально-политической жизни славянских народов, входивших в состав балканских владений Османской империи. Он полагал, что основанная на общинном строе и жупной организации, пронизанная народным духом кнежинская автономия в условиях османского ига не претерпела существенных изменений до середины XIX в. С XIII в. в своем первоначальном облике она сохранялась в Румелии, в западных пашалыках Балканского полуострова, включая Морю, в горной местности, располагавшейся между Охридским озером, Адриатическим морем и рекой Неретвой. В этом регионе, по словам Новаковича, еще в XIX в. отчетливо прослеживались «следы старой общинной жизни со времени средневековья и феодальной системы органов власти XIII в.» [19. С. 74, 168]. В кнежинской автономии Новакович видел прототип и той «народной автономии», идея которой была выдвинута отдельными представителями сербского народа в ходе австро-турецкой войны 1788—1791 гг., точнее в 1790 г., и за которую сербы боролись как во время восстания 1804—1813 гг., так и после его подавления [19. С. 4]. Идя навстречу требованиям сербского населения, сераскер Румелии Бекирпаша, писал Новакович, «установил в Белградском пашалыке согласно старым обычаям что-то наподобие полуавтономии, окружное или кнежинское самоуправление христианских жителей под верховной властью визиря» [8. С. 57]. В период с 1799 по 1803 гг. сербское население этого пашалыка

совместно со спахиями и «добрыми турками» защищали данный порядок от взбунтовавшихся против Порты янычар несмотря на то, что врагами сербских крестьян были как янычары, так и спахии [19. С. 3]. Задаваясь вопросом, «развивалось ли восстание по заранее задуманному плану или было вызвано влиянием людей, наделенных широкими идеями и образованностью», Новакович вслед за Л. Ранке отвечал, что оно «было вызвано внезапно простым отчаянием, чтобы только спасти свою личную жизнь» [8. С. 55; 18. С. 70—71]. В дальнейшем «мысль сербских старейшин развилась в требование широкой автономии и очищение земли от турок, но опять же под верховной турецкой властью» [19. С. 3]. Несмотря на то, что предводители восстания начали думать «о полном освобождении и о восстановлении древнего сербского государства еще в начале вожделения», тем не менее, подчеркивал Новакович, вышеназванная программа оставалась в силе до 1807 г. [20. С. 75, 78]. Свою борьбу за осуществление этой программы предводители восстания старались согласовать с внешнеполитическими курсами России и Австрии, которые были намечены еще Екатериной II и Иосифом II в 1791 г. Учитывая, что политика этих монархов, по убеждению Новаковича, была направлена на разрушение Османской империи и на создание на ее развалинах христианских государств, предводители сербского народа были готовы «помочь осуществлению планов Екатерины и Иосифа, поскольку они видели в этом способ улучшения своего национального положения» [19, С. 4]. Однако надежды сербов на Россию не оправдались, поскольку дипломатические акции российского правительства перед Портой в защиту сербов были малоэффективными, повстанцы были вынуждены рассчитывать только на свои силы. «По существу, — писал Новакович, — только оружием на бранном поле возникло будущее Сербское княжество, как государственное целое» [20. С. 81—87; 21. С. 21—22]. С появлением первых же русских представителей в Сербии, Ф. О. Паулуччи и К. К. Родофиникина, пишет Новакович, «с полной очевидностью обнаружилась мысль о подчинении Сербии русской верховной власти». Это было выгодно лишь тем сербским старейшинам, которые находились в оппозиции к Карагеоргию. К. К. Родофиникин, по словам Новаковича, «внес большую смуту (велике заплете) в отношения (сербских старейшин. — В. Г.) с Карагеоргием, а из-за этого чисто внутренний вопрос смешался с внешним, т. е. с покровительственной политикой России. Из-за нее-то и произошли многие (внутренние. — В. Г.) ссоры» [21. С. 3].

Несмотря на то, что предложенная Ст. Новаковичем интерпретация предпосылок сербского восстания 1804 г. и русско-сербских отношений на рубеже XVIII—XIX вв. во многом не согласуется с реальной действительностью и в ряде случаев прямо противоречит фактам достоверных источников, но тем не менее его выводы и оценки были положены в основу концепционных построений югославской историографии XX в., которые продолжают бытовать и совершенствоваться до наших дней.

В начале XX в. другой известный сербский историк, М. Гаврилович, ограничился лишь общим замечанием по поводу предпосылок и целей восстания 1804 г. В самом его начале, писал М. Гаврилович, предводители «были охвачены идеей полного освобождения от турок: они хотели освободиться не только от дахийцев, отступников от султана, но и получить надежные гарантии своей безопасности в будущем» [17. С. 80].

После майского переворота 1903 г., когда в Сербии пришел к власти внук предводителя восстания 1804—1813 гг. Петр Карагеоргиевич, изучение истории этого восстания значительно активизировалось.

Среди работ начала XX в. следует выделить двухтомный труд М. Вукичевича «Караџорђе». Это обстоятельное исследование создавалось под непосредственным наблюдением Ст. Новаковича, который оказал на молодого автора большое влияние [22. Књ. 1. С. X]. При написании первой книги,

охватывающей период с 1752 по 1804 г., Вукичевичем были привлечены мемуары участников восстания 1804 г., австрийская и французская пресса и лишь в незначительной степени документы из архива МИД России, в котором он работал несколько лет. Социальную и административную организацию сербского общества рубежа XVIII—XIX вв. Вукичевич характеризует, в основном, по работам Ст. Новаковича. Но в отличие от него он признавал влияние реформ Селима III, которые, по его мнению, способствовали лишь частичному расширению автономных прав сербских кнежин. «Новый порядок в Белградском пашалыке с кнежинскими привилегиями и твердо установленной данью, — пишет он, — удерживался полных 10 лет и послужил основой новых сербских прав, которые не могли быть так легко уничтожены. Народ привык к свободному вероисповеданию и кнежинской автономии с выбором кнезов и оберкнезов» [22. Кн. 1. С. 153]. С ликвидацией этих прав в 1801 г. белградскими янычарами Вукичевич связывал основную причину сербского восстания 1804 г. [22, Кн. 1. С. 215—216].

Среди работ 20—40-х годов XX в. наибольшей насыщенностью фактического материала выделяются исследования Д. Пантелича, который привлек большое число документов из государственных и военных архивов Австрии, Германии и Франции. Однако донесения австрийских и прусских дипломатов из Османской империи по каким-то причинам оказались вне поля его зрения. В отличие от своих предшественников, Д. Пантелич одним из первых в сербской историографии высказал мнение, что привилегии в сфере внутреннего управления на рубеже XVIII—XIX вв. не имели никакой связи с так называемой кнежинской автономией, а были даны сербам Белградского пашалыка в период введения реформ низами-джедид и зафиксированы в фирманах Порты в 1793, 1794 и 1796 гг. С введением этих реформ, пишет Д. Пантелич, в Белградском пашалыке «создавалось новое положение, которым сербы в основном были удовлетворены, насильственное их уничтожение со стороны янычаров и введение дахийского террора в начале XIX в. привело к сербскому восстанию» [23. С. 1]. Д. Пантелич не без основания, на наш взгляд, упрекает Ст. Новаковича и М. Вукичевича в том, что они бездоказательно приписывают архимандриту Ст. Йовановичу заслугу в том, что он и небольшая группа его единомышленников якобы не только разработали в 1790 г. проект и программу автономных привилегий для Сербии по типу Валахии и Молдавии, но и распространяли их среди сербов вплоть до начала восстания 1804 г. Истоки этого восстания, по справедливому убеждению Д. Пантелича, «следует искать в другом месте», — в реформах Селима III [23. С. 68—70].

В послевоенной югославской историографии разработка концепции предпосылки сербского восстания 1804 г. велась в основном с позиций теоретических установок, намеченных в 60—70-е годы XIX в. Св. Марковичем. Влияние его воззрений на эту проблему наиболее наглядно прослеживается в работах историков государства и права Д. Янковича, М. Р. Джорджевича, Р. Гузины и др. Р. Гузина, например, считает, что оставшееся патриархальным до конца XVIII в. сербское общество осуществило переход «от феодальных к капиталистическим условиям развития... быстро путем простого освобождения от турок... И все это было совершено при отсутствии буржуазного класса» [24. С. 79—80]. Верховному вождю восстания достаточно было одержать верх над местными кнезами, чтобы «патриархальный демократизм» был ликвидирован и созданы условия для буржуазного развития Сербии [24. С. 80—83].

М. Р. Джорджевич в докторской диссертации «Вопрос самоуправления Сербии в 1791—1830 гг.», которая была защищена в 1952 г., а опубликована в 1972 г., одним из первых в послевоенной югославской историографии попытался осмыслить предпосылки сербского восстания 1804 г., по его же признанию, с позиций исторического материализма, применяя формально-

юридический метод доказательств [25. С. 5, 16]. Опровергая систему доказательств Ст. Новаковича и Д. Пантелича, Джорджевич в то же время в качестве исходного материала для своих построений пользовался фактами и обобщениями из работ тех же историков. Основной смысл теоретических построений самого Джорджевича сводится к стремлению обосновать положение о возможности быстрого расслоения сербского крестьянства и формирования национальной буржуазии в результате благотворного влияния привилегий, предоставленных Портой сербам Белградского пашалыка в 1790-е годы. Поскольку в условиях османского гнета представители сербского народа не могли входить в состав господствующего в империи феодального класса, а простой народ не принимал участия в борьбе феодальных группировок, модернизируя тезис Л. Ранке и Ст. Новаковича, вторит им же Джорджевич, то для 90-х годов XVIII в. продолжало функционировать народное самоуправление, которое сдерживало рост сербской национальной буржуазии. В таких условиях освободительную борьбу с османским игом могли вести только крестьяне, национально-освободительная борьба которых одновременно была борьбой и против турецких феодалов [25. С. 145]. После австро-турецкой войны 1788—1791 гг. Порты, по словам Джорджевича, согласилась пойти на частичные уступки в виде привилегий в сфере самоуправления. Фирманами 1793, 1794 и 1796 гг. она обеспечила сербам безопасность жизни и имущества, разрешила свободу внутренней и внешней торговли и передала сербским князьям право собирать налоги со всего народа. С получением привилегий политические права народа были урезаны, а у князей появилась возможность для обогащения за счет присвоения излишков от сбора налогов и за счет расширения торговых операций. Таким образом, путем логических рассуждений Джорджевич приходит к выводу, что в 90-х годах XVIII в. в Белградском пашалыке были созданы благоприятные условия для формирования сербской сельской и торговой буржуазии. После этого «молодая сельская буржуазия, которая появляется и усиливается к концу XVIII в., примыкает к крестьянским массам и находит путь к осуществлению своих стремлений в вооруженной борьбе» [25. С. 247—248].

Развивая идею о возможности быстрого расслоения сербского крестьянства и появления национальной буржуазии, Д. Перович идет еще дальше в этом направлении. С его точки зрения, реформы 90-х годов XVIII в. существенно улучшили положение сербского народа в Белградском пашалыке. Благодаря им, уверяет он, была быстро ликвидирована разруха, причиненная сербской земле австро-турецкой войной 1788—1791 гг., восстановлена нормальная жизнь в Белградском пашалыке, начали быстро развиваться торговые связи внутри Османской империи и с австрийскими областями. А это, в свою очередь, способствовало развитию товарно-денежных отношений, дифференциации сербского крестьянства и формированию национальной буржуазии. С ликвидацией этих привилегий в 1801 г. бунтующими против Порты белградскими янычарами Перович связывает и основную причину сербского восстания 1804 г. [26].

Появившаяся в 50-х годах XX в. в югославской историографии концепция позитивного влияния привилегий 1790-х годов на создание благоприятных условий для социально-экономического развития сербского населения Белградского пашалыка, повлекшего за собой ускоренную дифференциацию сербского крестьянства, быстрое появление национальной буржуазии и, соответственно, формирование предпосылок сербского восстания 1804 г., была воспринята некоторыми советскими историками и получила дальнейшее развитие в их работах [27; 28; 29]. Наиболее последовательно и компактно эта точка зрения изложена в первом томе «Истории Югославии» [30]. При знакомстве с этой концепцией нетрудно заметить, что в ее основу была положена схема, которую в свое время разработали основоположники теории

исторического материализма применительно к буржуазным революциям в развитых государствах мира.

Обзор истории разработки концепции предпосылок сербского восстания 1804—1813 гг. показывает, что прочно укоренившийся в югославской и советской историографии стереотип был соткан из обрывков разнородных философских теорий и историко-правовых учений. В этом убеждает и то обстоятельство, что публикующиеся в последние 20—25 лет источники и страноведческие исследования ввели в научный оборот ряд фактов, которые вполне очевидно противоречат основным положениям охарактеризованной выше концепции. Для наглядности приведем лишь некоторые из них.

Это противоречие, прежде всего, видно при анализе демографической ситуации и характера миграционных процессов, протекавших на рубеже XVIII—XIX вв. в балканских владениях Османской империи вообще и Белградском пашалыке в особенности.

В Белградском пашалыке, по данным австрийских источников и сербского митрополита Ст. Стратимировича, в 1804 г. проживали 192 тыс. человек, из них: сербов — 100 тыс., турок — 40 тыс., других национальностей — 52 тыс. Из общего числа жителей этого пашалыка налогом облагались лишь 53 тыс. человек [31]. Указанный состав населения Белградского пашалыка сформировался за семь-восемь лет до начала восстания, т. е. с 1796 по 1804 гг. По данным османских источников, в Белградском пашалыке в 1791 г. значилось 18 850 человек, по другим данным — 25 тыс., в 1793/1794 г. там числилось лишь 20 тыс. налогоплательщиков [1. С. 47; 31].

Такая нестабильность демографической ситуации была связана с усилением миграционных процессов накануне, во время и после австро-турецкой войны 1788—1791 гг. В этот период из балканских владений Османской империи, из Белградского пашалыка в основном и из Боснии, переселились в Австрию, по одним данным, от 80 до 100 тыс., а по другим — от 45 до 50 тыс. человек [1. С. 47]. Более того, начавшаяся зимой 1792/1793 гг. в Белградском пашалыке эпидемия чумы, от которой бежало в горы почти все население, и падеж скота от какой-то неустановленной болезни продолжались до 1795 г. Учрежденные в связи с этим на границе с Австрией и в портах Адриатики карантинные функционировали до 1797 г. [5. С. 16—26; 22. Кн. 1. С. 178; 32].

О несоответствии положений охарактеризованной выше концепции реальной социально-политической обстановке, сложившейся в Белградском пашалыке к началу XIX в., свидетельствует и ряд других фактов. В частности, уже через год после снятия карантинных Порт разрешила изгнанным в 1792 г. янычарам вновь возвратиться в Белградский пашалык. Убив в 1801 г. белградского визиря Мустафа-пашу, командиры белградских янычар (дахии) взяли власть в Белграде и в пашалыке в свои руки, отменили все объявленные султаном в 1790-е годы привилегии сербам и установили режим жесточайшей тирании. Если добавить к этому последствия повсеместного в балканских владениях Османской империи голода 1793/1794 гг., послевоенную разруху, нараставшую волну междоусобий румелийских пашей и аянов, их сепаратизм, недовольство и открытое вооруженное сопротивление политике реформ, необузданный разгул и грабежи кирджалийских отрядов и гайдуцких чет, массовое бегство христианского населения за пределы империи и ряд других не менее важных факторов, которые не учитывались сторонниками рассматриваемой концепции, то становится очевидным, что удерживающийся до сих пор в историографии стереотип о наличии в Белградском пашалыке на рубеже XVIII—XIX вв. благоприятных условий для развития сельского хозяйства, ремесла, внутренней и внешней торговли и, соответственно, о возможности ускоренного расслоения сербского крестьянства и формирования сельской и торговой буржуазии вряд ли можно считать справедливым.

Рассмотренные в статье факты позволяют заключить, что при доказательстве основных положений интересующей нас концепции ее основоположники и их последователи отводят решающую роль привилегиям, которые были даны султаном сербскому населению Белградского пашалыка в 90-х годах XVIII в. и которые якобы способствовали созданию благоприятных условий для ускоренного развития социально-экономических и политических отношений в сербской среде. При этом по каким-то причинам упорно игнорируется ряд важнейших факторов, которые вполне очевидно указывают на то, что при создавшейся на рубеже XVIII—XIX вв. в данном регионе ситуации сербское население реально не могло воспользоваться этими привилегиями. И тем не менее, вопреки вопиющему противоречию конкретных фактов, сторонники этого стереотипа считают возможным моделировать развитие событий, происходивших в одном отдельно взятом пашалыке в период одного десятилетия по схеме, которая была разработана основоположниками теории исторического материализма применительно к процессам формационного значения, пробивавшим себе путь в течение многих десятилетий и даже веков в условиях развитых государств Европы. С нашей точки зрения, такой подход к оценке событий в Белградском пашалыке в период с 1793 по 1804 гг. является необоснованным ни с фактической, ни с методологической стороны. Кроме того, недооценка историками прошлого и настоящего веков факторов внутривнутриполитического противоборства в балканских владениях Османской империи и вовлечения в эту борьбу христианской раи, на наш взгляд, не позволила им дать и достаточно сбалансированных и объективных оценок политики великих держав как в отношении внутренней и внешней политики самой Порты, так и в отношении предпосылок и этапов сербского восстания 1804—1813 гг.

Принимая во внимание эти обстоятельства, автор настоящей статьи, базируясь на анализе опубликованных и, в основном, архивных источников, рассмотрев демографическую, административную и социально-экономическую структуру балканских владений Османской империи, характер миграционных процессов, результаты и последствия введения реформ низамиджедид в этом регионе в 90-х годах XVIII в. и в начале XIX в., формирование центров оппозиционных Порте военно-политических группировок в Румелии, формы сопротивления этих сил политике реформ и междоусобной борьбы румелийских феодалов, отношение к этой борьбе сербов, болгар и отчасти других балканских народов, отношение Австрии, Франции и России к политике Порты, к междоусобной борьбе румелийских пашей и аянов, к зарождающемуся национально-освободительному движению сербов, предлагает свое, альтернативное решение проблемы. Его суть вкратце сводится к следующему.

Возникший в последнем десятилетии XVIII в. конфликт между сербским населением Белградского пашалыка и размещенными там же янычарскими гарнизонами, который обычно представлялся в историографии как форма национально-освободительного и антифеодального движения, в действительности являл собой локальную разновидность общего внутривнутриполитического противоречия между Портой и противниками политики реформ низамиджедид. Начало этой политики обычно относится к концу 80-х — началу 90-х годов XVIII в. Наиболее непримиримыми противниками этих реформ были янычары, для борьбы с которыми Порты и преданные ей паши привлекали и христианское население, в том числе сербов Белградского пашалыка. При повторной попытке введения этих реформ в конце 1803 — начале 1804 г. Порты вновь решила привлечь на свою сторону сербское население Белградского пашалыка, которое было заинтересовано в реформах. После подавления янычарского мятежа в Белградском пашалыке летом 1804 г., когда в сербском ополчении насчитывалось более 25 тыс. человек, а Порты утратила контроль над ситуацией в Румелии, предводители сербских

повстанцев решили воспользоваться уникальностью сложившейся ситуации, чтобы добиться от Порты предоставления им автономии внутреннего управления по типу Дунайских княжеств или Ионической республики. К выдвижению этого требования отрицательно отнеслись Франция и Австрия, которые потребовали от Порты задушить движение в зародыше. Национально-освободительное стремление сербского народа нашло понимание только со стороны правительства России, которое оказало ему все возможные в то время помощь и поддержку [5].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Историја српског народа. Београд, 1981. Књ. 5. Т. 1.
2. Чубриловић В. Историја политичке мисли у Србији XIX в. Београд, 1958. С. 97—99.
3. Нарочнишкиј А. Л. Характер и значение первого сербского восстания 1804—1813 гг.//Новая и новейшая история. 1981. № 4.
4. Карасев В. Г. Первая буржуазно-национальная революция на Балканах. (К вопросу о характере сербского восстания 1804—1813 гг.)//Советское славяноведение. 1983. № 3. С. 45—52.
5. Грачев В. П. Балканские владения Османской империи на рубеже XVIII—XIX вв. М., 1990.
6. Савић В. Б. Прота Матија Ненадовић. Акта и писма. Горњ и Милановац; Београд, 1984. С. 586.
7. Ненадовић М. Мемоари. Београд, 1963. С. 6.
8. Новаковић Ст. Устанак на дахије 1804 г. Београд, 1954.
9. Златарски В. Н. Български въстания и опити за въстания до средина на XIX век//България 1000 години. София, 1930. С. 728.
10. Стојанчевић В. Србија и Бугари, 1804—1878 гг. Београд, 1988. С. 35.
11. Ranke L. Die Serbische Revolution. Aus Serbischen Papieren und Mitteilungen. Hamburg, 1829.
12. Ранке Л. История Србији по сербским источникам/Пер. на русский П. Бартенева. 2-е изд. М., 1876.
13. Никитин С. А. Караџић и Ранке//Проблемы историографии. Воронеж, 1960.
14. Грачев В. П. Сербская государственность X—XIV вв. (Критика теории «жупной организации»). М., 1972.
15. Новаковић Ст. Неколико теза питања из српске историје//Годишница Н. Чупића. Београд, 1913. Књ. 32. С. 2.
16. Маркович Св. Сербия на Востоке//Маркович Св. Избр. соч. М., 1956. С. 351.
17. Гавриловић М. Ичков мир//Из нове српске историје. Београд, 1926.
18. Новаковић Ст. Српска књига, њени продавци и читаоци у XIX веку. Београд, 1900.
19. Новаковић Ст. Турско царство пред српски устанак. Београд, 1906.
20. Новаковић Ст. Васкр државе српске. Београд, 1954.
21. Новаковић Ст. Уставно питање и закони Караџоркева времена. Београд, 1907.
22. Вукићевић М. Караџорке. Београд, 1907. Књ. 1; Београд, 1912. Књ. 2.
23. Пантелић Д. Београдски пашалук после Свиштовског мира (1791—1794). Београд, 1927.
24. Гузина Р. Кнежина и постанак српске буржоаске државе. Београд, 1955.
25. Ђорђевић М. Р. Питање самоуправе Србије 1791—1830 гг. Београд, 1972.
26. Перовић Д. Преглед историје југословенских народа. Београд, 1960. Д. 1. С. 193.
27. Зеленин В. В. Развитие ремесла и промышленности в период сербского восстания//Краткие сообщения Ин-та славяноведения. М., 1958. Вып. 23.
28. Достян И. С. Борьба сербского народа против турецкого ига (XV—XIX вв.). М., 1958. С. 132—135.
29. Достян И. С. Россия и Балканский вопрос. М., 1972. С. 22—24.
30. История Югославии. М., 1963. Т. 1. С. 309—310.
31. Констандиновић Н. Београдски пашалук. Територија, становништво, производне снаге. Београд, 1970. С. 79—80.
32. Гавриловић Сл. Вести о куги у Србији 1792—1794 гг.//Историјски часопис. Београд, 1979. Т. XXV—XXVI. С. 279—283.



ШЕРЕМЕТ В. И.

ГРЕЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1821—1830 годов И ТУРЕЦКИЕ РЕФОРМАТОРЫ И КОНСЕРВАТОРЫ

История греческой революции 1821—1830 гг. является одной из ярких и трагических страниц в истории европейской цивилизации Нового времени. Но одновременно она заставила посленаполеоновскую Европу взглянуть на ситуацию в Юго-Восточной Европе под новым углом зрения.

Падение Наполеона, реставрация Бурбонов, наконец, Венская система должны были знаменовать некую стабильность и «привычный порядок» в «старой доброй» монархической Европе. Не формально, но принципы легитимизма распространялись и на султанский трон. Стабильность и гармония казались участникам «Венского концерта» атрибутами гораздо более значимыми для спокойствия Европы, чем имя Бога, которым были освящены престолы монархов в 1815 г., включая и османский престол. Подобная позиция означала, конечно, широту взглядов и новые подходы отцов-создателей Венской системы. Впрочем, распространение легитимистских и пацификаторских принципов на сугубо военно-феодальный османский режим означало и нечто иное. Христианские подданные Османской империи оставались без внешнего покровительства, определенной политической защиты или по крайней мере возможности моральной апелляции. Речь идет не только о Кючук-Кайнарджийском русско-турецком договоре 1774 г. Он отмечен всеми чертами капитуляционного соглашения, и можно вполне согласиться с исследователями, усматривающими в договоре вмешательство России во внутренние дела Османской империи [1; 2].

Период после Кючук-Кайнарджи и австро-русского сближения начала 1780-х годов под общим лозунгом «греческого проекта», вплоть до наполеоновских войн, характеризуется интенсивным и относительно защищенным извне развитием греческого освободительного движения. После 1815 г. внешнеполитическая ситуация уже не была столь благоприятна для его развития.

Перелом в отношении официальной Европы к освободительным движениям в балканской Турции после 1815 г. был закономерен. При всей парадоксальности этого утверждения, ни греки, ни сербы, ни жители Дунайских княжеств не добились бы — первые свободы, остальные — защищенной автономии, если бы сохранялась архаичная система покровительства

Шеремет Виталий Иванович — член-корреспондент Академии естественных наук, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения и балканистики РАН.

великих держав христианским подданным султана, от которой великие державы фактически начали отказываться уже в период создания Венской системы.

Освобождение от османского ига осуществлялось на Балканах изнутри, безусловно, при благожелательной позиции, помощи и поддержке общественных сил и движений в Европе, например, широкого филэллинского движения. Эти процессы широко освещены в историографии. Вместе с тем существующая оценка османской политики в Греции отличается схематизмом, так как не учитывает сложной, порой драматической обстановки, в которой принимались решения в османском центре власти. Это — естественное следствие эмоциональной тональности ряда исследований по истории освободительных движений на Балканах в эпоху становления Венской системы; но есть и другой, объективный фактор. Сыграла свою роль малая доступность западному исследователю староосманских материалов, как, впрочем, и архивов на архаичном старососманском языке. Кроме того, весьма трудно преодолеть сложившийся на Западе, благодаря публикациям многочисленных, но слишком поверхностных путевых очерков начала XIX в., стереотип османской политики. Для периода 1810—1820-х годов она нередко трактовалась как косная и крайне замкнутая. Эта оценка верна лишь в первом приближении. Причина кроется в том, что всякий путешественник-«франк» был окружен недоверием и соответственно получал лишь искаженную информацию об османском социуме. Подозрительность к иностранцам и нежелание компетентных лиц из круга османского управления вступать в тесные контакты с ними проистекали из того, что великие державы многократно продавали и предавали своего турецкого союзника во времена бесчисленных политических комбинаций в Европе в XVIII — начале XIX в. Неудивительно, что и от европейских современников-путешественников, и от новейших исследователей оказался скрыт, как лик одалиски под чаршафом, внимательный и ищущий взгляд Высокой Порты, нацеленный на перемены в Европе эпохи «Венского концерта».

К этому времени под ударами как внешних (войны, восстания на окраинах империи и т. д.), так и внутренних (сплочение всех сил оппозиции из числа светских и духовных лиц) обстоятельств рухнули весьма перспективные реформаторские начинания султана Селима III. Они известны под общим термином «низам-и джедит» (1790-е годы — 1807 г.). До последующего витка реформ, начавшегося в середине 1820-х годов, султан-реформатор Махмуд II долго собирал силы и формулировал новые подходы. Поиски и начало реформаторского обновления сверху в Османской империи по существу совпали с серией революционных преобразований в Европе в Новое время. Сочетание этих взаимообусловленных, но векторно разнонаправленных тенденций и определило, на наш взгляд, возникновение Восточного вопроса.

К началу 1820-х годов ведущей проблемой для Запада в рамках Восточного вопроса стало сохранение status quo и признание законности султанской власти на всей территории Османской империи, включая, разумеется, и Балканы [3]. Для Высокой Порты приоритеты в Восточном вопросе (или, по терминологии турецких современников, в Западном вопросе) также вполне определились. Они состояли в равном удалении от всех группировок европейских держав и ориентации на решение внутренних проблем империи собственными силами [4. S. 107—114]. Главная задача состояла в создании благоприятных условий для преобразований. Восстания балканских подданных, как и конфронтация любого уровня с европейскими державами делали бесперспективными какие-либо реформаторские инициативы. Впрочем, осознание этой истины пришло в султанский дворец слишком поздно.

Такова была ситуация к весне 1821 г., когда в день Светлой Христовой Пасхи в Стамбуле был публично казнен патриарх Григорий. Однако запугать

греков, подавить, как прежде, начавшееся восстание жестокими репрессиями было невозможно. Более того, вторая, после войны сербов с Высокой Портой в 1804—1815 г., волна вооруженной борьбы христианских подданных за свободу грозила смыть всю систему османского господства на Балканах. Оказалось также, что и в правительственных кругах Стамбула нет прежнего единодушия.

Восстание греков вызвало к жизни новые политические явления. Среди них важнейшей оказалась неспособность османского центра власти справиться военными силами с периферией, требовавшей безусловной свободы. Кроме того, в первые годы восстания, когда еще не ясны были его окончательные результаты, европейские державы заняли позицию недвусмысленной поддержки Стамбула. Конгрессы Священного союза в Лайбахе (1821), а затем в Вероне (1822) осудили греческое повстанческое движение. Делегатам Греции отказывали в приеме, тогда как благосклонно выслушивали представителей Высокой Порты, уверявших, что мятеж будет вот-вот подавлен, а бунтовщики примерно наказаны [5].

Казалось, что внешнеполитическая ситуация складывалась в пользу Стамбула. Порта могла быть удовлетворена и первой реакцией мусульманского населения империи. Призывы к джихаду — священной войне с неверными, восставшими против законного (заметим, и с точки зрения исламских законоведов, и с точки зрения христианских монархов Европы) правителя — были услышаны в Османской империи.

Фактическое одобрение великими державами султанских акций по усмирению Греции и занятость военными реформами отвлекли внимание Махмуда II от осознания того, что среди законоведов-улемов и высших должностных лиц создалась оппозиция его курсу на быстрое и беспощадное подавление восстания в Греции. Как полагал сам Махмуд, только это отвечало как интересам Стамбула, так и интересам великих держав, и одновременно отрезвило бы Россию [4. S. 114—117].

Скандал разразился утром 6 зилькаде 1243 г. х. (20 мая 1828 г.) в резиденции шейх-уль-ислама. Там собрался Совецательный диван при султани, пришли руководители органов управления Османской империей. Должны были обсуждаться вопросы о Греции и о войне, объявленной Россией Высокой Порте в апреле 1828 г. Султан ожидал единодушной поддержки своего предложения «предать неверных огню и мечу». Так бывало не раз. Но сейчас ситуация изменилась. В чем же?

К весне 1828 г. восстание в Греции не победило, но силы восставших окрепли, борьба приняла затяжной характер, несмотря на переброску в Грецию по-европейски обученных и вооруженных регулярных войск египетского правителя. После серии побед египетские карательные части стали, однако, все более «увязать» в Греции. Под мощным давлением общественного мнения в России, Великобритании, Франции и заокеанских САСШ правительства великих держав еще раз изменили свое отношение к событиям в Греции. Соединенный англо-русско-французский флот разгромил турецко-египетскую эскадру при Наварино (1827). В апреле 1828 г. Россия начала войну с Турцией, одним из главных мотивов ее было спасение греков от истребления.

Война Турции с Грецией шла уже семь лет. Подавить греков привычным ударом янычарского ятагана Высокой Порте не удалось. И османские войска были уже не те, и уровень восстания возвысился до массовой народной войны за полное освобождение. В разгар боевых действий в Греции, в 1826 г., Махмуд II начал далеко идущие преобразования. Отменялась существовавшая почти 500 лет военно-ленная система и сопутствовавшие ей институты, было уничтожено средневековое янычарское войско. Взамен создавались регулярные, по-европейски обученные части. Несомненно, что катализатором преобразований послужили неожиданные для османских вла-

стей события в Греции, поставившие под вопрос само существование османской власти в Юго-Восточной Европе.

Еще с начала 1820-х годов в правительственных кругах империи высказывались робкие, но неоднократно повторявшиеся призывы искать новые политические ориентиры. Об этом свидетельствуют турецкие хроники и обнаруженные нами русские дипломатические документы [5]. Однако только к 1828 г. сформировались в достаточно четкой форме взгляды группы реформаторов османской политики. Среди них видную роль играли Кечиджи-заде Иззет Молла (1768—1829) — ученый-богослов и хранитель священных городов Мекки и Медины, начальник отдела налогов финансового ведомства Беджих-эфенди, вице-адмирал Мехмед-паша, бывший министр иностранных дел Хамид-бей, командующий новыми регулярными частями, будущий посол в Петербурге Халиль-паша и некоторые другие. Все они присутствовали на упомянутом совещании 20 мая.

Перед собравшимися выступил Иззет Молла. К этому времени он был хорошо известен в империи как незаурядный поэт, автор популярного в народе дивана стихов суфийского толка. Иззет Молла уже познал немилость султана: он выступал против войны с Россией в 1806—1812 гг., был сослан, затем прощен, приближен к Махмуду II как человек, популярный в народе, широко образованный и очень независимый в суждениях. По данным придворного историографа, который, весьма вероятно, присутствовал на совещании и записывал для себя (и для султана) все происходившее, Иззет Молла сформулировал две проблемы. По его мнению, война с Россией — новое и многократно худшее бедствие в сравнении с войной в Греции. Казна пуста, затрачены огромные средства на новую регулярную армию. Главный тезис Иззет Моллы состоял в том, что сначала нужны реформы и основательная подготовка, а затем уж следует решать вопросы войны. Сама судьба Османской империи зависит от правильного выбора. Необходимо дать свободу Греции, остановить войну с Россией и тем самым спасти империю [7. С. 292—293].

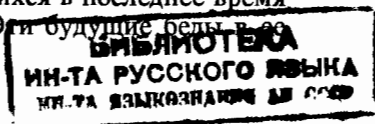
Его поддержали, неуверенно и робко, глава военного ведомства и великий везир. Но они говорили о некоторых трудностях в делах финансов, ритуально заверяли султана, что не пожалеют сил для победы. Хватило благоразумия не уточнять — победы над кем? Россией, Грецией или объединенными силами великих держав? Они не поняли главного содержания речи Иззет Моллы — мир любой ценой во имя спасения империи.

Большинство Совещательного дивана высказалось за войну с Россией и скорейшее подавление греческих бунтовщиков. Для них эти проблемы представлялись единым целым.

Вскоре после заседания Иззет Молла и его единомышленники представили султану докладную записку — ляйиху (lauiha), в которой была дана обобщенная оценка ситуации, сложившейся в связи с греческой революцией. Этот документ был полностью опубликован в «Tarih-i Lütfi» [7. С. 391—393]. Однако историками новейшего времени он комплексно не исследовался [8].

Изложенный в традиционной османской манере сопоставления мнений, документ содержит одновременно взгляды сторонника мира и реформ, к которым принадлежали Иззет Молла и его сподвижники, и аргументы апологетов жесткого курса на репрессии и военные способы решения конфликта. Таким образом, современный читатель имеет уникальную возможность изучить обе противостоящие точки зрения на события в Греции, да и по более широкому кругу проблем балканской политики Высокой Порты начального этапа танзимата.

Ляйиха начинается с изложения точки зрения «военной группировки» в диване. Последняя утверждала, что восстание в Греции есть главная причина всех бедствий Османской империи, случившихся в последнее время (т. е. войны с Россией) и неизбежных в будущем. Эти будущие беды в ос



трактовке обрисовывались так: «Упомянутая республика¹ будет постепенно укреплять и расширять свои границы, будет строить торговые суда на всех островах (подвластных ей в Средиземноморье.— В. Ш.), и тогда вся морская торговля полностью перейдет от османов в руки греков». Чем это грозит империи? «Греки возьмут в свои руки всю торговлю продовольствием в мусульманских землях и тем нанесут ущерб Великому Престолу и другим исламским землям». Далее следовал пространный пассаж по поводу того, что Высокая Порта допустила греческое торговое судоходство в Черном и Средиземном морях, а в будущем эта проблема сравнима по тяжести для Османской империи разве что с потерей Крыма [7. S. 393].

Греки не чужды мысли о том, чтобы увеличить свою территорию, присоединить Сербию и Черногорию. «Тогда,— набрасывала мрачные прогнозы военная группировка,— они, греки, выйдут из-под влияния России и создадут новое сильное независимое государство с тенденциями к расширению своих пределов. Уж и речи нет о тех политических интригах, которым они будут предаваться...» [7. S. 393]. Военная партия в диване была весьма прагматична и под упомянутыми «интригами» понимала следующее: «...Грекам только дай свободу, тогда, если где-либо в Богоспасаемых пределах (Османской империи.— В. Ш.) христианские подданные будут встречать притеснения, или размах торговли не будет соответствовать их интересам, они будут постепенно перебегать в Греческую республику. И тогда число османских подданных-христиан катастрофически уменьшится» [7. S. 391]. Чтобы сильнее воздействовать на мусульманские чувства тех, кто должен был принимать решения в верхнем эшелоне власти, военная партия прибегала к сильнейшему, по ее мнению, аргументу. «Грекам только дай свободу, тогда на полуострове Морья и по всей местности, называемой Греция, мечети мусульман должны будут стать церквями, а мусульманские селения будут превращены — о, горе нам! — в христианские» [7. S. 392].

Рецепт от всех бед, могущих произойти от предоставления Греции свободы, давался один и краткий: греков усмирить, а России дать почувствовать силу исламской священной войны — джихада!

Призывов вернуть потерянные в прошлых русско-турецких войнах османские владения в данном документе мы не найдем. Это, однако, не означало, что воинственные круги в османском руководстве отказались от борьбы за возвращение под зеленое знамя Пророка Крыма, земель, населенных мусульманами в Закавказье или на Северном Кавказе. Эти идеи вошли в многочисленные обращения Махмуда II к подданным мусульманам и в фетвы — обращения шейх-уль-ислама [7. S. 414; 9].

Важно отметить, что в сопоставлении с перспективой освобождения Греции прошлая утрата других территорий Османской империи явно отступила на второй план. «Поскольку земли, которые Россия до настоящего времени отторгла у Османской империи, находятся в отдаленных пограничных областях, вопрос об их потере не сходен с проблемой Греции. Если обгорел подол у платья, то им еще можно пользоваться, отрезав обгоревшее место. Вопрос же о свободе Греции будет подобен прожженному месту на воротнике. Оно ремонту не подлежит» [7. S. 392].

Как видим, имела место жесткая заданность и безальтернативность сторонников «янычарского способа» борьбы с восставшими греками. И все же нечто новое появилось и в их позиции. Оно состояло в понимании, по крайней мере, в первом приближении, роли и значения экономического (или, для данного периода, — торгового) аспекта проблемы: утрата не только фактически, но и юридически позиций в морском судоходстве в Средизем-

¹ В отношении восставшей Греции в тексте постоянно употребляется термин «джумхуриет» — «республика». Полагаем, что по аналогии с Республикой семи островов Ионического архипелага.

номорском регионе в целом. Подобная постановка не прослеживается по известным нам источникам в отношении восстаний на Балканах в предшествовавшие периоды [10]. Заметим, что греческая революция и экономические аспекты, с ней связанные, прежде всего юридическое закрепление свободы греческого торгового мореплавания в Черноморских проливах, заставили Высокую Порту прибегнуть, впрочем, неудачно и ненадолго (до 1838 г.), к усилению системы государственной монополии (ед-и вахит) на продовольствие и сырье для ремесленного производства. С особой силой запретительные санкции проводились Портой в 1828—1838 гг. на оставшихся под ее властью греческих землях [11].

Можно признать, что отдельные мысли «военной партии» были услышаны в высоких сферах османского управления. Однако даже такая жесткая и непримиримая по отношению к возможному освобождению Греции позиция не устраивала Махмуда II. К ноябрю 1828 г. по его личному распоряжению была подготовлена и широко распространена в Европейской Турции и в зоне Стамбула и проливов новая лаяиха. Ее авторами являлись руководители ведомства иностранных дел — реис-эфенди Пертев-паша и его помощник по делам в Европейской Турции Акиф-эфенди. Вышедший из-под их пера документ был одобрен Махмудом II и, видимо, может считаться программным документом османского центра власти в отношении греческой революции и русской политики Стамбула. Эта лаяиха также вошла в сочинение придворного историографа Лютфи-эфенди.

В новой лаяихе было прежде всего ужесточено понимание Высокой Портой греческого вопроса как сугубо внутреннего для Османской империи. В качестве такового он не подлежал обсуждению ни с Россией, ни с Западом. Акцентировались политические и некоторые экономические аспекты этого вопроса. Впервые прозвучала проблема собственности на землю. Признание независимости Греческого государства, писали Пертев-паша и Акиф-эфенди, нанесло бы и Османскому государству, и турецким собственникам в Греции неисчислимые убытки. Это, в свою очередь, вызвало бы растерянность и беспокойство за жизнь и имущество среди мусульман в других близлежащих областях империи. Тем более, подчеркивали они, если Греция превратится в большое средиземноморское государство [7. S. 402—404].

Страхом перед сильным Греческим государством был проникнут весь документ. Острое беспокойство руководителей внешней политики вызвала проблема проливов. Связывая их судьбу с будущей позицией Греции, они отмечали, что открытие проливов для свободной торговой навигации — греческой, русской, а затем и других стран — повлечет «упадок в государственной казне, смуты и мятежи». А если учесть, что «идеи свободы, как пожар, распространяются среди христиан», открытие проливов приблизит империю к катастрофе.

Примечательно, что руководители внешней политики Высокой Порты и ранее, в 1812—1821 гг., и позднее, в 1830-е годы, крайне неодобрительно отзывавшиеся о капитуляционных соглашениях с Западом, с возмущением писали, что «бунтовщики-греки» вместо того, чтобы обращаться с жалобами к кади, в шариатские суды, отправляются к русскому консулу, т. е. поддерживают капитуляционные иммунитеты. Это, в свою очередь, служит поводом к вмешательству великих держав. Положительно, эту смуту надо было пресечь! [7. S. 407].

Более определенно в документе Пертев-паши и Акиф-эфенди говорилось о роли России. «Всем известно, — писали они, — что москвиты вызвали греческое восстание (подчеркнуто в публикации документа. — В. Ш.). Они намеревались тем самым легко прибрать к рукам владения ислама» [7. S. 404]. Авторы документа защищали право Высокой Порты на силовое решение греческого вопроса — подавление «бунта» (другого термина даже не упот-

реблялось). Однако они не могли не видеть, как далеко зашли процессы на Балканах. «Если дать свободу Греции, то Россия начнет требовать освобождения сначала болгарской регии (христианских подданных.— *В. Ш.*), а затем и других регийатов. Так, от чего упаси Бог, могут быть потеряны все османские владения на Балканах» [7. С. 405]. Перспектива была обрисована абсолютно верно, и здесь османские руководители внешней политики проявили хорошее понимание ситуации. Заметим, что до 1834 г. в компетенцию ведомства реис-эфенди входило и общее управление делами христианского населения Балкан. Этим ведал именно Акиф-эфенди.

Однако выводы Пертев-паша и Акиф-эфенди сделали вполне в духе старого янычарского мышления. «Бунт» на окраинах империи надо подавить любой ценой, а если военных ресурсов маловато, то и тут они знали выход. «Одному мусульманину по Корану запрещено отступать перед лицом двух врагов... Разве Османское государство не сможет собрать по милости Бога и в соответствии с законами шариата 100 тысяч воинов! Кто устоит!» [7. С. 406, 407].

Общий вывод документов, порожденных воинственной группировкой в правящих кругах Османской империи, заключался в следующем. Если имперские порядки пошатнулись и на окраинах империи вспыхнул бунт, надлежит подавить его, пока пожар не проник во внутренние районы, пока за тушение пожара не взялись внешние, конечно же, враждебные османскому престолу силы. Главное — восстановить в Греции прежние порядки времен расцвета могущества империи.

На фоне столь косных, несмотря на отдельные проблески реализма, оценок и рекомендаций по выходу из кризиса, в котором оказалась Высокая Порта, удивительно свежо и конструктивно звучали идеи Иззет Моллы и его «партии мира». Напомним, что ляйиха Иззет Моллы была подана Махмуду II в конце мая — начале июня 1828 г.

Тщетно было бы искать в ней сочувствия к восставшим грекам, но и призывов к расправе с ними в ляйихе тоже нет. Ляйиха проникнута убежденностью в том, что не вооруженная рука спасет империю от дальнейшего распада, а разумная гибкость и уступки, которые надо сделать вопреки вековым имперским амбициям. Иззет Молла и его единомышленники были вполне османами и мусульманами по воспитанию и сложившимся взглядам. Вместе с тем они представляли ту новую группировку в бюрократической верхушке, которая осознала необходимость глубоких преобразований в стране и силой своего влияния и авторитета была готова обосновать неизбежность определенных жертв со стороны османского центра власти. Сам Иззет Молла на правах одного из высших духовных авторитетов исламского мира в 1826 г. поддержал уничтожение янычарского корпуса и ордена дервишей — бекташей. Кстати, в связи с этим он и был приближен к султану после первой ссылки. Одним из первых в высшем руководстве империи он отправил своего сына Мехмеда Фуада на учебу в европейские университеты. В Италии Мехмед Фуад, впоследствии паша и великий везир, познакомился и подружился с молодым русским дипломатом А. М. Горчаковым, будущим канцлером России. Дружеские отношения между ними продолжались всю жизнь и во многом определили политическое сотрудничество двух империй в сложные для России годы подготовки к отказу от ограничительных статей Парижского трактата 1856 г. Молодые сподвижники Иззет Моллы — Беджих-эфенди и Халиль-бей (последний стал пашой и послом в России) — также связали свою дальнейшую жизнь с реформами и борьбой за обновление империи.

Неудивительно, что греческую революцию все они восприняли и оценили не как катастрофу, а как данность судьбы, реальность, которую нужно понять и принять. В самом начале своей ляйихи они призвали Махмуда II определить причины восстания и «установить степень и формы преоб-

разований, необходимых для других исламских владений,... а первым долгом отдать Морю грекам, пока горестные последствия этого события (т. е. восстания.— В. Ш.) не сказались во всей полноте» [7. S. 391—392]. Они отчетливо сознавали, что военной силой невозможно сдержать распад империи. «Бояться, что греки и другие христиане будут перебежать в Греческую республику,— это значит самим отдавать в руки противника нашу реюю (христиан, составлявших большую часть населения Европейской Турции.— В. Ш.)» [7. S. 392]. Выход один — дать свободу Морю и обеспечить такой уровень преобразований в других балканских землях, который исключит новые восстания. Если же исходить из того, что делают и говорят сторонники войны, запугивая усилением греческого флота и военной мощи Греции, то это означает только одно — изначально провоцировать противостояние Османской империи с новым государством, «подталкивать греков в самом неблагоприятном как соседей направлении — к укреплению и расширению границ» [7. S. 392].

Категорически отвергая какое-либо сравнение Греции с Крымом и ранее утраченными османскими землями, Иззет Молла и «партия мира» утверждали, что нельзя даже ставить вопрос о том, чтобы бросить в огонь во имя сохранения Мореи или иных владений все мусульманское население империи. Прибегая к излюбленному на Востоке образному сравнению, Иззет Молла писал, что «война в Греции или за Грецию не может разрешить внутренние османские проблемы, подобно тому, как не станет новым платьем с прожженным воротником». Иззет Молла был далек от того, чтобы приветствовать рождение нового независимого государства в Европе, «по размерам и по мощи сравнимого с государствами, которым помогает Аллах». Однако надо признать сложившуюся ситуацию, а не охать по поводу того, «что греки, дескать, вывозят из Османской империи продовольствие и платят слишком низкие пошлины». Останавливая процесс укрепления новой Греции, искусственно сдерживая развитие торговли, которую так активно ведут греки, можно дойти до того, что ни одна, уже османская лодка с товаром не отплывет от берега. Вот тогда будет по-настоящему плохо для всей империи [7. S. 393].

Иззет Молла высказывал убеждение, что Греция станет крупным и сильным государством, будет серьезным противником Османской империи. И он оказался прав, предвидя ситуацию в Юго-Восточной Европе на сто лет вперед. «Если за 500 лет,— писал Иззет Молла,— османы не сумели обеспечить надежное и разумное управление подвластными территориями, то уж теперь не следует усложнять ситуацию на будущее, насильно сохраняя то, что фактически утрачено» [7, S. 393].

Пройдет несколько лет после этого пламенного послания поэта-богослова к султану. На политической арене империи появится плеяда молодых реформаторов, и среди них будет сын Иззет Моллы. Однако никто из них не смог сформулировать исходной идеи реформаторства в мультинациональной и экономически многоукладной Османской империи так, как это сделал Иззет Молла. Во-первых, писал он, реформы должны были начаться еще двести лет назад; во-вторых, их надо было начинать с Греции и других подвластных Порте земель, т. е. от периферии идти к центру, а не наоборот, как это имело место в эпоху танзимата.

Было упущено время, упущены возможности. Исторический процесс освобождения христианской периферии приобрел собственную логику развития и столь высокий потенциал, что любая попытка османского центра власти воспрепятствовать ему или ввести в направляемое из Стамбула русло терпели поражение. Более того, в 50—70-е годы XIX в., в начале XX ст. такие попытки все более раскачивали османский центр власти. Они отвлекали на противостояние Стамбулу силы обретавшей свободу балканской периферии. Для Высокой Порты политика сдерживания процесса освобождения

дения была воистину губительна. В конечном итоге империальный центр пал. Османская империя распалась, начиная с периферии.

Высказываясь с беспрецедентной для мусульманского теолога и практика шариата определенностью по поводу признания независимости Греции, Иззет Молла, естественно, не мог обойти и вопрос о принадлежности вакуфного (церковного) имущества и положения мечетей в бывшей «земле османов». Сделав шаг в сторону признания независимости Греции, он отчетливо понимал необходимость пересмотра земельной практики эпохи османского владычества. При этом его заботило положение тех мусульман (и их культовых учреждений), которые какое-то время будут сохраняться на добившихся свободы землях. Признание нового статуса Греции — лучшее средство избежать того, что он очень осторожно назвал «многочисленными осложнениями». По существу, Иззет Молла своим обращением к правительственным кругам предвосхитил проблему, вся тяжесть которой обрушилась на Османскую империю многие десятилетия спустя. Речь шла о мухаджирах, т. е. беженцах, переселенцах, мусульманах по вероисповеданию, людях нередко разных национальностей, которым пришлось покинуть Европейскую Турцию — родину многих поколений их предков в результате сокрушительных поражений амбиций Высокой Порты в конце XIX — начале XX в. Десятки тысяч мусульман-беженцев стали жертвами политических и военных конфликтов турецкого руководства с новыми независимыми балканскими государствами. Лишенные родины, имущества и какой-либо государственной поддержки, беженцы из Европейской Турции в 1911—1914 гг. были направлены в Северо-Восточную и Юго-Восточную Анатолию, в места традиционного расселения армян и греков — подданных империи. Там они были одновременно и жертвами, и палачами в вакханалии братоубийственных конфликтов среди местного населения, использованы в демагогической политике Энвер-паши и его окружения в период первой мировой войны [12].

Не эти ли едва тлевшие угли призывал не раздувать, а погасить Иззет Молла? «Как можно,— писал он,— восклицать: пусть не достанутся неверным мусульманские мечети в Море. Говорить так означает разжигать огонь вражды и подвергать опасности ответного насилия со стороны реиши мусульманские святыни на Западе и Востоке, даже на Севере и на Юге Богоспасаемого Предела (Османской империи.— В. Ш.)» [7. С. 392].

В заключение Иззет Молла повторил свои доводы в пользу реформ, что, по его мнению, неизмеримо важнее, чем проблема Греции или принятие мирных условий, продиктованных Россией. Греческая революция, в его трактовке, поставила перед Османской империей массу проблем как внутреннего свойства, так и на международной арене. Свобода, предоставляемая грекам Высокой Портой, а не получаемая ими в результате неизбежного, как он считал, поражения Порты в данной войне, и мир с Россией — вот что может наилучшим образом обеспечить интересы Османской империи. Именно такое решение, завершал многоопытный улем Иззет Молла свою лэйиху, находилось бы в полном соответствии с шариатом.

Голос поэта и мудреца не был услышан султаном. Обреченная политика османского центра власти, стремление насильно удержать рвавшуюся к свободе греческую периферию империи принесли страдания и смерть всем — грекам, туркам, наконец, русским, поднявшим оружие в защиту Греции (впрочем, и в защиту своих интересов тоже).

Разгневанный султан-халиф лишил Иззет Моллу почетного поста в Мекке и сослал его в далекий Сивас. Незадолго до окончания русской-турецкой войны, летом 1829 г., опальный поэт испил поднесенную ему по приказу Махмуда II чашечку кофе с растертым в пыль бриллиантом...

До провозглашения в Гюльхане хатт-и шерифа, формально уравнившего

в правах всех немусульман Османской империи с приверженцами ислама, оставалось десять лет...

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Davison R. H. Russian Skill and Turkish Imbecility. The Treaty of Kuchuk Kainardji Reconsidered//Slavic Review. 1976. Vol. 35. N. 3.
2. Aspects of the Eastern Question. Sofia, 1986. P. 23.
3. Международные отношения на Балканах. 1815—1830. М., 1983. С. 23—25.
4. Karal E. Z. Osmanlı tarihi. Ankara, 1970. Cilt V. 3-cu baskı.
5. Driault Ed., Lhèritier M. Histoire diplomatique de la Grèce de 1821 à nos jours. Paris, 1925. T. 1. P. 187—192.
6. Шеремет В. И. Функционирование военных и гражданских институтов Османской империи в условиях войны с Россией 1828—1829 гг. (по свидетельствам современников)//Восток в новое время. М., 1991. С. 201—203.
7. [Lütfi Ahmed]. Tarih-i Lütî. Der-i Saadet. 1290 hicra. [Istanbul, 1893] Cilt I.
8. Шеремет В. И. Турция и Адрианопольский мир 1829 г. Из истории Восточного вопроса. М., 1975. С. 35—39.
9. Lesure C. Annuaire historique pour 1828. Paris, 1829. P. 127—129.
10. Шеремет В. И. Нека питања српског ослободилачког покрета на почетку XIX века у турској историографији//Југословенске земље и Русија за време Првог српског устанка 1804—1813. Београд, 1983. С. 203—216.
11. Иванов С. М., Мейер М. С., Шеремет В. И., Киреев Н. Г. Внешнеполитические связи Османской империи. М., 1989. С. 32—45.
12. Шеремет В. И. Последняя депеша турецкого посла//Северный вестник. 1991. № 2. С. 6—7.



НОВОПАШИН Ю. С.

ВТОРЖЕНИЕ В ЧЕХОСЛОВАКИЮ В 1968 г. КАК ВОПЛОЩЕНИЕ ПРАКТИКИ «КЛАССОВОГО ПОДХОДА»¹

За время перестройки сверху (апрель 1985 — август 1991 гг.) от центральных советских властей исходили различные новации, одни из которых оказались на поверку типичными псевдоновациями, другие же действительно внесли струю свежего воздуха в застоявшуюся атмосферу так называемого классового противоборства. Примером последних может служить провозглашение приверженности новому политическому мышлению с присущим ему приматом ценностей гуманно-демократических, общечеловеческих, а не классово-партийных, коммунистических. Но от последних горбачевское руководство, будучи прямым наследником большевиков, этих «якобинцев XX века»², полностью все же не отказалось, а лишь переместило их с первого плана на второй. Об этом уместно напомнить, обращаясь к представлениям советских коммунистических властей о классовом подходе к общественным явлениям и к их решению о военном вторжении в Чехословакию, которое вытекало из этих представлений.

Нередко приходится сталкиваться с мнением о далеко не безобидном внедрении в общественное сознание «стереотипных клише типа общечеловеческих ценностей» [2], о «не очень плодотворных рассуждениях о приоритете общечеловеческих интересов в современном мире» и сохраняющейся значимости марксистской «общей теоретико-методологической мировоззренческой концепции» [3. С. 21, 23]. То есть, поясним, той концепции, которая включает аксиоматическое признание приоритета классовых интересов. Другими словами, когда некоторые «ученые мужи» обращаются к позорному для бывшего СССР наследию 1968 г., то как и прежде склонны считать правильной общую концепцию или доктрину приоритета классовых интересов, а неправильной лишь — «конкретную политическую линию, проводившуюся Советским Союзом и другими странами блаженной памяти

Новопашин Юрий Степанович — д-р филос. наук, проф., зам. директора Института славяноведения и балканистики РАН.

¹ В основу статьи положен доклад на научной конференции «Чехословацкое развитие 1968 года и его международные последствия» (ЧСФР, Либлице, 2—7 декабря 1991 г.)

² Парафраз высказывания Л. Д. Троцкого о 1793 г., который «остался в памяти человечества как один из таких металлических годов, когда под руководством якобинцев, этих большевиков XVIII века, плебс, санкюлоты, ремесленники и полупролетарии, оборванцы парижских предместий, учредили железную диктатуру и учинили незабываемую расправу над коронованным и привилегированным властителем старого общества» [1].

социалистического содружества» [3. С. 22]. На такого рода позицию призвана «работать» и отсылка к публицистическим выступлениям тех лет в обоснование упомянутой доктрины, нередко содержавшим, дескать, известный перечень по части толкования интернациональных интересов в качестве «высших», прежде всего отсылка «к хорошо известной статье Ковалева в „Правде“, в которой эта доктрина (ограничивающая национальный суверенитет.— Ю. Н.) была изложена в самом развернутом виде» [3. С. 22], тогда как в «трудах» Л. И. Брежнева она якобы нигде «не сформулирована» [3. С. 21].

Рисуется, следовательно, такая картина: в придании марксистско-ленинской идеологии и политике тоталитарного, экспансионистского характера виноваты некие малозначительные борзописцы, а вовсе не отцы-основатели «единственно верного учения» и не такие их «славные» последователи, как Брежнев, которому «буржуазные фальсификаторы» приписали авторство доктрины «ограниченного суверенитета».

Недобросовестность подобной позиции, если начать с последнего утверждения, заключается прежде всего в том, что ее сторонники проходят мимо ряда выступлений Брежнева лета-осени 1968 г., в которых настойчиво повторялся тезис о приоритете классовых, интернациональных интересов, общих закономерностей и принципов функционирования и развития нового строя. Так, 3 июля 1968 г. в речи на митинге советско-венгерской дружбы в Кремлевском дворце съездов Л. И. Брежнев подчеркнул: «Мы, коммунисты, строим социализм и коммунизм каждый у себя, в своей стране, и видим в этом свою первоочередную обязанность. Но мы в то же время интернационалисты по сути своих убеждений, по воспитанию, по велению сердца, и нам не могут быть и никогда не будут безразличны судьбы социалистического строительства в других странах, общее дело социализма и коммунизма на земле» [4. С. 251]. На Варшавской встрече (14—15 июля 1968 г.) руководства пяти стран «восточного блока», осуществивших несколько позднее военное вторжение в «союзнюю» Чехословакию, лидер КПСС, по словам Э. Вейта — тогдашнего переводчика В. Гомулки, вновь утверждал, что «существуют некоторые общие принципы социалистического строительства, сформулированные классиками марксизма-ленинизма, которых должны придерживаться все социалистические страны» [5].

Именно эти утверждения генсека ЦК КПСС были тогда же «отслежены» западными наблюдателями в качестве стержневых для внешнеполитической доктрины советского руководства, справедливо названной ими «доктриной ограниченного суверенитета» или «доктриной Брежнева». Хотя в обосновании на Западе того, что упомянутая доктрина предполагает ограничение суверенитета партнеров СССР по «социалистическому содружеству», сыграла, конечно, свою роль и статья С. М. Ковалева «Суверенитет и интернациональные обязанности социалистических стран». В этой статье, увидевшей свет уже после вторжения, «руководящие указания» начальства были преподнесены партийным массам и всей читающей публике в достаточно жестком стиле. Например, говорилось, что хотя каждая «коммунистическая партия свободна в применении основных принципов марксизма-ленинизма, социализма в своей стране, но она не может отходить от этих принципов», что «никто не вмешивается в конкретные меры по совершенствованию социалистического строя в различных странах социализма. Но дело коренным образом меняется (курсив везде наш.— Ю. Н.), когда возникает опасность социализму в той или иной стране» [6].

Лексика здесь говорит сама за себя, и наши акценты в цитатах не случайны. Ведь получается следующее: каждая партия свободна в применении основных принципов, но отходить от них не может; никто не вмешивается во внутренние дела, но при известных обстоятельствах дело коренным образом меняется, т. е. национально-государственный суверенитет

ограничивается. Эта откровенность в изложении внешнеполитической философии КПСС была оценена западной прессой, всеми кремленологами мира как прямое подтверждение советской стороной реальности доктрины «ограниченного суверенитета».

Наконец, следует напомнить и о речи тогдашнего советского лидера на V съезде ПОРП, состоявшемся в ноябре 1968 г., т. е. по горячим следам августовского вторжения. В ней еще раз было изложено то, что составляет существо «доктрины Брежнева»: «Хорошо известно, что Советский Союз немало сделал для реального укрепления суверенитета, самостоятельности социалистических стран. КПСС всегда выступала за то, чтобы каждая социалистическая страна определяла конкретные формы своего развития по пути социализма с учетом специфики своих национальных условий. Но известно, товарищи, что существуют и общие закономерности социалистического строительства, отступление от которых могло бы повести к отступлению от социализма как такового. И когда внутренние и внешние силы, враждебные социализму, пытаются повернуть развитие какой-либо социалистической страны в направлении реставрации капиталистических порядков, когда возникает угроза делу социализма в этой стране, угроза безопасности социалистического содружества в целом, — это уже становится не только проблемой народа данной страны, но и общей проблемой, заботой всех социалистических стран» [4. С. 329].

Упомянутому партийному форуму было придано в то время особое значение именно по причине выступления лидера КПСС, изложившего официальную позицию по «чехословацкому вопросу». Поэтому-то на нем и присутствовали все руководители стран, принявших участие в «интернациональной акции», за исключением Я. Кадара, который фактом отсутствия в Варшаве стремился дать понять мировой общественности о своей сдержанной позиции в этом вопросе. Кстати, как отмечал Кадар незадолго до кончины, свою сдержанность он пытался на последних переговорах перед вторжением (московская встреча руководителей пяти правящих компартий государств-участников вторжения 18 августа 1968 г.) реализовать, добиваясь неучастия ВНР в этой акции. Брежнев настойчиво просил его «не уклоняться от совместного выступления». Генсек, в частности, сказал: «Янош, пришлите хоть маленькую войсковую часть и получите все, что вам нужно» [7]. Противостоять настойчивости «старшего брата» Кадар не посмел, а, быть может, решающую роль сыграл тут обещанный советский прыжок.

Через год после вторжения в Чехословакию в Москве состоялось последнее в истории комдвижения международное совещание коммунистических и рабочих партий. В его основном документе суть классового подхода усматривалась в примате интересов борьбы «за установление социалистической власти, каков бы ни был путь для достижения этой цели» [8].

Можно смотреть на эту формулировку с точки зрения ее очевидного родства с принципом деятельности иезуитов, который устами епископа Верденского Дитриха фон Нигейма был выражен в «Третьей книге о расколе» (1411) в следующих словах: «Когда Церкви угрожают враги ее, она освобождается от велений морали. Великая цель будущего единения освящает любые средства, которые применяет она в борьбе с врагами своими, вплоть до коварства, предательства, подкупа, насилия и убийства. И отдельного человека приносит она в жертву всеобщему благу людскому» [9]. Но возможен и иной ракурс: коммунисты вроде бы признавали посредством такого рода формулировок многообразие путей революционного преобразования мира — как насильственных, так и ненасильственных. Но то-то и оно, что только вроде бы, ибо марксистско-ленинская идеология и коммунистическая практика всегда склонялись лишь к первому из названных путей, хотя для многих из теперешних последователей «единственно верного учения», конечно, неудобны недвусмысленные высказывания основополож-

ников о насилии как «повивальной бабке истории», о терроризме как принципе государственной политики победившего пролетариата и т. п.

«Существует,— заявил К. Маркс в 1848 г.,— лишь одно средство сократить, упростить и сконцентрировать кроважадную агонию старого общества и кровавые муки родов нового общества, только одно средство — революционный терроризм» [10]. В XX в. большевики и выбрали это средство в качестве главного в своей политике по «упрощению» агонии старого русского общества и кровавых мук родов нового, советского. Идеологический антураж подобной политики составляли подстрекательские призывы вождей «атакующего класса» раздавить каждого, встающего на «благородном социалистическом пути» пролетариата. «Мы зажгли социализм у себя и во всем мире,— учил В. И. Ленин.— Кто хоть сколько-нибудь мешает этой борьбе, с тем мы боремся без пощады. Кто не с нами, тот — против нас» [11. Т. 38. С. 289].

Борьба без пощады со всеми несогласными вплоть до повсеместного их уничтожения — это и есть красный террор как неотъемлемая составляющая государственной системы советского типа, как требование подлинно классового подхода. Именно так понимали этот вопрос большевистские «крестные отцы» современных сторонников «социалистического выбора». «Красный террор,— поучал партийных „мирян“ Троцкий,— есть орудие, применяемое против обреченного на гибель класса, который не хочет погибать. Если белый террор может лишь замедлить историческое восхождение пролетариата, то красный террор ускоряет гибель буржуазии. Ускорение — выигрыш темпа — имеет в известные эпохи решающее значение. Кто признает революционное значение за самим фактом существования советской системы, тот должен санкционировать и красный террор» [12. С. 64—65].

Непреложен факт глубинной связи между существованием системы советского типа и репрессивными, террористическими методами ее утверждения и сохранения, даже если он, не в пример прямолинейному Троцкому, публично нередко отрицается. Этот факт был основополагающим для марксистов-ленинцев разных поколений, исповедовавших учение о диктатуре пролетариата и преломлявших его в плоскость практического управления страной, в плоскость последовательно коммунистических действий по принципу «кто не с нами, тот — против нас».

В этом смысле «доктрина Брежнева» — не отступление от концепции марксизма-ленинизма, напротив, скрупулезное следование ей, аутентичное воплощение классово-партийного, коммунистического подхода. Правда, в заявлении правительства СССР от 5 декабря 1989 г. этот подход стыдливо называется «несбалансированным, неадекватным», по причине чего, дескать, вступление полумиллионной громады советских войск в Чехословакию «не было обоснованным, а решение о нем в свете всех известных теперь фактов было ошибочным» [13].

Понятно, что это запоздалое, сделанное к тому же скороговоркой, сквозь зубы признание ошибочности вторжения явилось мерой в высшей степени вынужденной для сановных «товарищей», которые в своем понимании существа новых реалий, «вызова времени» дальше задач «постоянного социалистического самообновления» [13] не пошли. Ну, а раз самообновление не какое-нибудь, а именно социалистическое, то защита социализма не может не быть для истинных марксистов-ленинцев интернациональным долгом, хотя решение о мерах по такой «защите» должно, конечно же, продумываться обстоятельнее, обосновываться всесторонне, не в пример 1968 г.

Прямой противоположностью нечленораздельному и лукавому заявлению советского правительства явилось, например, заявление по аналогичному поводу Сейма ПНР, принятое на его заседании 17 августа 1989 г. «Эта интервенция,— говорится в нем,— была нарушением неотъемлемого права

каждого народа на самоопределение и естественного стремления к демократии, свободе и уважению прав человека. Вторжение вооруженных сил в Чехословакию произошло без согласия польского общества. Сейм считает правильным выразить боль и сожаление и одновременно осуждение вооруженной интервенции в 1968 г., которая задержала процесс демократизации в Чехословакии. Польское участие в этих событиях тем болезненнее, что с нашим южным соседом мы всегда связывали и будем связывать самые большие надежды на тесное сотрудничество во всех областях, а также на обычную человеческую дружбу чехов, словаков и поляков» [14]. Аналогичные заявления были приняты высшими законодательными органами Болгарии, Венгрии и даже ГДР, Народная палата которой приняла 2 декабря 1989 г. обращение к Федеральному собранию ЧССР и чехословацкому населению с выражением сожаления по поводу участия республики в военных акциях стран — членов Варшавского Договора в Чехословакии в 1968 г. и принесла извинение за это народам Чехии и Словакии (см. [15. 1989. 3 XII]).

Что же касается высших представительных органов бывшего Советского Союза, ничего подобного сделано не было. А когда в мае 1990 г. новые власти ЧСФР, создавшие специальную комиссию по выяснению всех обстоятельств событий 1967—1970 гг., обратились с просьбой о предоставлении копий документов, которые хранились в архивах СССР, в частности копии обращения к советскому руководству за военной помощью группы чехословацких граждан, они получили вместо документов отповедь в виде мидовского заявления. В нем говорилось, что «решение о вводе советских войск в Чехословакию принималось не на основе тех или иных обращений отдельных лиц, если они вообще имели место, а диктовалось искаженным пониманием тогдашним руководством СССР и других социалистических государств существа социализма и норм взаимоотношений между союзными странами. Решительное осуждение нашей страной акции 1968 г. и договоренность о выводе советских войск из Чехословакии, — подчеркивалось в заявлении, — означают, по нашему мнению, закрытие этого вопроса в политическом плане» [15. 1990. 29 V].

Это заявление — свидетельство попыток все «спустить на тормозах», подобно страусу спрятать от неприятностей голову в песок. И правы были сопредседатели упомянутой комиссии В. Курал и В. Менцл, когда в январе 1990 г. в беседе с корреспондентом ТАСС отметили: «На наш взгляд, ошибкой советского руководства было то, что оно откладывало решение вопроса о переоценке событий августа 1968 г. до тех пор, пока это решение не пришло с чехословацкой стороны. Если бы СССР сделал это вовремя, а мы об этом неоднократно напоминали, что нажил бы себе солидный политический капитал. М. С. Горбачев был бы здесь таким же популярным, как Гавел. Переоценки 1968 г. мы ждали с первого его визита в ЧССР, но в Москве слишком увлеклись тактическими раскладами и вариантами. Время было упущено, а ведь если бы такая оценка была тогда дана, сложилась бы другая ситуация и М. Якеш не пришел бы к власти, а последующие события не носили бы такой тяжелый характер. Отсутствие переоценки создало вакуум в отношениях между СССР и ЧССР» [16].

К этому можно добавить мнение ученого секретаря данной комиссии, М. Барты, который в статье «Строго засекреченные жертвы», опубликованной в мае 1991 г., писал: «В то время как венгерские и польские власти проявили понимание к работе комиссии чехословацкого правительства по анализу событий 1967—1970 гг. и предоставили ценные архивные документы, в официальных инстанциях Советского Союза создаются искусственные барьеры. Даже высшие руководители Чехословакии не добились успеха в этом направлении. Отказ советской стороны помочь в восстановлении точной

картины происходившего является попыткой уйти от ответственности, избежать правды» [17].

Например, одной из тщательно скрывавшихся тайн, которой, как пришлось убедиться автору данной статьи, не знают даже руководители отечественной исторической науки, а не то что рядовые исследователи, является неоспоримо установленный факт человеческих жертв, сопровождавших военное вторжение. И если в интервью газете «Lidové noviny», данном в июне 1991 г., тогдашний министр обороны СССР Д. Т. Язов высказался «категорически против» самого термина «вторжение» по той, в частности, причине, что «никто ни в кого не стрелял» [18], то это или сознательное поддержание мифа об отсутствии жертв во время осуществления «интернациональной акции», или дремучее невежество бывшего маршала.

А ведь справка о человеческих жертвах в ходе военной интервенции была составлена еще для Л. Свободы, А. Дубчека, О. Черника, Й. Смирковского, П. Цолотки и фигурировала на переговорах в Москве. Следовательно, советское руководство правду знало, но беззастенчиво обманывало свой народ. Основываясь на этой справке, а также на скрупулезно собранной по всей стране дополнительной информации, чехословацкая правительственная комиссия установила, что в период с 21 августа по 17 декабря 1968 г. погибли 94 гражданина Чехословакии. Из огнестрельного оружия были убиты 53 из них, 38 раздавлены военной техникой, трое погибли по иным причинам. Более всего жертв было в Праге — 24 человека (16 у здания чехословацкого радио), в Центральной Чехии — 6, в Ческе-Будеевице — 5, в Пльзене — 1, в Усти-над-Лабой — 12, в Градец-Кралове — 5, в Брно — 10, в Братиславе — 11, в Банска-Бистрице — 6, в Кошице — 14. Тяжелые ранения получили 345 граждан. Эти данные, засекреченные как у нас, так и в бывшей ЧССР, впервые приведены в упоминавшейся статье М. Барты [17].

Словом, откровенно сказать своему и другим народам о преступно-репрессивном характере марксистско-ленинской теории и практики, в частности «доктрины ограниченного суверенитета», для горбачевско-крючковской партгосноменклатуры оказалось делом неподъемным. Она и не хотела такого рода признаний, и органически была на них неспособна, хотя жизнь и вынудила явочным порядком отходить от силовых методов «интернационалистской» (читай: имперской) политики, т. е. не бросать, как бывало прежде, танки против протестовавших в «братских» странах, а даже согласиться с требованиями о выводе советских войск с территорий этих стран, не препятствовать упразднению СЭВ и Варшавского Договора как инструментов экономического и политического контроля за развитием Восточной Европы.

Напротив, в Верховном Совете СССР предпринимались многочисленные попытки не только защитить от нападков российских «так называемых демократов «слово и дело» вождя пролетарской революции, а заодно и его многочисленные бронзо-гранитные лики, но и «одернуть» тех в восточно-европейских странах, кто придерживается политики решительного, в том числе законодательно-юридического, осуждения антигуманных методов коммунистического правления, государственного беспредела местных марксистов-ленинцев. Характерно в этом смысле заявление ВС СССР «Соблюдать права человека», принятое 1 июля 1991 г. «Несмотря на торжественно взятые обязательства, — говорится в его тексте, — руководство и определенные политические круги ряда стран в Центральной и Восточной Европе наращивают кампанию преследований по отношению к бывшим руководителям этих государств, партийным функционерам, сотрудникам правоохранительных органов, представителям научной и творческой интеллигенции. В некоторых случаях речь идет об уголовном преследовании таких лиц, под которым без особого труда просматриваются политические цели, —

являются чувства мести» [19]. Обращаясь к парламентам восточноевропейских стран и бундестагу ФРГ с призывом «принять действенные меры для прекращения грубого попрания общепризнанных принципов демократии, краеугольных прав и свобод человека» [19], т. е. с призывом по существу остановить очистительный процесс «декоммунизации» этих стран, Верховный Совет СССР, видимо, даже не понимал, что подобные заявления могут быть расценены как вмешательство во внутренние дела иностранных государств. Не говоря уже о том, что у советских парламентариев, не осудивших ни единого случая преследований диссидентов за политические или религиозные убеждения в собственной стране, ни преступного подавления военщиной СССР венгерского и чехословацкого антитоталитарных движений, моральных прав для такого рода заявлений не имелось.

«Пражская весна» чрезвычайно обеспокоила московских, и не только московских, фундаменталистов тем, что ее идеологи и политики пошли в своей критике сталинизма вглубь, затронули всю большевистскую систему, заложенную Лениным, увидели, по словам секретаря ЦК КПЧ Ч. Цисаржа, «некоторые негативные стороны того, что обобщенный опыт советских коммунистов постепенно стал применяться как единственно возможное направление марксистского мышления и марксистской политики, что ленинизму со временем было присвоено монопольное толкование марксизма» [20]. На эти слова из доклада, который был прочитан Цисаржем 6 мая 1968 г. на торжественном заседании в Праге, посвященном 150-летию со дня рождения К. Маркса, тогда же «отреагировал» один из придворных кремлевских философов Ф. В. Константинов, причисливший в своей статье в «Правде» автора доклада к лицам, «объявляющим себя марксистами, но не усвоившим основ ленинизма», к лицам, которые предлагают отказаться «от учения Ленина о партии рабочего класса как его авангарда и руководящей силы в борьбе за социализм и коммунизм», «от ленинской теории социалистической революции и диктатуры рабочего класса как исторически необходимых этапов борьбы за социализм и коммунизм» (см. [21]).

Упомянутой статьей был дан зеленый свет процессу беспардонных и лживых в своей основе нападок советской печати, радио и телевидения на «Пражскую весну», на всю систему демократических реформ дубчековского руководства, процессу, который нельзя назвать иначе, чем целенаправленной кампанией идеологического обеспечения августовской интервенционистской акции. И отнюдь не случайно среди причин, которыми советские власти пытались оправдать вторжение своих войск на территорию Чехословакии, оказались соображения того плана, что-де в «ЧССР стали возникать и легализовать свою деятельность всякого рода организации, противопоставляющие себя партии коммунистов», что не только «растут требования создать легальную политическую оппозицию», но предпринимаются уже и практические шаги, например «руководство народной и социалистической партий резко изменило курс и фактически, прикрываясь лозунгом сотрудничества с КПЧ в рамках Национального фронта, повело дело к созданию легальной оппозиции» [22].

Одним словом, в качестве прямого отступления от ленинского учения о руководящей и направляющей роли компартии и, следовательно, в качестве величайшей крамолы, заслуживающей вооруженного пресечения, квалифицировали верные ученики «вождя мирового пролетариата» возрождение в тогдашней Чехословакии парламентарно-демократической традиции. Такой политический «разворот» — это, собственно, рекем по марксистско-ленинскому социализму (нареченному в середине 70-х годов еще и «реальным социализмом»), в утверждении которого его основатель видел «разрыв с буржуазным демократизмом и возникновение нового, всемирно-исторического типа демократии, а именно: пролетарского демократизма или диктатуры пролетариата» [11, Т. 44. С. 147]. Парламентаризм, его механизмы

политических противовесов всегда считались адептами ленинизма лишь хитроумным порождением старого общества, маскирующим всевластие капитала, затемняющим сознание формирующейся политической армии социалистической революции. Отсюда, в частности, негативистское отношение к социал-демократии, которая, как говорил Троцкий на IV конгрессе Коминтерна, «спасла капитализм, т. е. отсрочила на годы час его гибели» [12. С. 312], и которая, по словам Бухарина, «является единственной опорой буржуазного трона» [23]. Отсюда третирование принципов многопартийности, демократической организации государственной и всей общественной жизни как «заповедей» капиталистического строя, нацеленных на проление его «затянувшейся агонии» [12. С. 312].

Эти антидемократические постулаты идеологи ленинизма вбивали в головы своей паствы с завидной настойчивостью. И их усилия не пропали даром. Воинствующий дух истинно большевистского неприятия демократического механизма, сердцевину которого составляет многопартийность, скажем, советские коммунисты пронесли через все жизненные передрыги и колебания генеральной линии. В подавляющей своей массе они положительно восприняли в августе 1968 г. аргументацию своего руководства, говорившего о растущей угрозе социализму в Чехословакии со стороны возрождающихся демократических сил, и одобрили драконовские меры по устранению упомянутой угрозы. И по прошествии двух с лишним десятилетий многие из них оставались на той же позиции. «Разве можно забывать,— риторически вопрошал типичный современный последователь „нетленных идей“, партфункционер средней руки А. В. Кузнецов,— что многопартийность — это воздух, которым дышит капитал, вернее его владельцы. В любой развитой капиталистической стране наличие разных партий, союзов, клубов, религиозных и национальных формирований — это возможность для разъединения трудящихся. Нашему многонациональному народу требуется не разъединение, а консолидация всех сил на пути перестройки» [15. 1990. 12 V]. «Многопартийная система,— говорил на одном из совещаний в ЦК КПСС Е. К. Лигачев,— значила бы распад советской федерации. И это понятно, потому что Коммунистическая партия — та единственная реальная политическая сила, которая сплачивает и объединяет все народы страны в единый союз республик. И другого не дано» [15. 1989. 19 VII].

Если же взять упоминавшуюся философию нового мирового порядка, в котором общечеловеческие ценности находятся на первом плане, то она созвучна идеям «социализма с человеческим лицом», идеям выдвинутой весной 1968 г. Программы действий КПЧ. Но она вовсе не была созвучна идеям марксистских фундаменталистов, идеям Ленина, который отрицал даже саму постановку вопроса об общечеловеческих ценностях, «демократии вообще» и т. п. «Такая внеклассовая или надклассовая, якобы общенародная, постановка вопроса,— утверждал Ленин,— есть прямое издевательство над основным учением социализма, именно учением о классовой борьбе» [11. Т. 37. С. 491]. Он неустанно призывал смотреть на все «с точки зрения классовой борьбы и социализма» и «подчинить все интересы этой борьбе» [11. Т. 40. С. 5; Т. 41. С. 311], т. е. отдавал безусловное предпочтение пресловутой революционной целесообразности, а не общечеловеческим ценностям, принципам демократии. Последние не находили у Ленина иного определения, кроме как «мещанского фразерства о свободе, равенстве, трудовой демократии и воле большинства, того мещанского тупоумного фразерства, которым нас угощают меньшевики, эсеры, вся эта „демократия“» [11. Т. 38. С. 358].

Презрительный ленинский тон, стремление говорить о демократии не иначе, как закавычивая это слово, — вот откуда берет начало государственная, в том числе и международно-жандармская, практика коммунистического тоталитаризма. Не получается, как бы ни хотелось некоторым,

аргументированного отделения «гуманиста» В. И. Ленина от человеконенавистника И. В. Сталина. У истоков советской полицейщины, репрессивной государственной системы стояли «первые лица» — Ленин и Троцкий, а вовсе не Сталин, хотя последний сыграл в этом деле отнюдь не роль простого эпигона.

Данное обстоятельство хотелось бы подчеркнуть, ибо приходится слышать мнение, что-де советское марксистско-ленинское обществоведение находится в методологическом тупике прежде всего по причине неспособности аргументированно отделить: во-первых, социализм от его извращенной репрессивно-тоталитарной разновидности; во-вторых, ленинизм от сталинизма; в-третьих, если взять шире, — международный коммунизм от других «измов» — кастроизма, кимирсенизма, маоизма, титоизма и т. д.

Вряд ли убедительно такого рода мнение, сторонники которого пытаются метафизически отделить сущность от явления, хотя, как говаривал Гегель, именно «сущность является, а явление существенно». Но это общесоциологическая сторона вопроса, а теперь о конкретно-исторической. Что такое ленинизм, если ограничиться данным понятием? Это теория и практика организации борьбы рабочего класса и прежде всего его политического авангарда за революционный захват власти и установление государственного строя диктатуры пролетариата с компартией во главе. Иными словами, сущность ленинизма являет себя ныне миру такими обобщениями и практическими установками, которые совершенно не согласуются с важнейшими тенденциями цивилизационного процесса, во всяком случае европейского.

В условиях новых реалий поражение потерпели не только те или иные отдельные партии, пусть и весьма влиятельные, оно характерно для международного коммунизма в целом, для всех его организационно-идеологических форм, в частности и в особенности для такой из них, доминировавшей в прошлом, как ленинизм.

К этим новым реалиям современности, заставившим последнее коммунистическое руководство СССР во главе с Горбачевым «задвинуть» свой классово-партийный «символ веры» далеко в глубь политической сцены, относят обычно такие общечеловеческие императивы нашего времени, как необходимость не допустить ядерной войны; остановить опасную деградацию природы; выбить из рук этнократической реакции ядовитое оружие натравливания народов друг на друга; сдержать региональные кризисные потрясения, от которых пострадали бы миллионы простых людей, и т. д. Перечисленных глобальных императивов еще недавно нашим обществоведам и публицистам было достаточно, чтобы рассуждать об изменившемся соотношении классового и общечеловеческого подходов в советской политике. Было достаточно, пока продолжал культивироваться, пусть в просвещенно-перестроечной форме, государственный тоталитаризм. Его ведь любовно пестовали не только Ленин и Сталин, а и все последующие коммунистические правители советского народа, который использовали семь с лишним десятилетий в качестве подопытного кролика, над которым марксисты-ленинцы вершили свой чудовищный социальный эксперимент. И только в результате послепутчевских революционно-демократических преобразований начался реальный слом системы государственно-коммунистического тоталитаризма. Именно в этих преобразованиях, долженствующих в конечном счете вывести общество из исторического тупика цивилизации советского типа, состоят новейшие значимые реалии, которые возвращают нас к общечеловеческим принципам и нормам общественных, в том числе международных, межгосударственных, отношений.

Говоря о новых реалиях современности, следует указать также на изменившуюся к концу 80-х годов международную обстановку. Ушли в прошлое противоборство Востока и Запада, «холодная война». Венские договоренности (январь 1989 г.) и Парижская хартия для новой Европы

(ноябрь 1990 г.) подвели черту под положением победителей и побежденных во второй мировой войне, под послевоенной эрой конфронтации и раскола европейского континента. Тот элемент идеологизации, который два десятилетия назад, в период «Пражской весны» многое определял в политической и всей общественной жизни СССР и восточноевропейских государств, включая сферу их взаимных связей, потерял всякое значение. Это — принципиальный сдвиг, который меняет всю иерархию ценностей. Тем более, что политические силы, являющиеся ныне субъектами упомянутых взаимных связей, претерпели радикальную эволюцию, сбросив с себя путы ленинско-сталинской большевистской модели.

В свое время Уинстон Черчилль заметил, что демократическая система несовершенна, ее функционирование весьма сложно. Но тут же добавил, что ничего лучшего человечество не изобрело. Наш провалившийся социалистический эксперимент — наглядное подтверждение справедливости этих слов. Ничего лучшего, более успешно работающего на пользу самых широких слоев населения, кроме парламентарно-демократической системы, опирающейся на многоукладную рыночную экономику, человечество действительно не изобрело. В этом аспекте глубокий смысл заключен в положении Парижской хартии, которое гласит: «Мы обязуемся строить, консолидировать и укреплять демократию как единственную систему правления в наших странах» [24].

Конечно, каждая бывшая социалистическая страна проводит суверенный внутри- и внешнеполитический курс, исходит прежде всего из своих национально-государственных интересов, а не из неких мифических интересов «освобождения труда», «мирового коммунизма» и т. д. Но если говорить об интернациональной составляющей посттоталитарного курса, то ею, видимо, будет направленность политики на строительство, консолидацию и укрепление демократии в собственной стране и постоянная нацеленность на усиленное содействие решению той же задачи в международном масштабе. Думается, таким образом понимаемое соотношение национального и интернационального во внутренней и внешней политике выдерживает критику, ибо придает действиям нынешнего руководства постсоциалистических стран необходимую цельность, чего за долгие годы правления «верных марксистов-ленинцев» явно не хватало.

Несколько слов о той международной конференции, которая упоминалась в начале и на которой автору довелось присутствовать и выступать. В ее работе участвовали А. Дубчек, О. Черник, З. Млынарж, В. Славик, И. Гаек, В. Шилган, И. Свитак, Э. Гольштюккер, В. Вашко, Й. Зрак, И. Пеликан, В. Менцл, М. Рейман и ряд других известных деятелей „Пражской весны“. К этому представительному форуму наших чешских и словацких коллег был обращен заключительный пассаж моего доклада, который, как представляется, уместно воспроизвести в завершение данной статьи. «От себя лично, — заявил докладчик, — других присутствующих здесь ученых и публицистов Российской Федерации и всех обществоведов нашей страны я обращаюсь к творцам „Пражской весны“, к ее теоретикам и практикам с просьбой о прощении за попытки оболгать предпринимавшиеся тогда шаги по демократизации тоталитарного социализма, придания его репрессивно-звериному обличью хоть какого-то подобия человеческого лица. Будучи в то время сотрудником Института экономики мировой социалистической системы АН СССР, я не подключался к этой неблагоприятной кампании, всегда считал военную акцию советской армии беспардонным имперским вмешательством и был солидарен с каждым словом политического памфлета „Логика танков“, самиздатский экземпляр которого сохранил с тех пор и который камня на камне не оставляет от насквозь лживой версии об „интернациональной помощи“ чехословацким „братьям по классу“. Однако я тоже несу свою долю ответственности за партийно-государственную по-

литику бывшего СССР, ибо активно не противодействовал: ей как тогдашний член КПСС, а значит позволил своим одуревшим от абсолютной власти правителям воспользоваться и моим именем, как эта преступная клика воспользовалась именами почти всех рядовых членов партии, чтобы трубить по миру о повсеместной и полной поддержке советскими коммунистами, всем народом своих, с позволения сказать, интернациональных действий, которые иначе, чем международным разбоем, и не назовешь.

У нынешних высших представительных органов России, очевидно, руки до сих пор не доходят до того листа бумаги, на котором они, подобно аналогичным органам Болгарии, Венгрии, Польши и канувшей в Лету ГДР, повинились бы в противоправных действиях своих предшественников по кормилу власти и извинились перед представителями «Пражской весны», чешским и словацким народами за причиненный советской военщиной ущерб, за попрание Кремлем и послушными ему местными коммунистическими режимами национального суверенитета и достоинства этих народов. Поэтому прошу о снисходительности и к нашим демократам, находящимся теперь у государственного руля, которые не очень-то поворотливы в данном вопросе. Воистину, как сказал поэт:

„Если мы строго осудим
Всех, кто достоин кары,—
Мы счастливей не будем
Но — опустеет мир старый!“ [25].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Троцкий Л.* Сочинения. М.; Л., 1925. Т. II, ч. 1. С. 224.
2. *Хатюшин В.* Закабаление демократией, или Чья власть над Россией//Русский вестник. 1992. № 5. С. 8.
3. «Круглый стол» на тему «Советский Союз и страны Восточной Европы: эволюция и крушение политических режимов (середина 40-х — конец 80-х годов XX века)»//История СССР. 1991. № 1.
4. *Брежнев Л. И.* Ленинским курсом. Речи и статьи. М., 1970. Т. 2.
5. *Weit E.* At the Red Summit: Interpreter behind the Iron Curtain. New York, 1973. P. 209.
6. Марксизм-ленинизм — единое интернациональное учение. М., 1968. Вып. 4. С. 73, 75.
7. *Magyarország.* 1989. N 28. 4—5. old.
8. Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Москва — 1969 г. Прага, 1969. С. 34.
9. Нева. 1988. № 7. С. 117.
10. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., 2-е изд. Т. 5. С. 494.
11. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч.
12. *Троцкий Л.* Сочинения. М., 1924. Т. XII.
13. Заявление Советского правительства//Правда. 1989. 5 XII.
14. *Rzeczpospolita.* 1989. N 191. S. 4.
15. Правда.
16. *Historická analýza.* O vyšetřování udalostí z let 1967 až 1970//Svobodne slovo. 1990. 9 I.
17. *Barta M.* Přísne utajene oběti//Lidové noviny. 1991. 7 V.
18. «Это было не вторжение». Об одном интервью в чехословацкой газете//Известия. 1991. 1 VII.
19. Независимая газета. 1991. 4 VII.
20. *Rudé právo.* 1968. 7 V.
21. Марксизм-ленинизм — единое интернациональное учение. М., 1968. Вып. 1. С. 30—31.
22. Защита социализма — высший интернациональный долг. М., 1969. С. 7, 25.
23. Двенадцатый съезд РКП(б). 17—25 апреля 1928 г. Стеногр. отчет. М., 1968. С. 280.
24. Парижская хартия для новой Европы//Известия. 1990. 22 XI.
25. Стихи и легенды Максима Горького. М.; Л., 1932. С. 172.



ПОЭТИКА И НЕЛИТЕРАТУРНЫЕ ТЕКСТЫ

Кому нужна поэтика?

«Поэтика» Аристотеля несомненно нужна брату Вильгельму из Баскервиля, безуспешно искавшему ее вторую — пропавшую — часть, но без нее не может обойтись и его создатель, Умберто Эко. Ничего удивительного — этот писатель с ранней молодости занимался теорией литературы, поэтому не мог не сознавать, каким великим трудом является этот первый в нашей дисциплине трактат. Но аристотелевская «Поэтика» оказывается чрезвычайно полезной для ученых, чьи интересы имеют различную направленность, связанную не с наукой о литературе, а с другими дисциплинами. Изданный в 80-е годы трехтомный труд Р. Рикёра «Время и рассказ» [1] может служить здесь особенно выразительным доказательством. Стало быть, «Поэтика» (а следовательно и поэтика) — для ученых, изначально предметом исследования которых отнюдь не является литературное произведение? Под поэтикой я понимаю здесь в широком смысле науку о структуре литературного произведения, о его языковых формах и особенностях, отличающих их от других типов высказывания, закономерностях, которым они подчиняются, а также об эволюции, которую они претерпели. Поэтому поэтика — это наука не об отдельных произведениях, а о принципах построения, значении и функционировании определенного вида текстов, короче говоря — это теория литературного дискурса. Разумеется, необходимо задуматься, почему построенная таким образом область науки может быть важна и полезна также и для тех, кто занимается текстами другого типа.

Эта необходимость становится тем большей, что складывается интересная методологическая ситуация, которую еще недавно трудно было предсказать: она выражается как в положении поэтики и развитии ее имманентных проблем, так и в ориентации других гуманитарных дисциплин. Представляется, что именно здесь произошли принципиальные изменения. Если речь идет о положении поэтики, то ее существование и роль стали очевидными и не требуют обоснования. Поэтика — это уже нечто большее, чем только дополнение позитивистски ориентированной истории литературы с не вполне определенным или вовсе не ясным статусом. Я напоминаю этот трюизм, поскольку из него вытекают важные следствия. Те области науки, которые завоевывают бесспорные позиции и, так сказать, не боятся ни нападков извне, ни распада изнутри, как правило, не заботятся о четкости

Гловинский Михал — д-р филол. наук, профессор Института литературных исследований ПАН.

своих границ (даже если экспансия не является их целью), не относятся к чистоте своих методов как к основному достоинству, ибо сознают, что то или иное их загрязнение ни в чем не ущемит позиции, которую они занимают. Иными словами, они открыты для предметов, которые ранее не находились в области их изучения, а также открыты для других направлений науки, вступают с ними в разнообразные связи.

Разумеется, такую открытую позицию могут себе позволить хорошо сложившиеся, уверенные в себе дисциплины, убежденные, что альянсы и союзы не смогут поколебать их позиции, а по существу будут способствовать ее укреплению. Именно таким представляется положение поэтики. И не только по отношению к остальным областям науки о литературе, эта сильная позиция обнаруживается и при сопоставлении с другими дисциплинами, предметом изучения которых не является литературный текст. Мой основной тезис таков: в настоящее время поэтика является наиболее развитой областью науки о тексте, о различных его структурах и связях; она обладает широчайшей проблематикой и оснащена богатейшим инструментарием. Можно сказать, что эта область занимает центральное положение по отношению к другим направлениям науки, так или иначе занимающихся структурой текста. И по этой причине я не противопоставлял бы друг другу те две дисциплины, которые исторически — что подтверждает авторитет Аристотеля — функционировали по отдельности и независимо друг от друга: поэтику и риторику. Границы между ними стираются потому, что поэтика, учитывая проблематику виртуального адресата и его роль в структуре текста, приближается к той сфере, которая до сих пор отводилась риторике; риторика же, со своей стороны, не ограничивается размышлениями на тему, как должен быть построен текст, чтобы он оказывал воздействие, оно осмысляет и его структуру, а следовательно, выступает в область, несомненно принадлежащую поэтике.

Такого рода симбиоз становится тем более значительным фактом, что интерес к тексту проявляют и дисциплины, которые до сих пор вообще не замечали связанной с ним проблематики, т. е. заведомо предполагали, что она для них несущественна. Размышления о тех или иных механизмах, действующих в тексте, появляются в работах историков философии, но также и историков в узком смысле слова, а словосочетание «поэтика для социологов» [2], которое еще четверть века назад могло звучать экзотично, сегодня представляется вполне естественным. Таким образом, эти дисциплины должны с интересом присматриваться к тому, что делается в поэтике. Доказательством может служить хотя бы второй том упомянутой трилогии Рикёра, в которой он осуществляет реинтерпретацию сформулированных поэтикой утверждений относительно структуры повествования; нарратология (в широком смысле) не представляет для него отдельного предмета интереса, он обратился к ней, поскольку она позволила ему ответить на те философские вопросы, которые он перед собой поставил, а кроме того, она подавала примеры работ по структуре текста, отмеченные как значительным богатством проблематики, так и большим разнообразием применяемых категорий описания и — что тоже немаловажно — тонкостью. Труд Рикёра я привлекаю, разумеется, лишь как пример широкомасштабной тенденции, впрочем, она проявляется отнюдь не только в гуманитарной науке герменевтической ориентации; представляется, что не существует никаких ограничений такого рода¹. И эти процессы неизбежно влияют на положение поэтики.

Ее роль представляется тем большей, что — с одной стороны — она бесспорно опирается на языкознание, с другой же — явно выходит за его пределы, во всяком случае в том, что касается анализа текста. Опора носит общий характер и имеет давнюю традицию, ведь невозможно представить

¹ За сближение между лингвистикой текста и герменевтикой выступает Т. М. Николаева в интересном исследовании [3].

себе поэтику без лингвистического инструментария, так или иначе понимаемого и трактуемого. Но дело им не ограничивается, речь идет о чем-то большем. Вот уже по крайней мере несколько десятилетий языковедение перестало считать предложение последней границей сферы своих интересов, а выражение «beyond sentence» стало своеобразным программным паролем. Такая установка является уже несомненным обращением к тексту, поэтому представляется, что формируется общая сфера интересов языковедения и поэтики, всегда занимавшейся тем, что находится «над предложением»; в качестве парадокса можно сказать, что она делает это и тогда, когда предметом анализа являются высказывания, содержащие одно предложение — типа сентенций или афоризмов.

Эта общая сфера, однако, представляется относительно ограниченной, а, во всяком случае, не такой обширной, как можно было бы предполагать. Не скрою, что всякий раз, когда я читаю те или иные языковедческие работы, касающиеся структуры текста, я испытываю разочарование. Хотя бы потому, что лингвистический анализ очень часто ограничивается простейшими предложениями, элементарными, как фразы букваря. Однако от «мама мыла раму» или какого-либо другого примера предложениям этого типа далеко даже до простейшего литературного произведения, более того — далеко до какого-либо более распространенного и в принципе не являющегося примером высказывания. Вследствие этого по данному предмету действительно не всегда можно найти образцы и импульсы в лингвистике, хотя направление поисков — и у нее, и у поэтики — в большой мере общее. Поэтому ничего удивительного, что даже работы, касающиеся наиболее широко обсуждаемой проблемы из этой области, а именно связность текста, вызывают сомнения и разочарования теоретиков литературы. Об этом свидетельствуют недавние дискуссии [4; 5].

Это не означает, однако, и это следует отчетливо подчеркнуть, что поэтика должна отказаться от контактов с языковедением, поскольку она не может рассчитывать здесь на интересные находки. Этот вывод был бы абсурдным. Просто для нее важны и другие сферы, не только та, которая программно занимается именно текстом. Об этом может свидетельствовать хотя бы книга А. Окопень-Славиньской, по идее близкая языковедению [6] и дополняющая ее статья [7]. Они ориентированы не на Textlinguistik, а на чрезвычайно богатую сферу рефлексии по поводу коммуникативной структуры высказывания, т. е. на построения Бенвениста, теорию речевых актов, или — в более отдаленной перспективе — социолингвистику, задающуюся вопросом об общественных показателях структур высказывания. Не хотелось бы здесь углубляться в различия между рассуждениями о тексте и о высказывании, в данном случае для меня важно, что оба они касаются высших языковых структур. Для поэтики существенными оказываются те, которые ставят акцент на механизмы коммуникации, подвергают анализу высказывание (wypowiedanie) и высказанное (wypowiedzenie) (см., например, [8]). Это происходит не потому, что она может просто их перенять и ассимилировать, а по той причине, что они соответствуют тому, что поэтика издавна разрабатывает, ее основному направлению. Она, следовательно, особенно хорошо подготовлена для ответа на такого рода импульсы. Для поэтики текст (или — если угодно — высказывание) представляет собой естественный предмет исследования, в то время как языковедение занялось им сравнительно недавно. И это немаловажно не только с исторической точки зрения.

Ибо представляется, что поэтика имеет все данные для объединения всяких усилий, направленных на выработку правил и методов анализа текста, что ей суждено занять центральное положение в этой области. Она представляет собой точку, в которой сходятся разнообразные линии, идущие от риторики и прагматики, но также и от социолингвистики, более того — она сама формирует определенные сферы рефлексии, которые в других

областях выступают на втором плане или в зачаточном виде — я имею здесь в виду хотя бы генологию и нарратологию — и та, и другая могут пониматься как относящиеся не только к специфике литературного дискурса, но и к свойствам текстов вообще, включая и такие, у которых мало общего с литературным произведением.

Мои рассуждения не направлены на апологию поэтики, самонадеянное восхваление дисциплины, которой я занимаюсь. Отношение к ней как к точке, в которой соединяются разные линии, исходящие из различных импульсов, как к месту, где осуществляется своеобразный синтез науки о тексте, а также синтез методов его анализа, способствует постановке принципиальной проблемы, являющейся парафразой вопроса, сформулированного в начале. Итак, уже не только — кому нужна поэтика, но и — каково может быть ее применение в сегодняшней гуманитарной науке? Уточним: должна ли она в соответствии со своими традициями ограничиваться анализом лишь литературных произведений, или она должна стать той областью науки, которую интересуют тексты разного рода? Весь предыдущий ход моих рассуждений показывает, что я выступаю за расширенное понимание поэтики, которое не ограничивало бы сферу ее интересов исключительно литературными произведениями. Более того, представляется, что в расширении такого типа заключены большие шансы. Ведь шансы любой дисциплины — это возможность применения инструментов, находящихся в ее распоряжении, для описания той сферы явлений, которая до определенного момента находилась вне области ее компетентности, кроме того — это обнаружение, что ее проблематика оказывается важна и тогда, когда она обращена к предметам, до сих пор не охватывавшимся данной отраслью знания.

И, как представляется, в настоящее время все благоприятствует реализации этого шанса у поэтики. Ведь это вытекает не только из ее богатого инструментария, но и из общей ситуации гуманитарных наук. Из того, что исследователи отдают себе отчет, что некоторые тексты можно интерпретировать, если будет обращено внимание на то, как они построены, если будет проанализирована их семантическая и коммуникативная структура, но также, если их смыслы будут прочитываться не непосредственно, а через совокупность посредствующих слоев, если — далее — внимание будет сосредоточено на определенных традициях, обнаруживающихся в строении текста, традициях, которые выражаются в разработке разного рода конвенций. Все это составляет предмет изучения поэтики.

И именно здесь следует указать на применение нарратологических и генологических категорий в описаниях и интерпретациях текстов, не имеющих никаких данных для причисления к литературным произведениям. Так, категория повествования оказалась важной и полезной не только для этнологов и антропологов, исследующих структуру и функционирование мифов, она продемонстрировала универсальную или почти универсальную пригодность, по крайней мере, с того момента, когда французские теоретики осознали, что повествование (*récit*) — это не только литературная структура, но постоянный элемент любой практики говорения. Нарратология, место которой могло находиться только в поэтике, оказалась междисциплинарной ценностью. Здесь следует, однако, пояснить, что имеется в виду под нарратологией. Странным образом в течение по крайней мере двух десятилетий ее ограничивали анализом фабулы, осуществлявшимся по модели, разработанной Проппом, а позднее модифицированной такими учеными, как Греймас и Бронн. В этом узком понимании нарратологами были последователи этих исследователей, в свою очередь не были ими такие ученые, как, например, Бус или Станцель. В польском литературоведении это ограничение не проявлялось с такой силой, как в других странах, однако тоже давало о себе знать. Во Франции его преодолел лишь Жене в одной из своих последних книг [9].

Эта общая пригодность нарратологических категорий при анализе любого рода текстов не сводится к методу, который с таким успехом разработал Пропп, следовательно, речь не идет лишь о системе элементов фабулы, в игру вступают такие явления, как точка зрения, способы представления лиц, участвующих в событиях, методы вербализации этих событий и их отношение к другим элементам дискурса и т. п.

Следовательно, на первый план здесь выступает все то, что выходит за событийную схему и связано со словесной сферой. Это принципиальный вопрос для литературного повествования, но не только — ибо представляется, что эта проблематика имеет первоочередное значение для повествования вообще. Точка зрения, способы цитирования действующих лиц, методы их представления и т. п. — это не только вопросы, которые подвергают анализу исследователи литературного повествования, они столь же важны тогда, когда речь идет о нелитературном повествовании разного рода — бытовом, дидактическом, ритуальном и т. п. И нет оснований забывать об этом, если мы хотим описывать сообщения этого типа. Представляется, что именно поэтика создала в этой области далеко продвинутые образцы анализа, что написанное хотя бы о романе (не говоря о других повествовательных жанрах) превосходит все, что сделано в области нелитературных разновидностей повествования. Обращение к этому образцу напрашивается по той простой причине, что литературная нарратология опередила все другие сферы рефлексии о повествовании.

Подобным образом обстоит дело с генологией. Жанры до недавнего времени представлялись исключительно сферой литературных исследований — традиция изучения в этой области по существу не выходила за рамки литературы. Историк науки может, конечно, спросить, почему так происходило, однако в данном случае меня интересует другая сторона проблемы. Об использовании жанров также применительно к высказываниям литературного характера порой упоминалось², однако вопрос стал вполне актуальным лишь после публикации замечательного исследования Бахтина [13]. К нему обращались Вежбицка [14] и Окопень-Славиньска [7], причем работа Вежбицкой свидетельствует об особом недоразумении. Эта выдающаяся лингвистка как будто не осознала, что речь идет о категориях, имеющей глубокие традиции в науке о литературе, и перевела бахтинский термин как «жанры речи» (к счастью, он не привился); я упоминаю об этом, поскольку это недоразумение представляется характерным, ибо забывается, что категории, применяемые вообще к любой языковой практике, в поэтике существуют издавна, являясь привычными и четко определенными понятиями. Конечно не случайно, что вопрос жанров речи затронул исследователь, который связал всю научную судьбу именно с поэтикой.

И Вежбицка, и Окопень-Славиньска обращают внимание прежде всего на прагматическую сторону вопроса. Меня подход Бахтина интересует в данном случае по другому поводу, а именно, в качестве прекрасного примера применения категории, относящейся к поэтике и функционирующей в ней с незапамятных времен, к анализу текстов (высказываний, дискурсов) любого типа. Собственно категории, аналогичной литературному жанру, не было ни в какой области науки, занимающейся текстами, а генология — напомним — представлялась сферой специфически литературной, как бы заведомо предназначенной для литературы и лишь ей принадлежащей. Разумеется, это было ошибочное мнение, трактующее ограничение данного времени так, как если бы оно носило вечный характер. Бахтин при этом

² Первенство в этом отношении принадлежит работам С. Скварчиньской 30-х годов, прежде всего ее книге «Теория письма» [10]. Следует отметить, что появляются указания на генологический характер разного типа высказывания (см., например, [11; 12]). Рассуждения такого рода в целом носят случайный характер и не стремятся к более широкому обсуждению проблемы.

показывает, что жанр, применяемый к любым типам высказывания, не является категорией классификации, позволяющей систематизировать или упорядочить необычайно обширный материал. Как и в случае литературной генологии, речь здесь идет о другом — не о классификации высказываний, а об обнаружении их основных структурных свойств и разного рода прагматических связей. В любой современной генологической рефлексии в поэтике жанры рассматриваются именно таким образом, следовательно, избавляются от статичности, не являются раз и навсегда данными образцами, представляют собой один из семантических и одновременно прагматических факторов. Таким образом, поэтика не только обнаруживает свой исторический приоритет, но и демонстрирует использование категорий, применимость которых в описании текстов отнюдь не ограничивается литературой.

Тем более, что — если речь идет о генологии — существует прекрасный пример ее функционирования вне рамок науки о литературе в строгом смысле. Я имею здесь в виду библеистику. Категории жанра применялись к описанию библейских текстов не потому, что конечной целью было обнажение их литературной природы. Это осуществили, впрочем, не историки древнееврейской письменности, а теологи, которых интересовала не литературная структура текста, а интерпретация отдельных книг с важной для них точки зрения. Применение понятия жанров в исследованиях Библии представляется выразительным и одновременно обнадеживающим примером жизнеспособности тех аналитических категорий, которыми располагает поэтика.

В мою задачу не входит детальное рассмотрение проблемы, чем могут быть литературная нарратология и генология для общей нарратологии и генологии, обе традиционные в нашей дисциплине области рефлексии я рассматриваю, как примеры, надо признать — особенно подходящие и выразительные, если сфера их действия оказалась в наше время столь широкой. Но это — повторяю — лишь примеры. Само явление имеет несравненно больший масштаб: уже хотя бы то, что было достигнуто в сфере анализа поэтического языка может служить образцом и вдохновлять на описание иного типа текстов. Я не предполагаю заниматься здесь перечислением, подчеркну лишь — речь идет о демонстрации особого положения поэтики, ее применимости, намного превосходящей ту область, которая определялась бы традиционно принадлежащим ей предметом.

Это становится тем более явным, что, как я уже упоминал, во многих областях гуманитарных наук растет интерес к тексту или, если можно так выразиться, — к текстности. Не случайно хотя бы такая категория, как историческое повествование, оказалась среди основных понятий, которыми пользуется методология истории³. Структура исторического текста (как дискурса, так и сообщения источников) стала предметом особого интереса (о чем свидетельствуют хотя бы многочисленные работы Х. Уайта [17; 18]⁴), не подлежит, однако, сомнению, что историческое повествование — явление гораздо более скромно описанное, чем повествование в романе или другие разновидности чисто литературного повествования. Нет оснований утверждать, что тот механизм описания, который оказался столь эффективным в области романа, окажется непригодным при анализе исторического сообщения (добавлю, что проблема вымысла и невымысленности здесь имеет меньшее значение, здесь обнаруживаются обширные общие территории⁵). Точно так же нет оснований утверждать, что история идей не станет более богатой и вместе с тем более соответствующей, если она будет

³ Об этом свидетельствуют многочисленные англоязычные работы (из польских публикаций см., например, [15]). Категорию повествования применила в анализе историко-литературных трудов Т. Валас [16].

⁴ Этим проблемам Уайт посвятил и многие другие работы.

⁵ Эту проблему подробно, хотя и с другой точки зрения, анализирует Рикер в упоминавшемся труде [1].

исследовать не отдельные концепции в их абстрагированном виде, отвлеченном от тех форм текста, в которых они выступали. В таком понимании история идей была бы историей дискурсов, в которых идеи были вербализованы, следовательно, и в этом случае польза поэтики оказывается бесспорной.

Здесь уместно четко и ясно сформулировать тезис, который выражает сущность данной статьи: те типы анализа, которые были разработаны в поэтике, распространяются на разные виды текстов, а значит, им может быть подвергнут любой текст, независимо от своего характера и назначения. Это, однако, требует еще некоторых дополнительных утверждений. А именно, поэтика — подчеркнем — особенно пригодна для анализа любых текстов потому, что в ней соединяются методы, разработанные в различных областях гуманитарной науки, что она близка как к языкознанию, так и к философии языка и риторике, и что ее собственный вклад не вступает в противоречие с тем, что она восприняла. Из этого вытекает, что такое использование поэтики методологически, а не предметно обосновано. Применение ее инструментов не предполагает и не может предполагать придания тексту, подвергнутому такого типа исследованию, черт литературности. Иными словами, не свойства текста определяют применение аналитических процедур, присущих поэтике, т. е. она не носит оценочного характера, а является — и во всяком случае должно быть — аксиологически нейтральным. Я упоминаю об этом, поскольку существует традиция писать, в частности, о стиле текстов, которые по сути не являются литературными, но отличаются несомненными стилистическими или — более широко — художественными достоинствами. Таким образом писали, например, о стиле Цезаря, Скарги или Боссюэ; однако, когда я упоминаю о применении поэтики при описании разного рода текстов, я имею в виду не такие случаи. Когда рассматривались свойства стиля великих мемуаристов или великих проповедников, предполагалось, что их труды отличаются особой ценностью, что они обладают литературными достоинствами, которым следует воздать должное, а потому такого рода авторы вводились в круг литературы. Однако я не говорю о расширении ее границ, проблема заключается в другом. Предметом стилистического описания может быть какой угодно текст, а если принять такое исходное положение, то отнесение его к литературе становится несущественной операцией. Еще раз подчеркнем, что применение методов и инструментов поэтики — это вопрос определенного типа прочтения и определенных методологических оснований, но ни в коем случае не оценки.

Здесь уместно сделать дальнейшие методологические уточнения. В настоящей статье я последовательно говорю об анализе нелитературных текстов инструментами поэтики⁶, но избегаю определять эти действия напрашивающимся термином «интерпретация». И это не случайность. Интерпретация предполагает определенную, пусть даже минимальную, герменевтическую, а следовательно — оценивающую, позицию, имплицитно тем самым признавая за интерпретируемым текстом каких-то ценностей; предполагает идентификацию интерпретатора с исследуемым текстом, а идентифицироваться я могу только с чем-то что я как-то признаю, чему я склонен приписать определенный ранг — интеллектуальный, моральный или эстетический. Таким образом, введение категории интерпретации значительно ограничило бы наши намерения, поскольку в силу обстоятельств помещало бы вне поля наблюдения огромное количество текстов, с которыми невозможно идентифицироваться, но нет и причин не использовать при их описании инструменты поэтики, т. е. заведомо их исключить. Напротив,

⁶ Конечно, этот анализ отличается от анализа, осуществляемого при помощи методов, присущих логике и методологии наук. Примером такого подхода служит книга В. Марчишевского [19].

я придерживаюсь убеждения, что именно тексты этого типа, сомнительные с любой точки зрения, для поэтики представляют особенно благоприятный предмет анализа. Ибо нет причин, чтобы она не занималась тоталитарными текстами, распространяющими ненависть и враждебность — такими, как, с одной стороны, «Mein Kampf» и «Миф XX века», с другой же — «Вопросы ленинизма» и «История ВКП(б). Краткий курс». Более того, я считаю, что именно анализ инструментами поэтики был бы особенно желательным, поскольку он обнаружил бы те свойства разнообразных чудовищных текстов, которые в случае иного прочтения могли бы оказаться вне поля зрения. Вообще тексты, написанные тоталитарным языком, представляются мне особенно удачным предметом такого типа исследований. Хотя бы потому, что они обычно в высокой степени конвенционализированы, в таком случае задачей анализа является не обнаружение индивидуальных черт, но — напротив — демонстрация того, что есть общего и схематизированного.

Таким образом, поэтика, не теряя ничего из своих прежних направлений, охватывает огромные области текстов, и сферой ее приложения могут стать самые разнообразные типы дискурсов. Констатировав это, я могу, наконец, вернуться к исходному вопросу: кому нужна поэтика? Конечно, если ответить, что она необходима всем, это было бы значительным преувеличением. Однако представляется несомненным, что не только тем, кто профессионально занимается анализом и интерпретацией литературных структур, что она может быть полезна или прямо необходима также и тем, кто изучает дискурсы другого типа. Ведь и они поддаются инструментарию, выработанному поэтикой, именно она обеспечивает такое их прочтение, которое позволяет заметить в них элементы, при ином подходе могущие остаться незамеченными. Поэтому поэтика нужна всем тем, кто занимается текстами, любыми текстами, независимо от их характера и ценности.

Здесь я мог бы закончить эти размышления, но чувствую необходимость добавить некоторое объяснение. Я отдаю себе отчет в том, что мои заметки довольно общи, даже абстрактны и — по крайней мере с какой-то точки зрения — висят в пустоте. Чтобы это преодолеть, я должен поставить вопрос: являются ли формулируемые мною постулаты исключительно проектами, существующими лишь в сфере пожеланий, или они опираются на некую уже ясно обозначившуюся практику. Несомненно, тут вступает в игру вторая возможность, а в ее пределах — разного рода опыт. Он различается во многих отношениях. Я уже упомянул о старой стилистике и ее исходных пунктах, в которых фактор оценки играл значительную роль. Но не следует забывать и о том, что и русские формалисты интересовались нелитературными и паралитературными формами высказывания прежде всего, однако, по той причине, что их интересовал вопрос возникновения литературных структур из различных форм речи, не относящихся к литературе, следовательно, их подход к рассматриваемой проблематике был иным, чем представленный здесь.

Отдельная сфера исследований — это разные формы прикладной и популярной литературы. Иногда они не отличаются в структурном отношении от форм так называемой высокой литературы и в таких случаях не требуют других методов анализа, чем такие, которые применяются при рассмотрении литературы этого круга. Но тут вступают в игру типы высказывания (или «жанры речи»), которые в пределах так или иначе понимаемой литературы не функционируют, например, разного рода рекламные формулы, надписи, советы и т. п.⁷ Вопрос, конечно, не ограничивается описанием такого рода высказываний.

⁷ Проявлением подобного интереса является тематический номер «Текстов», озаглавленный «Прикладные формы» [20]. Для рассматриваемой проблематики особое значение имеет введение Я. Славинского.

Интерес к анализу разного рода дискурсов в литературных категориях заметно проявляется и в польской гуманитарной науке; примером новаторской работы этого типа служит книга Р. Зиманда о дневнике Чернякова [21], дневнике, имеющем прежде всего документальные цели, лишенном каких бы то ни было литературных претензий. В целом же представляется, что анализ такого рода все еще остается скорее редким явлением, а в описаниях или интерпретации дискурсивных текстов продолжают преобладать традиционные методы. На мой взгляд, не подлежит сомнению, что осуществление изменений в этой области позволит лучше читать и лучше понимать такого рода тексты, а также предоставит шансы для поэтики в широком понимании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ricoeur P.* Temps et récit. Paris, 1983—1985. Т. I—III.
2. *Brown R. N.* A Poetic for Sociology. Cambridge, 1978.
3. *Николаева Т. М.* Единица языка и теория текста//Исследования по структуре текста/Под ред. Т. В. Цивьян. М., 1987. С. 39.
4. *Bolecki W.* Spójność tekstu (literackiego) jest konwencją//Teoretycznoliterackie tematy i problemy pod red. J. Sławińskiego. Wrocław, 1986.
5. *Indyk M.* Spójność tekstów językowych//Granice spójności narracji. Proza Leopolda Buczkowskiego. Wrocław, 1987.
6. *Okopień-Stawińska A.* Semantyka wypowiedzi poetyckiej (Preliminaria). Wrocław, 1985.
7. *Okopień-Stawińska A.* Teoria wypowiedzi jako podstawa komunikacyjnej teorii dzieła literackiego//Pamiętnik Literacki. 1988. № 1.
8. *Kerbrat-Orecchioni C.* L'Enonciation. De la subjectivité dans le langage. Paris, 1980.
9. *Genette G.* Nouveau discours sur récit. Paris, 1983.
10. *Skwarczyńska S.* Teoria listu. Lwów, 1937.
11. *Hymes D.* Models of the Interaction of Language and Social Life// Directions of Sociolinguistics. The Ethnography of Communication. New York, 1972. S. 65.
12. *Di Girolamo C.* A Critical Theory of Literature. Madison, 1981.
13. *Бахтин М. М.* Проблема речевых жанров//Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 237—280.
14. *Wierzbicka A.* Genry mowy//Tekst i zdanie pod. red. T. Dobrzyńskij i E. Janus. Wrocław, 1983.
15. *Topolski J.* Metodologia historii. Warszawa, 1968.
16. *Walas T.* Historia literatury jako opowieść//Ruch Literacki. 1986. № 5.
17. *White H.* Metahistory. The Critical Imagination in Nineteenth-Century Europe. Baltimore and London, 1973.
18. *White H.* The Value of Narrativity in the Representation of Reality//Critical Inquiry. Autumn, 1980.
19. *Marciszewski W.* Metody analizy tekstu naukowego. Warszawa, 1977.
20. *Teksty.* 1975. № 4.
21. *Zimand R.* «W nocy of 12 do 5 rano nie spatem». Dziennik Adama Czernikowa — próba lektury. Warszawa, 1983.



ЖУЛИНСКАЯ Э. В.

ВЗГЛЯДЫ ЮРИЯ КРИЖАНИЧА И ЯНА АМОСА КОМЕНСКОГО НА ШКОЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVII ВЕКА)

Творчество славянского мыслителя второй половины XVII в. Юрия Крижанича (1618—1683) на протяжении многих десятилетий привлекает пристальное внимание ученых во многих странах [1—3]. Идеи наследия Крижанича стало достоянием общеевропейской культуры. В нем в полной мере прослеживается «историческая трасса» сербско-хорватско-украинско-русских культурных связей второй половины XVII в.

Крижанич, творивший в русле передовых идей общеевропейской культуры той эпохи, отразил в своих общественно-политических взглядах ряд актуальных для развития общественной мысли южных и восточных славян второй половины XVII в. проблем, в частности, предвосхитивших петровские реформы в России.

Русское общество стало осмысливать пути своего дальнейшего развития, социальных преобразований, проблематику общественного прогресса и цивилизации, взаимоотношений с западной культурой, с греческим Востоком и т. д. В частности, возникла проблема, «кому отдать право гражданства на православной Руси — греческому или латинскому» образованию [4]. Появилась потребность в изучении внутреннего мира человека, расширении его субъективной компетенции, адекватных новым общественным отношениям. Русские мыслители стремились постичь закономерности природы, раскрыть мирской, земной характер государственной власти, указать на новую роль науки и образования в жизни общества и доказать возможности прогресса в нем. Прогрессивными мыслителями поднимался также вопрос о необходимости развития светской культуры, освоения наследия античного мира и последующих историко-культурных эпох.

В XVI—XVII вв. в России появляется интеллектуальное течение, представители которого критически оценивали состояние русского государства, косность и рутину в обществе, подняли вопрос о сближении России с Западом. К ним относились в XVI в. И. Пересветов, в XVII в. — А. Матвеев, Ф. Ртищев, Симеон Полоцкий, Епифаний Славинецкий, Сильвестр Медведев, Григорий Котошихин, Юрий Крижанич и др. Они не только ставили

Жулинская Эмилия Вячеславовна — канд. философ. наук, заведующая кабинетом кафедры философии Киевского педагогического института им. А. М. Горького.

и решали указанные проблемы в теоретическом плане, но стремились воплотить свои идеи в жизнь: печатали учебники, организовывали школы, боролись за развитие просвещения, за ликвидацию неграмотности и т. д.

Формирование буржуазных отношений во второй половине XVII в. в России было существенным фактором, повлиявшим на общественно-политическую мысль, в тесной связи с которой шло и развитие института массовой школы и педагогической науки. Это обусловило и возрастание интереса к педагогике, методике преподавания и особенно к вопросам домашнего индивидуального воспитания. Из прежнего синкретизма богословско-нравственных сочинений уже вычленяются педагогические идеи; появляются специальные трактаты, включающие комплекс правил поведения детей, специальные советы, непосредственно связанные с самим процессом преподавания в школе, методические советы учителям и т. п. [5]. Практическая работа школ и деятельность учителей требовали теоретического осмысления новых задач и целей образования и обучения в соответствии с новыми потребностями общественной жизни.

На развитие русской педагогики этого периода оказали немалое влияние западнорусские просветители, в частности, деятели братских школ Украины и Белоруссии [6], о чем ярко свидетельствует плодотворная деятельность Симеона Полоцкого, Епифания Славинецкого и др. К числу мыслителей, оказавших влияние на русскую педагогику XVII в., относится также Ю. Крижанич.

Крижанич — современник Симеона Полоцкого, Епифания Славинецкого, Яна Амоса Коменского, Кампанеллы. Известен как хорватский политический мыслитель, много лет проживший в Русском государстве и написавший здесь свои основные произведения¹. В основном своем труде «Политика» [7], на основании анализа экономического положения и внутренней политической обстановки в России, Крижанич выдвигает комплекс идей, касающихся и политики, и экономики, и культуры. Мыслитель считает, что для усиления могущества России необходимо укрепить централизованный государственный аппарат, реформировать армию, законодательно закрепить права всех сословий русского общества, ввести новые разновидности сельскохозяйственного и промышленного производства, перестроить внешнюю и внутреннюю торговлю, развивать науку и т. п. Крижанич намечает широкую программу социальных преобразований, в которой, по его мнению, нуждалась Россия на грани двух больших межформационных этапов ее исторического развития с середины XVII в. и до петровских реформ.

Анализ экономических взглядов Крижанича не входит в задачу статьи, ибо эта большая проблема требует самостоятельного исследования (см. [8—11]). Подчеркнем лишь, что в рамках преобразовательной программы Ю. Крижанича значительное место заняли мысли о необходимости для Русского государства развития образования, науки, о повышении общей культуры населения страны, о необходимости издания книг и их переводов, о создании школ и т. д. Можно даже сказать, что в эту программу включена своеобразная концепция воспитания и образования.

Для Крижанича образование — это не просто овладение грамотой, это постижение мира, а познание действительности дается наукой. По мнению Крижанича, наука необходима людям, без нее невозможно управлять сложным механизмом государства — составлять «доброе законодательство», проявлять заботу об «общем благе» и др. В духе философии нового времени мыслитель утверждает, что уровень развития науки зависит от государственного строя

¹ Крижанич прожил в России 18 лет, из них 15 был в ссылке, в Тобольске. Нет прямых указаний на причину ссылки. Можно предположить, что его прогрессивные взгляды не устраивали царских чиновников, от которых зависела его судьба.

страны: «...в иных народах мы видим: в кое время кралство кое к вышнему своему величеству возрасте, яко в оно же время, при оном народу и уметели (науки) наипаче цвествь начинаху» [12. С. 109], т. е. у каждого народа политический расцвет совпадает с умственным развитием. Как поборник абсолютной монархии Крижанич апеллирует к монарху, который должен, по его мнению, стремиться к распространению образования, к развитию наук, к повышению морального уровня общества и т. п. Он полагает, что и самим королям «нужно учиться мудрости у хороших учителей, книжек и ./.../ наставников» [7. С. 453], и тогда будет в Русском государстве «благоденствие и сила в степени значительнейшей, чем то было доселе».

Крижанич выступает в защиту идей действенной науки, предлагает, подобно Бэкону, проект организации занятий науками. Важнейшая задача просвещения — готовить людей, способных развивать науку. Мыслитель указывает на то, что излишнее количество людей, занимающихся наукой, опасно, умеренное же учение необходимо и полезно. Крижанич полагает, что наукой должны заниматься столько людей, сколько нужно государству для замещения общественных должностей; остальные должны обучаться земледелию, ремеслам. По мнению Крижанича, «надобно сохранять равновесие и держаться середины» и «не следует ./.../ всем открывать к ней (науке) доступ» [13. С. 477—481, 714]. В этом, как и в некоторых других отношениях, педагогическая концепция Ю. Крижанича имеет немало точек соприкосновения с теорией Коменского (1592—1670), хорошо оттеняется на ее фоне. Однако следует заметить, что теория Коменского более пропитана гуманистическим и протестантским, т. е. буржуазным пафосом, следовательно более развита, чем у Крижанича, мыслителя переходной эпохи от Средневековья к Новому времени.

Коменский, как и Крижанич, тесно увязывал развитие наук с освобождением их от метафизического мышления, подчеркивал, что «науки в том виде, в каком они обычно преподаются, недостаточно приспособлены к потребностям повседневной жизни» [14. Т. 1. С. 483]. Он признавал только «реалистическую науку» и требовал поставить на службу «для всех, рожденных людьми» [14. Т. 1. С. 498].

Крижанич, как и Коменский, подвергал критике недостатки в тогдашней европейской школьной системе. Прежде всего Крижанич их видит в излишне широкой свободе учащихся, ведущей к безнравственности. По мнению мыслителя, учащиеся не должны пользоваться никакими привилегиями и вне школы должны подчиняться общим законам [13. С. 714]. Без строгого и сознательного соблюдения дисциплины, определенного порядка и установленных школой обязательных законов, правил и норм поведения, доказывал Крижанич, невозможно достичь положительного успеха в обучении и воспитании.

В аристотелевском духе Коменский, как и Крижанич, исходит в своей педагогике из общего назначения дисциплин в обществе, условиями существования которого является, по его мнению, порядок. Именно этим решающим значением дисциплины объясняется то, что весь порядок в школе излагается в «законах», «уставе». Это является, по Коменскому, обязательным условием обучения и воспитания, основной целью самой школы. «Школа без дисциплины есть мельница без воды» [14. Т. 1. С. 434].

В то же время Коменский, как ранее Монтень, а позднее — Ж.-Ж. Руссо, выступал против излишней жестокости режима средневековых школ, занятия в которых длились «с восхода солнца и до заката». Коменский дает глубокую картину догматически-схоластической средневековой школы, касаясь всех ее сторон: содержания и методов воспитательно-образовательной деятельности, а также форм ее организации. Занятия для учащихся, указывал он,

превратились в мучения, а сама школа — в «тюрьму для души»². По мнению Коменского, школа должна перестать «быть лабиринтом, /.../ темницей, пыткой для умов», а должна стать для них «развлечением, дворцом» [14. Т. 2. С. 52]. Придерживаясь демократического принципа «учить всех всему», противоположного принципам средневековой школы, Коменский считал необходимым дух доброжелательного отношения к учащимся, для которых пребывание в школе должно быть радостным, а учение — «успешным», «легким», «кратким» и «основательным» [14. Т. 1. С. 326—382]. Эти требования — основа дидактики Коменского — «чему учить и как учить».

В отличие от Коменского Крижанич считал излишним для представителей низших слоев общества слишком свободный доступ в учебные заведения, где преподаются гуманитарные науки. По его мнению, это вело бы к перепроизводству образованных людей, что губительно сказалось бы на общественных нравах. Число учащихся, занимающихся гуманитарными науками, должно быть ограничено, и доступ в соответствующие школы должен быть открыт преимущественно для детей из состоятельных семей; остальные должны учиться ремеслу или земледелию. Неумеренность в делах образования приносит вред науке, считал Крижанич, в том числе техническим и ремесленным знаниям [13. С. 714].

Суждения Крижанича по вопросам обучения и воспитания обусловлены его общей концепцией человека и идеей преобразования Русского государства. Чтобы подняться на уровень передовых стран государству необходимо заняться прежде всего постановкой дела образования в русском обществе. Однако науке в России заметно препятствуют утверждающие, что наука во всех ее формах — «богословие, философия и языков учение, несть ино неже ересь» [12. С. 110] или ее причина. Традиционно позиция церкви была направлена против светского образования, против знаний, которые считались греховными, несоместимыми с христианским вероучением. В противоположность этому Крижанич утверждает, что «незнание плодит ереси: мудрость ее изкореняет», «по мудрости ереси ся изкореняют; а по неуметельности (невежества) и при книжных людях, ереси и преверия пребывают во века» [12. С. 111, 112].

Крижанич обосновывает необходимость независимости светского образования от церковного, о чем свидетельствует его классификация наук, особенно подчеркивающая его свободомыслие и рационализм [7. С. 460]. В своей классификации наук Крижанич, подобно Декарту [16. С. 421], отразил уровень развития отечественной мысли второй половины XVII в. Наука у Крижанича фактически отделена от религии; знание в целом он, как и Аристотель [17], разделял на «книжное» (теоретическое) и «ручное» (практическое). В свою очередь, разделив теоретическое знание на «духовное» и «мирское», Крижанич практически связал исторический процесс познания лишь с «мирской» мудростью. К познанию именно мирской мудрости сводится процесс цивилизации. Однако Крижанич не отвергает и богословия, рассматривая его как одну из сфер «духовного» знания, но доверяя «изучение бога» только теологии.

Крижанич, как и Коменский, определял науку как «знание вещей», как «внутреннее созерцание» их [14. Т. 1. С. 383]. Он требовал «открыть двери природы», снять «очки» и изучать природу в соответствии с ее же законами. Аналогично Кампанелле [18], Коменский стремился составить такую книгу, которая заменила бы собой все «сокровищницы образования и мудрости» [14. Т. 2. С. 414]. Это стремление Коменского получило свое

² Монтень еще в 80-х годах XVI в. требовал освободить от схоластики преподавание всех предметов [15]. Ф. Бэкон также подвергает схоластику резкой критике. Эта идея получит свое развитие в XVIII в. у Песталотци, критиковавшего недостатки современной ему школы — вербализм и зубрежку, а Ж.-Ж. Руссо выступит против всей сословно-феодальной системы воспитания, подавляющей личность ребенка.

выражение в так называемой пансофии — книге о всезнании, где сжато и доступно были бы изложены все науки. По существу здесь у Коменского проявляется попытка к интеграции наук, к объединению их в одну универсальную науку, составляющую одно логическое целое, в котором одно вытекает из другого, при этом знания, по его мнению, должны быть доступными, убедительными и прочными.

Как и многие философы, Крижанич и Коменский считали необходимым сохранить церковь и веру в бога для «пользы» государства. Крижанич полагал церковь и веру одной из «твердынь» государства [7. С. 615]. Коменский также считал, что религия является одним из решающих факторов исправления общества, отводил поэтому немало места в своем педагогическом учении воспитанию богобоязни.

Вместе с тем многие педагогические и философские суждения Крижанича и Коменского были направлены по сути дела против безграничного господства религии в сфере идеологии, против жесткой регламентации школьной жизни со стороны церкви и т. д. Коменский высмеивает фанатичность, нетерпимость, праздность духовенства, пьянство и воровство священников [14. Т. 1. С. 123]. Как представитель реформаторского христианства он выступает против католицизма и его иезуитской направленности в воспитании. Аналогично и Крижанич подвергает критике космополитическую и теократическую тенденции папства, равно как притязания греческого патриарха на установление господства над христианским миром [19. С. 219].

Наука и вера у Коменского и Крижанича оказались так или иначе связаны, такая связь способствовала борьбе за секуляризацию мышления³.

Исходя из общей концепции рационального переустройства русского общества, Крижанич стремился к расширению школьного образования в России. Еще в начале XVII в. в России школ было мало, и обучение сосредотачивалось в руках немногих «учительных людей». Лишь к концу XVII в. появилось некоторое количество школ и училищ. Открытая в 1687 г. Славяно-греко-латинская академия «венчала» процесс создания учебных заведений в XVII в.

Подвергая критике европейскую систему образования, Крижанич в то же время считал, что ряд ее аспектов приемлем, необходим и полезен для Русского государства. В чем же заключалась система обучения и воспитания Крижанича? Крижанич, подобно Людвигу Вивесу, Эразму Роттердамскому, Яну Амосу Коменскому, а позже и Феофану Прокоповичу считал, что обучение, воспитание должно начинаться в раннем детстве. До поступления в школу, по его мнению, дети проходят цикл дошкольного воспитания — усваивают чтение и пение, псалтыри и церковные молитвы.

Рассматривая образование и воспитание как средство укрепления государственного строя, Крижанич, вслед за Аристотелем, полагал, что все школы должны быть государственными. Для удовлетворения потребностей государственного аппарата, Крижанич требовал начать подготовку «кадров». Для этого необходимо организовывать школы различных типов — классические («гуманитарные») и трудовые («реальные») [12. С. 258]. В школах, где должны изучаться гуманитарные науки, в том числе философия, политика, история, этика, грамматика, греческий и латинский языки, «письмо», готовились бы философы, политики, историки, которые должны были затем находиться на государственной службе — приказной и посольской. В эти школы должны приниматься «княжеские и властательские дети», детям дворян отводилось место лишь в виде исключения.

Параллельно с основными дисциплинами в школе идет и физическое

³ Идеи Крижанича и Коменского получили свое развитие и в XVIII в. В частности, Ж.-Ж. Руссо выступил против вероисповедной религии вообще и против католической церкви в частности, что повлекло за собой гонения со стороны духовенства. В то же время Руссо полагал, что у юношей должно вырабатываться «религиозное чувство в духе деизма» [20].

воспитание. В свободное от научных занятий время учащиеся упражняются в стрельбе, беге, прыжках и т. д. По окончании курса в первоначальной школе все учащиеся переходят в военную школу и обучаются военному искусству, а также верховой езде, метанию копья, стрельбе в цель и т. п. Крижанич — в духе аристотелевского учения — не отделяет умственного образования от физического, военного от гражданского. Каждый должен быть готов как к гражданской, так и к военной службе. Продолжительность учебного курса Крижанич не указывает.

В отличие от Крижанича, Коменский, ратуя за сохранение мира на земле, считал, что никто не должен учиться военному искусству, изготовлению оружия. Оружие должно быть перековано в серпы и орала.

Русскому просвещению XVII в. было известно средневековое деление наук на «семь свободных искусств» (*septem artes liberales*), составлявших основу «светского образования». Они вошли и в курс гуманитарных школ Крижанича, хотя он относился к ним критически [19. С. 280].

В отличие от Крижанича, Коменский, как и их современник Д. Локк, отказался от системы «свободных наук». И Крижанич, и Коменский не ограничивались «семью науками», разрабатывая план обучения, они включали в него и новые предметы — историю, географию, философию, этику, логику и т. д.

Известно, что средневековая школа была школою зубрежки и схоластики. Крижанич стремился преодолеть эти недостатки. По Крижаничу, курс той или иной дисциплины не должен быть растянут. По возможности следует применять простые и ясные методы преподавания, излагать материал в простых формулах, без лишнего многословия. Если Коменского принято считать отцом славянской педагогики, то Крижанич является первым реформатором славянской азбуки, стремившимся упростить ее. Он был одним из первых, «кто настаивал на изъятии лишних букв в старом русском алфавите, замене сложных названий букв односложными, чтобы значительно облегчить обучение детей чтению (как это принято сейчас)» [21].

Крижанич, как и Коменский, стремился освободить школу от косности, выступая против догматических способов обучения [14. Т. 2. С. 114—131], что особенно должно касаться философии. Крижанич стремился отделить предмет философии от предмета религии. Философия выступает у него как важнейший атрибут мышления, познания «азбуки жизни» и сосредотачивается на естественнонаучных и практических проблемах. Предмет философии Крижанич толкует, подобно П. Гассенди, в духе традиционной триады (мышление, природа, общество) и включает в него логику, физику, этику. Изучение философии должно осуществляться путем глубокого познания причины и сущности вещей [7. С. 452]. Курс философии должен быть изложен в кратком очерке и составлять необходимый элемент программы гуманитарных школ. От такого преподавания Крижанич ожидал большую пользу для русских, позволяя установить правильный и реалистический взгляд на ценность европейского образования и не увлекаться магией, астрологией, алхимией и т. п. Алхимия была уже подвергнута острой критике со стороны Леонардо да Винчи, позже — Р. Декарта. Коменский, как и Крижанич, выступал против алхимии и поисков мистического «философского камня».

У Коменского «всеобщая мудрость» или пансофия, являясь сердцевиной мировоззрения мыслителя, дает исчерпывающее значение всей предметной действительности, указывая на ее органическую и логическую связь. Она должна «служить живым отражением мира, /.../ где все было бы одно с другим связано» [14. Т. 1. С. 496]. Коменский, подобно Крижаничу, признавая причинно-следственную связь в качестве закона природы, отбрасывая бесцельные, «путанные» схоластические диспуты, их мистический

характер, настаивал на необходимости познания реальных предметов всей природы в целях ее совершенствования.

Философия — «царица наук» — у Коменского выступает «матерью педагогики», «альфой и омегой» всей его педагогической системы. Философские проблемы он тесно увязывал с теорией и практикой педагогики, в частности — с вопросами дидактики, воспитания, методики и т. д. Философия, как полагал Коменский в отличие от Крижанича, должна быть доступна всему народу.

Крижанич предлагал в «реальных» школах, которые были бы достоянием дворянских и посадских детей, преподавать «реальные», «трудовые» науки — арифметику, геометрию, земледелие, «врачество» и т. д. Эти школы готовили бы математиков, врачей, астрономов, землемеров и т. п. [12. С. 25—44]. Настаивал Крижанич также на том, чтобы государство готовило специалистов по рудному делу и «земельному углению»⁴, т. е. горному делу и металлургии, чтобы отечественная промышленность могла вырабатывать «все, что изобретено, где бы то ни было человеческим умом»⁵.

Отказывая детям крестьян в праве посещать даже «реальные» школы, Крижанич вместе с тем предлагал, чтобы они учились ремеслу, имели возможность выкупа «от государя» [12. С. 32]. Крижанич апеллировал к правящему классу, призывая обучать грамоте своих крестьян⁶.

В противоположность Крижаничу Коменский как последователь Яна Гуса, Томаса Мора стремился сделать образование доступным для всех без различия социального положения, национальности, расы, придерживаясь при этом теории «*tabula rasa*», согласно которой все в равной степени могут стать мудрыми, пансофами [14. Т. 1. С. 292].

Отрицательное отношение к тогдашней школьной системе мы находим и у Коменского. Он стремился уничтожить ее пороки: вербализм, догматизм, начетничество, формализм, схоластическое мышление, зубрежку и т. п. Принцип универсального обучения «всех всему» носил гуманистический характер. Коменский обосновывал преимущество школьного воспитания по сравнению с семейным, ибо школа является «мастерской гуманности» [14. Т. 1. С. 295]. Он разработал четырехступенчатую систему образования: 1) материнская школа (воспитание в семье до 6 лет под руководством матери; 2) школа родного языка, или элементарная школа (от 6 до 12 лет) с изучением родного языка, арифметики, элементов геометрии, географии, природоведения, чтением Священного Писания, знакомством с важнейшими ремеслами; 3) латинская школа или гимназия в возрасте с 12 до 18 лет для способных учащихся; 4) академия, высшая ступень обучения, в которой учатся с 18 до 24 лет на трех факультетах: богословском, юридическом и медицинском [14. Т. 1. С. 439, 460].

Крижанич также поднимает вопрос о высшем образовании, но не конкретизирует его. Вместе с тем мы находим у Крижанича мысль «о необходимости организации института профессиональной музыки в России» [24]. Обязательной частью высшего образования Крижанич считал путешествие как средство расширения знаний.

Труды Коменского о школе оказали влияние на формирование системы

⁴ Крижанич был первым в России, кто открыл полезные ископаемые страны и прежде всего местонахождения горючих сланцев в Сибири, сопоставив их с месторождениями в Эстонии и Шотландии. Он указал также на один признак нефтеносности Западной Сибири [7. С. 422].

⁵ Позже В. Н. Татищевым будут открыты горнозаводские школы на Урале с тем, чтобы «своих учителей из русских приготавливать» [22]. Им будет разработан проект построения широкой системы образования также по сословному принципу.

⁶ Известно, что в рассматриваемую эпоху прогрессивная русская мысль развивалась в борьбе против сословной системы образования и воспитания. Особенно ярко выражена эта тенденция у Коменского, а позже, в первой четверти XVIII в., и у Посошкова, которые поднимут вопрос о необходимости образования для третьего сословия и крестьянских детей [23].

среднего образования, а в некоторой степени и высшего, большей части государств мира. Труды же Крижанича пролежали в московских архивах около двух столетий, и своих внимательных читателей он нашел лишь в XIX в.

Существенным моментом является то, что Коменский и Крижанич верили в огромные возможности духовного развития людей, считая, что их познавательные возможности безграничны. Успехи разных народов в познании мыслители связывали с развитием производства, с техническими открытиями того времени, указывая на их важное значение, подкрепляя это положение примерами [7. С. 454; 15. С. 22—23]. Гносеологический оптимизм присущ и Коменскому, и Крижаничу. Веря в могущество человеческого познания, в широкие возможности молодежи, Коменский стремился обеспечить ей универсальное образование, побудить ее «к познанию своих достоинств» [14. Т. 2. С. 22].

В области педагогики великий дидактик высказал ряд демократических принципов и идей, в частности, преподавание на родном языке: «Через школу родного языка должны пройти все без исключения» [14. Т. 2. С. 447]. Развивая идеи Т. Мора, Монтеня, Ф. Бэкона (в XVIII в. их продолжит Песталоцци) об обучении на родном языке, Коменский опирался также на традицию борьбы чешского народа против преследований чешского языка со стороны католического духовенства и немецкого патрициата. Он сожалел, что «народные языки окружены величайшим презрением» и рекомендовал: «Пусть всякому народу все передается на его собственном языке» [14. Т. 2. С. 526].

Считая родной язык «вратами», через которые народ познает мудрость и, работая около 40 лет над проблемами чешского языка, Коменский создал ряд книг на родном языке для улучшения воспитания и обучения чешских детей; в 1628 г. он пишет на чешском языке книгу «Материнская школа», а в 1632 г. — «Чешскую дидактику». В данной сфере также нельзя не видеть родство идей Крижанича и Коменского.

В период порабощения южнославянских народов Высокой Портой, Габсбургской империей, а также экспансионистских устремлений Ватикана, Крижанич выступает в защиту интересов своего народа. «Хорватский Дон Кихот» [25] продолжает работу над исправлением хорватского языка, его обогащением, очищением от иностранных слов, которую он начал «еще со своей младости». Крижанич считал, что некоторые славянские народы, в том числе и хорватский, изучают без пользы другие языки, позабыв свой родной, а тем самым «унижают себя, свой язык и свой народ» [7. С. 479]. Крижанич создал для хорватского народа курс поэзии, философии, составил на иллирийском языке основы грамматики, арифметики и т. д.

В Русском государстве Крижанич увидел страну, способную на практике осуществить его идею «славянского единства», которая становится сутью его историко-философской концепции. Отводя руководящую роль России в борьбе славянских народов против немецкой и османской агрессии, Крижанич не наделяет ее ролью властелина над возрожденными славянскими народами. Союз славян он мыслит как международную организацию федеративного характера, покоящуюся на началах равенства, справедливости и свободы, а не в форме некоего всеславянского царства, где бы все славяне были подданными русского царя⁷. Крижанич не ограничился только теоретиче-

⁷ Необходимо обратить внимание на тот факт, что в дореволюционной и современной западной историографии имеются попытки приблизить программу объединения славян Крижанича к позднейшим теориям панславизма. Однако, как заметил Г. В. Плеханов, «...не надо /.../ думать, что панславизм Крижанича имеет много общего с нашим позднейшим панславизмом или славянофильством» [26]. Панславизм во второй половине XIX в., как известно, был политической и историко-философской концепцией, маскировавшей экспансионистские планы царского самодержавия на Балканах; в то же время как программа объединения славян, отстаиваемая Крижаничем, имела совсем иное политическое направление и идейное содержание. Направленная своим острием против османской и немецкой агрессии, она несмотря на всю ее утопичность, все же имела исторически прогрессивное значение.

скими идеями объединения славян, он предпринимает и практические меры. Первым шагом в этом направлении должно быть объединение всех славянских языков, т. е. создание «общеславянского языка», который стал бы залогом славянского национального единства и возрождения. Средством для достижения «всеславянского языка» мыслитель считал создание «доброй грамматики и лексикона славянского языка». Результатом этой огромной работы Крижанича стал цикл его лингвистических трудов.

Вопросам фонетики славянских языков Крижанич посвятил труд «Объяснение виводно о письме славянском» [27]. В книге «Грамматично изказание о русском иезику» [28] разрабатывались вопросы морфологического анализа, изобретенного Крижаничем общеславянского языка.

Коменский также придавал ведущую роль грамматике в общей системе языка [14. Т. 12. С. 330].

Крижанич был убежден в том, что, когда будет «исправлен язык», создана грамматика и лексикон, станет возможным создание книг и они будут доступны всем славянам. Этими «пригодными, разумными книгами» можно будет «людям умные очи открыть». Согласно Крижаничу, общение славянских народов между собой посредством доступного языка должно способствовать их национальному возрождению, возвышению национального самосознания, пониманию друг друга [29—33].

Если Крижанич переносит заботы о хорватском народе на все славянство, то Коменский идет еще дальше: он задумывается над судьбами не только чешского народа и славянства, но и всего человечества. Его план преобразования человеческого общества на основе справедливости, свободы и гуманности охватывает три области: просвещение, религию и политику. Соответственно Коменский выступает за создание трех международных объединений, которые обеспечили бы совместное международное сотрудничество.

Существенным средством для исправления «дел человеческих» мыслитель считал всеобщее просвещение, которое затрагивало бы все стороны жизни общества, способствовало бы изменению природы человека, а также объединению людей. Универсальный центр — «Совет света» — был бы центром, где концентрировались бы научные достижения всех стран, осуществлялось бы распространение знаний и образования в другие государства [14. Т. 2. С. 385]⁸.

Создание и введение единого всеобщего универсального языка, по мнению Коменского, будет способствовать реализации той огромной задачи, которая возложена на международный центр, а также будет содействовать устранению языковых препятствий, ликвидации причин непонимания и ненависти между народами. При этом Коменский не отступал от своего демократического принципа — введения обучения на родном языке. Мыслимый Коменским международный универсальный язык должен был функционировать параллельно с национальным [37]. Второй областью, которая нуждается в исправлении, по мнению Коменского, является церковь и религиозная жизнь, чтобы «в человеческих делах началось бы /.../ истинное возрождение» [14. Т. 1. С. 455]. Этими проблемами должно заниматься универсальное объединение государств — «Всемирная консистория». Защищая право людей на свободу, Коменский, как и Крижанич, подчеркивает необходимость в обеспечении равенства, уважения и доверия между большими и малыми народами, гарантии их безопасности, а значит заботы о всеобщем мире и уничтожении войн. Этими проблемами должно заниматься универсальное объединение государств — «Мировой суд» [14. Т. 1. С. 454]⁹.

⁸ Здесь, на наш взгляд, прослеживается родство некоторых принципов проекта Коменского о международном универсальном центре с работой ЮНЕСКО [34—36].

⁹ Эти идеи Коменского также сходны в некоторой степени с проектами ООН [34].

Идеи древнерусской, как и средневековой европейской педагогики, были связаны с нравственным воспитанием в рамках традиционных христианских норм нравственности, связанных с терпимым и гуманным отношением к людям и т. д. Педагогические системы Крижанича и Коменского основаны на стремлении к гармоническому развитию личности и охватывали три стороны воспитания — умственную, физическую и нравственную. Хотя за пределы средневековой морали Крижанич не вышел, существенным в концепции мыслителя является то, что он осознал, что за моралью того или иного общества стоят не только воспитание, традиции народа и т. п., но и социальные проблемы времени. Крижанич утверждал, что нравственные качества народа тесно связаны с политикой, политическими учреждениями и законодательством, «не от урожения, не от промысла, а от доброго владения и наставления народом прибывает» [12. С. 85]. Суровая критика отрицательных черт морали феодального общества — невежества, ханжества, тунеядства верхушки общества «сарданапалов» придавала гуманистический характер нравственным построениям Крижанича.

Аналогичная этическая позиция Коменского вытекала из его плана исправления «дел человеческих» и предусматривала формирование человека обновленного общества. Задачу эту, в основном, он возлагал на школу, которая должна нравственно влиять на общество и быть общественной мастерской «добродетели» [14. Т. 2. С. 382]. Провозглашая Сократа учителем нравственности и, используя учение Л. Вивеса, Коменский апеллирует к таким общечеловеческим нравственным ценностям, как гуманное отношение к детям, людям, мужество и справедливость. К нравственному воспитанию он относит и религиозное, которое в его учении занимает важное место.

Коменский, Людвиг Вивес, Карион Истомин выступали против телесного наказания («розг» и «жезл») как одного из основных нравственных методов педагогики вообще и домашнего воспитания в особенности. По мнению Коменского, физические наказания «вызывают в душе отвращение к наукам и враждебное отношение к ним». Однако за проступки против религии, за плохое поведение, но не за плохое учение Коменский допускал телесные наказания; Симеон Полоцкий также признавал «буйство розг».

Коменский и Крижанич большое значение придавали труду, в частности, трудовому воспитанию в школе. Развивая аналогичную идею своих предшественников, в частности, Кампанеллы, Коменский указывает на высокую роль труда в воспитании, на его значение для развития физических и моральных свойств человека. «Без труда — нет счастья» заключает Коменский. В свою очередь Крижанич отстаивал мысль о необходимости для всех слоев общества трудиться, видя в этом основу нравственной жизни, ссылаясь на библейский принцип «кто не трудится — да не ест» [19. С. 25]. Нельзя не видеть рационального зерна в выступлениях Крижанича против праздности [7. С. 495]. В концепции Крижанича труд является в известной мере целью воспитания¹⁰.

Коменский и Крижанич — поборники женского образования, идеи равных прав мужчин и женщин на образование. Исходя из основной идеи всеобщего образования, Коменский считал, что «всю молодежь обоего пола нужно отдавать в школу» [14. Т. 1. С. 292] без сословной ограниченности, «знатных и незнатных, богатых и бедных, во всех городах и местечках, селах и деревнях». Коменский был убежден, что женщины «одинаково /.../ одарены /.../ быстрым и воспринимающим мудрость умом» [14. Т. 1. С. 89].

Крижанич предлагал ввести обучение для женщин (правда, из состоя-

¹⁰ Полоцкий также считал необходимым с самых ранних лет прививать детям трудолюбие. Ж.-Ж. Руссо, Песталоцци настаивали на серьезном трудовом воспитании детей всех сословий (в отличие от Аристотеля, который был противником занятий физическим трудом привилегированных слоев, считая его сферой деятельности рабов).

тельных семей), завести для них школы, чтобы, изучая рукоделие, хозяйство, они знали промысел, который «нужен и полезен», получив затем «свидетельство» [7. С. 404]. Верно подчеркивал дореволюционный исследователь П. Рогонович, что в проектах женского образования «Крижанич пошел дальше Петра I» [38]¹¹.

Еще Платон в своих сочинениях предъявлял высокие требования к воспитателю. В системе обучения и воспитания Крижанича и особенно Коменского развито учение об учителе, его качествах, о его высоком назначении. Называя учителя «всеучителем», Коменский полагал, что он должен уметь учить всех людей «всему /.../ с тем, чтобы люди стали всесторонне совершенными» [14. Т. 2. С. 422]. Формирование человека Коменский предполагал поручать «только самым достойным»¹².

Развитие педагогики и школы всегда шло параллельно с развитием научных и технических знаний, философии, естествознания, медицины, астрономии и др. Этому способствовали и оживленные связи русского общества с зарубежными странами, особенно во второй половине XVII в. В связи с этим Крижаничем предусмотрены издание книг, переводы с иностранных руководств по разработке природных богатств. Он предлагал издать книги по арифметике, перевести известных на то время итальянских ученых, писателей, инженеров — Л. Фиораванти, Т. Гарзони, А. Сарди, а также предусматривал перевод немецких книг о торговле, ремесле и других с тем, чтобы из них можно было позаимствовать советы по рациональному ведению хозяйств, по увеличению плодородия почв и т. п. [12. С. 43—44]. Крижанич предлагал свои услуги даже царю — перевести на русский язык «Политику» Аристотеля для расширения знаний русского общества о достижениях античной культуры.

Придавал большое значение книгам также и Коменский, который видел в них один из важнейших источников познания окружающей действительности. Читая книги, люди должны «выписывать клады премудрости, вынося их на свет, на пользу всем» [14. Т. 2. С. 36]. В связи с этим он заботился о регулярном издании книг, об их распространении, о переводе их на другие языки и т. п.

Хотя образование по системе Коменского и Крижанича остается неравным, школа не отделялась у них от церкви, в ней отводилось значительное место религиозному воспитанию, исторически ценным является то, что Крижанич и Коменский выступили с острой критикой догматики, формализма, схоластики книжного обучения, присущих средневековой школе. Мыслители выдвинули систему обучения, базирующуюся фактически на основе реального образования, сформулировав ряд новых педагогических принципов: идею всеобщего (у Коменского) или широко доступного (у Крижанича) образования; идею обучения на родном языке; идею природосообразности в воспитании и обучении. Коменским впервые была разработана весьма стройная система дидактики. Ценными являются идеи Коменского, связанные с учетом возрастных способностей детей, разработкой классно-урочной системы, принципа последовательности, наглядности в обучении, сознательности учащихся и др. Коменский и Крижанич значительно расширили количество изучаемых дисциплин, пополнив их предметами естественнонаучного цикла, выступили за рациональный порядок в школе, в основу которого положили интерес к занятиям у воспитанников и уважение учителей к ним.

В то же время ограниченность некоторых идей Крижанича и Коменского,

¹¹ Ж.-Ж. Руссо по данной проблеме займет иную позицию. По его мнению, женщинам не нужно давать широкое умственное образование, а лишь заботиться о ее эстетическом воспитании, физическом развитии, умении вести домашнее хозяйство и т. п.

¹² Современник Коменского Моцень также подчеркнет важную роль воспитателя, формирующего интересы и взгляды детей [15].

как и других просветителей, отражавших в своих воззрениях потребности переходного периода, состоит в том, что они полагали возможным осуществление с помощью просвещения существенных социальных изменений, преодоление отсталости без изменения классовой сущности государства.

Однако Юрий Крижанич и ряд других прогрессивных представителей просвещения в России сделали большой шаг вперед в разработке отечественной школьной системы, ее методов, содержания и задач и, таким образом, подготовили необходимые условия для проведения просветительских реформ в России первой четверти XVIII в.

Общественно-политические взгляды Крижанича и Коменского выдвигают их в ряд прогрессивных мыслителей. В 1957 г. по решению ЮНЕСКО, Всемирной федерации учителей, Всемирного Совета мира было отмечено 300-летие выхода в свет фундаментального труда Коменского «Общий свет об исправлении дел человеческих». В 1983 г. по решению ЮНЕСКО на IX Международном съезде славистов было отмечено 300-летие со дня смерти Крижанича. На родине мыслителя в Югославии комитет по изучению наследия Крижанича выпускает серию работ под названием «Исследования о жизни и деятельности Юрия Крижанича». На родине Коменского в Чехословакии занимается популяризацией его трудов Архив по изучению жизни и творчества Я. А. Коменского.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Жулинская Э. В. Обсуждение наследия Юрия Крижанича на IX Международном съезде славистов//Философские науки. 1984. № 4. С. 161—163.
2. ЮНЕСКО. IX Международный съезд славистов. Материалы дискуссии. Фольклористика. Круглые столы. М., 1987. С. 150—161.
3. ЮНЕСКО. Международная Ассоциация по изучению и распространению славянских культур. Краткие сообщения//Информационный бюллетень. М., 1985. Вып. 12. С. 53.
4. Прозоровский А. Сильвестр Медведев. М., 1896. С. 211.
5. Буш В. В. Памятники старинного воспитания. Пг., 1918. С. 33—57.
6. Медынский Е. Н. Братские школы Украины и Белоруссии в XVI—XVII вв. и их роль в воссоединении Украины с Россией. М., 1954. С. 126—132.
7. Крижанич Ю. Политика//Подг. к печ. В. В. Зеленин. Пер. и коммент. А. Л. Гольдберга. Под ред. Тихомирова. М., 1965.
8. Плеханов Г. В. Юрий Крижанич. История русской общественной мысли. В 24-х т. М.; Л., 1925. Т. 20.
9. Мордухович Л. М. Социально-экономические взгляды Ю. Крижанича//Автореф. ... дис. канд. экон. наук. М., 1962.
10. Sidak J. J. Križanič.//Enciklopedija Jugoslavije. Zagreb, 1962. Т. 5. С. 416—418.
11. Frančić M. Juraj Križanič igeolog absolutyzma. Warszawa; Kraków, 1974. С. 128.
12. Крижанич Ю. Русское государство в половине XVII в. М., 1859. Ч. 1.
13. Крижанич Ю. Политичные думы//ЦГАДА. Ф. 381. № 1799.
14. Коменский Я. А. Избранные педагогические сочинения. М., 1982.
15. Монтень М. Опыт. В 3-х кн. М.; Л., 1960. Кн. 1. С. 215.
16. Декарт. Начало философии//Избранные произведения. М., 1950.
17. Аристотель. Сочинения. М., 1975. Т. 1. С. 40.
18. Кампанелла. Город Солнца//Пер. с лат. и коммент. Ф. А. Петровского. М., 1954.
19. Крижанич Ю. Русское государство в половине XVII в. М., 1860. Ч. 2.
20. Руссо Ж.-Ж. Рассуждения о происхождении и основных неравенствах между людьми. М., 1777.
21. Макаров В. И. А. А. Шахматов. Пособие для учащихся. М., 1981. С. 49.
22. Татищев В. Н. Разговор о пользе наук и училищ. М., 1887. С. 156.
23. Посошков И. Т. Книга о скудности и богатстве. М., 1951. С. 166, 171—172.
24. Белоенко А. Крижанич о музыке//Советская музыка. 1984. № 3. С. 77—80.
25. Natit J. Juraj Križanič. Objasnjenje viodno o pismě slovenskom. Zagreb, 1983.
26. Плеханов Г. В. История русской общественной мысли. М., 1914. Т. I. С. 286.
27. Крижанич Ю. Объяснение виводно о письме славянском//Журнал Министерства народного просвещения, дек., 1888.
28. Крижанич Ю. Граматично изказание о русском иезику//ЧОИДР. М., 1848. Кн. III. Материалы славянские. С. 1—20.
29. Долобко М. Г. Крижанич о русском языке//Советское языкознание. Л., 1937. Т. 3. С. 14.
30. Гибианский Л. Юрий Крижанич и его «Политика»//Неделя. 1965. № 40. С. 7.

31. *Экман Т.* Грамматический и лексический состав языка Юрия Крижанича//Славянская филология: Международен конгрес на слависте V. София, София, 1968. Т. 9. С. 16.
32. *Гинзбург М.* Славянство и Россия в мировоззрении Юрия Крижанича//IV Международный съезд славистов. Материалы и дискуссии. В 2-х т. М., 1962. Т. I. С. 83—84.
33. *Шахматов А.* Юрий Крижанич о сербско-хорватском ударении//Русский филологический Вестник. Варшава, 1894. Т. 32. С. 257.
34. *Поуп Дж. Д.* Современное значение проектов об исправлении вещей в «Панортозии»//Советская педагогика, 1967. № 12. С. 98, 99.
35. *Кочубей Ю. И.* Гуманистические идеалы и цели ЮНЕСКО//Коммунист Украины. 1986. № 11. С. 78.
36. *Жан Том.* ЮНЕСКО следует идеям Коменского//Курьер ЮНЕСКО. 1957. № 11. С. 3.
37. *Komenský J. A.* De rebus humanarum emendatione consultationes catholicae, Pragaе, 1966. Т. 2. S. 138—204.
38. *Рогонович И.* Крижанич и его философия национализма. Казань, 1899.



«КОРНЕСЛОВ РУССКОГО ЯЗЫКА» Ф. С. ШИМКЕВИЧА В СВЕТЕ ЭТИМОЛОГИЧЕСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

«Корнеслов русского языка, сравненного со всеми главнейшими славянскими наречиями и с двадцатью четырьмя иностранными языками», написанный Федором Спиридоновичем Шимкевичем, вышел в 1842 г. Для русской филологической науки это стало событием; достоинства «Корнеслова...» оказались столь несомненны, что даже И. В. Ягич, известный строгостью своих оценок, в целом одобрительно отозвался о нем в своей «Истории славянской филологии»: «Книга составлена очень добросовестно, с большим усердием, хотя ошибочных толкований в ней много» [1, с. 485]. Уважительное отношение к «Корнеслову» Ф. Шимкевича высказывается и современными историками славяноведения, хотя и здесь в заслугу автору ставятся не собственно этимологические достижения, а относительно второстепенные вещи, как то: значительное обновление реестровой части словаря за счет диалектной лексики, в том числе из диалектов белорусского языка (см. [2]). Как ни важно для славянской этимологии было подключение к сравнению фактов диалектной лексики, Ф. С. Шимкевичу не принадлежит здесь первенство; главной заслугой словаря является большое количество балто-славянских лексических сближений — впервые в славянской этимологии, и целый ряд остроумных этимологий, далеко опередивших свое время¹.

Как отмечает в своем отзыве на словарь А. Х. Востоков, «Корнеслов...» Шимкевича должен быть признан лучшим по этой части сочинением на русском языке, а «обильностью и удовлетворительностью указаний» на соответствия из других языков «Корнеслов...» «далеко превзошел Словарь Ф. Рейфа, с коим беспрерывно сравнивает труд свой» [5. С. 213].

Действительно, в «Корнеслове...» уделяется большое внимание полемике с Ф. Рейфом, автором «Русско-французского словаря..., или Этимологического лексикона русского языка» (1835—1836), — как в тексте словарных статей, так и в предисловии, в котором Ф. С. Шимкевич изложил концепцию своего словаря. Прежде всего автор «Корнеслова...» отмечает, что цель, которую преследовал составитель «Русско-французского словаря...» — «доставить средство к удержанию в памяти русских слов и предложить образцы

Невская Татьяна Владимировна — младший научный сотрудник Института языкознания РАН.

¹ Большинство этимологических решений Ф. Шимкевича незаслуженно забыто, однако изредка в современной русской этимологической литературе попадаются ссылки на «Корнеслов...», см. [3; 4].

для произведения новых слов», — не имеет ничего общего с намерением Ф. С. Шимкевича — «разобрав ткань русского языка по нитям и отделив из ней чужеземную примесь, отыскать первоначальную основу и таким образом определить количество сохранившегося <...> славянского запаса» [б. Т. 1. С. III].

В отличие от Ф. Рейфа, не включившего в свой словарь инославянские соответствия в значительном объеме, Ф. Шимкевич привлекает к сравнению лексику следующих языков и диалектов: болгарского, как он их называет, двух лужицких (верхнелужицкого и нижнелужицкого), словацкого, моравского, краинского, или виндского, слэвонского, боснийского, рагузского, далматского (истрийского), люнебургского, или полабского; сверх того автор «обращался к грузинскому, древнему прусскому, литовскому, латышскому, эстонскому и молдаво-валахскому» [б. Т. 1. С. V]. Разумеется, обращение к грузинскому, эстонскому и «молдаво-валахскому» (под таким обозначением чаще всего приводятся румынские формы, заимствованные из славянского) языкам мало прибавляет к научной ценности словаря, зато лексика балтийских языков впервые представлена в славянской этимологической литературе в таком масштабе. Вообще балтийский материал сравнительно поздно был включен в сферу сравнительно-исторического исследования славянской лексики; одной из причин этого было отсутствие больших, квалифицированно сделанных словарей литовского и латышского языков. Многие слависты первой половины XIX в. знали литовский язык в той мере, в какой это позволяли тогдашние учебные пособия (например, Й. Добровский, Ф. Л. Челаковский; П. Й. Шафарик занимался литовским языком и этнографией и опубликовал в 1835 г. в журнале «*Časopis českého Museum*» статью «*O národěch kmene litovského*»), однако заслуга систематического привлечения балтийского материала к сравнению со славянским принадлежит Ф. С. Шимкевичу. Помимо словарей, изданных в первой половине XVIII в., Ф. С. Шимкевич, как можно предположить, пользовался собственными наблюдениями и записями, во всяком случае он мог сравнивать лексику, зафиксированную в словарях, с живой литовской речью. Автор «Корнеслова...» собирал в Литве русскую диалектную лексику, в списке «Источников» (С. XIX—XXVI) его словаря находим «Собрание слов литовско-русского наречия, составленное сочинителем Корнеслова (рукопись)».

Мы высоко оцениваем вклад в славянскую этимологию Ф. С. Шимкевича как предшественника Р. Траутманна, и так как эта сторона деятельности ученого никем ранее специально не рассматривалась, а русско-литовские и латышские этимологии повторялись без ссылок на «Корнеслов...» Ф. С. Шимкевича, считаем уместным привести здесь список всех русско-балтийских параллелей из «Корнеслова...», принятых в современных этимологических справочниках: *валандаться* — лит. *valandà* 'продолжение времени'; *алкать* — лит. *alkti*, лтш. *alkt* 'терпеть голод', др.-прус. *alkīns* 'трезвый, воздержанный'; *бдеть, будить* — лит. *rabudinti* 'будить', др.-прус. *budē* 'они бодрствуют'; *без* — лтш. *bez*, лит. *bė* 'без'; *блоха* — лит. *blusà*, лтш. *blusa* 'блоха'; *бороть* — лит. *bàrti*, лтш. *bàrt* 'бранить, ругаться'; *босой* — лит. *bāsas*, лтш. *bass* 'босой'; *беда* — лит. *bėdà*, лтш. *bėda* (забота, горе); *варить (предварить)* — лит. *varūti* 'гнать', «т. е. как бы заставляя идти вперед себя»; *верпь* — лтш. *verpis* 'кладеный боров'; *веревка* — лит. *virvė* 'веревка'; *вереск* — лит. *viržys* 'вереск'; *верша* — лит. *váržas* 'верша'; *верх* — лит. *viršus*, лтш. *viršus* 'верх'; *веселый* — лтш. *vesėls* 'здоровый, целый, невредимый'; *весь* — лит. *visas*, лтш. *viss*, др.-прус. *wissa* 'весь'; *владеть* — лит. *valdyti* 'править, владеть'; *влеку, волоку* — лит. *velkù vilkti* 'тащить', лтш. *vėlku, vilkti* 'то же'; *ворон* — лит. *vařnas*, др.-прус. *warnis* 'ворон'; *веко* — лит. *vokas* 'веко', *вока* 'крышка', лтш. *vāks* 'то же'; *гаснуть* — лит. *gesyti*

'гасить'; *гнида* ~ лтш. gnīda 'то же'; *голова* ~ лит. galvą, лтш. galva, др.-прус. gallū 'голова'; *гребу* ~ лит. grębti 'обрабатывать граблями', лтш. grebt 'выскребать кривым ножом'; *грива* ~ лтш. grīva 'устье реки'; *груша* ~ лит. kriāušė 'груша'; *грызу* ~ лит. grāužti, лтш. graūzt 'грызть'; *гудеть* ~ лит. gaūsti 'звучать, гудеть'; *дверь* ~ лит. durys, лтш. duris 'дверь'; *доба* ~ лит. dabà 'вид, способ, характер'; *дрозд* ~ лит. strāzdas, лтш. strazds 'дрозд'; *другой* ~ лит. draugas, лтш. draugs 'спутник, друг'; *деверь* ~ лит. dieveris, лтш. diēveris 'деверь'; *еж* ~ лит. ežys, лтш. ezis 'еж'; *желтый* ~ лит. gelšas, лтш. dzelšs 'желтый'; *железо* ~ лит. geležis, лтш. dzelzs 'железо'; *жернов* ~ лит. gignas 'жернов', gignos 'ручная мельница', лтш. dziņnus 'мельница'; *жить* ~ лит. gyti 'выздоравливать, заживать', лтш. dzīt 'заживать'; *звезда* ~ лит. žvaigždė, лтш. zvāigzne 'звезда'; *зверь* ~ лит. žvėris, лтш. zvėrs 'зверь', др.-прус. вин. мн. swirins 'дикое животное'; *зелье* ~ лит. žolė 'трава', žalias 'зеленый'; *звать* ~ лит. žiūvauti 'зевать'; *зять* ~ лит. zėntas 'зять'; *ива* ~ лит. ievà 'черемуха', лтш. iėva 'то же'; *из* ~ лит. iš, диал. iz, лтш. iz, др.-прус. is- 'из'; *искать* ~ лит. iėškoti 'искать', лтш. iėškāt 'искать в голове'; *истый* ~ лтш. iīsts 'настоящий'; *камень* ~ лит. akmuo 'камень'; *кашель* ~ лит. kosulys, лтш. kāsus, kāsa 'кашель'; *кликать* ~ лит. klišti 'взвизгнуть', лтш. kliekt 'громко кричать'; *клеть* ~ лит. klėtis 'кладовая', лтш. klėts 'то же'; *копаты* ~ лит. karoti 'колоть, рубить'; *корить* ~ лит. kāgas 'война'; *корова* ~ лит. kargė 'корова', др.-прус. kurwis 'вол'; *кресло* ~ лит. krėslas, лтш. krėsls 'стул'; *кривой* ~ лит. kreivas, лтш. krievas 'кривой'; *курить* ~ лит. kurti 'разжигать, топить', лтш. kuřti 'то же'; *лизать* ~ лит. laižyti 'лизать'; *лепить*, *липнуть* ~ лит. lipti, лтш. lipt 'лепить'; *лечь* ~ лит. lieti, лтш. līt 'лечь'; *лакать* ~ лит. lakti 'лизать, лакать', лтш. lakt 'то же'; *лосось* ~ лит. lašiša, лтш. lasis 'лосось'; *луб* ~ лит. luba 'тесина, доска', лтш. luba 'луб'; *маять* ~ лит. moti, лтш. māt 'маять'; *мгла* ~ лит. migla, лтш. migla 'мгла'; *мять* ~ лит. minti 'мять лен'; *метать* ~ лит. metau 'бросаю'; *милый* ~ лит. mielas, лтш. miļš, др.-прус. mijls 'милый'; *мнить* ~ лит. minėti 'вспоминать', лтш. minēt 'упомянуть'; *нагой* ~ лит. nuogas 'нагой'; *оба* ~ лит. abu, лтш. abi 'оба'; *овес* ~ лит. aviža, лтш. āuza 'овес'; *озера* ~ лит. ežeras, лтш. ežers 'озеро'; *олень* ~ лит. elnis 'олень, лось', лтш. ālnis 'лось'; *олово* ~ лит. alvas 'свинец', лтш. alva 'то же'; *орел* ~ лит. erelis, лтш. erglis 'орел'; *ось* ~ лит. akštis 'деревянный вертел'; *перст* ~ лит. pirštas, лтш. pirkstas, др.-прус. pirsten 'палец'; *перу*, *прать* + *перун*, *Перун* ~ лит. peřti, лтш. peřt 'бить (веником)', лит. Perkūnas 'бог-громовник', лтш. pėrkūons 'гром'; *плесень* ~ лит. pelėti 'плесневеть', лтш. pelėt 'то же'; *плешь* ~ лит. plikas, лтш. pliks 'голый'; *по* ~ лит. po, лтш. pa 'по'; *полный* ~ лит. pilnas, лтш. pilns 'полный'; *поросенок* ~ лит. paršas 'поросенок'; *просить* ~ лит. prašyti, лтш. prasit 'требовать, просить'; *пресный* ~ лит. prėskas 'пресный'; *рог* ~ лит. ragas, лтш. rags 'рог'; *рожь* ~ лит. rugys, лтш. gudzis 'рожь'; *роса* ~ лит. rasa, лтш. rasa 'роса'; *рука* ~ лит. ranka, лтш. ruoka 'рука'; *редкий* ~ лит. rėtas 'редкий', лтш. rėds 'то же'; *рябой* ~ лтш. rāibs 'пестрый'; *святой* ~ лит. šventas 'святой'; *сердце* ~ лит. širdis, лтш. siršds, др.-прус. seyr 'сердце'; *серебро* ~ лит. sidābras, лтш. sidrabs, др.-прус. вин. ед. sirablan 'серебро'; *серп* ~ лтш. sirp(i)s 'серп'; *свинец* ~ лит. švinas, лтш. svins 'свинец'; *скала* ~ лит. skėlti, лтш. skelt 'раскалывать'; *сладкий* ~ лит. saldus, лтш. salds 'сладкий'; *сон* ~ лит. sapnas, лтш. sapnis 'сновидение'; *спеть* ~ лит. spėti 'поспевать', лтш. spėt 'преодолевать, быть сильным'; *стрела* ~ лит. strėla, лтш. strėla 'стрела'; *сухой* ~ лит. sausas, лтш. sauss 'сухой'; *сено* ~ лит. siėnas, лтш. siens 'сено'; *сеять* ~ лит. sėti, лтш. sēt 'сеять'; *творить* + *творог* ~ лит. tvėrti 'хватать', лтш. tvėrt 'держат', хватать'; *теку* ~ лит. tekėti, лтш. tecēt 'течь'; *тесать* ~ лит. tašyti 'тесать'; *тетерев* ~ лит. teterva, лтш. teteris 'тетерев'; *тьма* ~ лит. tamsa, лтш. tima

‘темнота’; *тот* ~ лит. *tàs*, лтш. *tas* ‘тот’; *тощий* ~ лит. *tùšćias*, лтш. *tukšs* ‘пустой’; *тыть*, *тук* ~ лит. *tàukas* ‘кусочек сала’, лтш. *tàuks* ‘жирный’; *уголь* ~ лит. *anglis*, лтш. *ùogle* ‘уголь’; *угорь* ~ лит. *ungurys* ‘угорь’; *улей* ~ лит. *aũlis* (улей); *ухо* ~ лит. *ausis*, лтш. *àuss* ‘ухо’; *юный* ~ лит. *jaũnas*, лтш. *jaũns* ‘юный’; *яблоко* ~ лит. *òbuolas*, лтш. *àbuòls* ‘яблоко’; *ядьмь* + *ясли* ~ лит. *édzios* ‘кормушка, ясли’. Прим. автора: «Замечательно, что литовское название яслей яснее указывает на свой корень».

Важной особенностью, отличающей «Корнеслов...» Ф. С. Шимкевича от предшествующих этимологических работ, является систематическое использование данных семасиологии при этимологизации славянской лексики. Семантический аспект этимологизации не представлял проблемы на первых порах развития славянской (как и индоевропейской) этимологии, пока не были исчерпаны очевидные лексические сближения, пары родственных слов с идентичным значением в родственных языках. В тех случаях, когда сближаемые слова не совпадают по семантике, этимологии, как правило, прибегают к аналогии, указывая на подобный данному семантический переход или просто отсылая к слову — результату предполагаемого семантического перехода. Этот прием теперь настолько общепринят, что кажется чем-то возникшим одновременно с первыми неочевидными этимологиями; однако лишь в «Корнеслове...» Ф. С. Шимкевича семантическая аналогия как часть этимологической методики используется постоянно, а в предисловии названа и помещена среди двенадцати этимологических правил: «В <...> примечаниях иногда представляются примеры одинаковой схожести понятий (*analogia*), какая замечается в разных языках относительно к приложению переносных значений; например, при слове *баран*, которое называет животное и стенобитное орудие, прибавлены для соображения <...> итал. *ariete*, фр. *bélier*, нем. *Sturmbok*» [б. Т. I. С. XIII]. Формы, «прибавленные для соображения», обозначают животное и таран, что служит несомненным доказательством этимологической связи между *баран* I и *баран* II (однако в словаре Н. Горяева [7] *баран* ‘стенобитное орудие’ отделено от *баран* I и сравнивается с нем. *Bär* ‘баба у копра’, лат. *ferire* ‘ранить, бить’, что, на наш взгляд, является ярким примером регресса, к которому приводит пренебрежение работами предшественников).

Пример использования семантической аналогии видим в этимологическом примечании к гнезду *крапива*, *кропить*: связывая *крапива* с *кропить*, Ф. С. Шимкевич обращает внимание на значение ‘горячая вода, кипятки’ у некоторых производных славянского корня **krop-* (др.-русс. *укропъ*, с.-хорв. *kròp*, в.-луж. *krop*, пол. *ukrop*, укр. *ukrin*) и заключает, что «корень *кrop* выражает два понятия, т. е. о капельном виде жидкости и большой теплоте, и *кропива* жаленьем причиняет боль, подобно ожогу» — откуда и сравнение с лат. *urtica* ‘крапива’ от *urere* ‘жечь’ [б. Т. I. с. 119]. Этимология слав. **kropiva* осложняется наличием варианта **kropiva*; во всяком случае, семантическая сторона гипотезы, обоснованной в «Корнеслове...», проработана серьезно и заслуживает, возможно, не меньшего внимания, чем иные версии, исходящие из формы **kropiva* (ср. этимологию В. Махека, который реконструирует слав. **kropiva* как производное от **kropiti* в связи с обычаем ошпаривать кипятком крапиву, идущую на корм скоту [8]); на наш взгляд, семантический анализ, проделанный Ф. С. Шимкевичем, лучше сочетается с принятой оценкой словообразовательной структуры слав. **krop-iva*/**krop-iva*, т. е. адъективный суффикс *-iv-* предполагает скорее активное значение ‘обжигающая как кипятки’, чем ‘ошпаренная, обваренная кипятком’, как у В. Махека; см. [9. Вып. 11, С. 25—26]; ср. [10].

Еще один интересный пример «семантической» этимологии — это отнесение рус. *хвезать*, *хвост*, *хвоя* к одному корню: «Слова *хвост* и *хвоя* отнесены мною к корню *хвезать*, потому что сослов первого *опаш* или

опах происходит от *пахать* 'везть', а второе в других наречиях <...> соответствует слову *ветвь*, которое происходит от *везать*» [6. Т. II. С. 108—109]. Последнее утверждение неверно (*ветвь* и *везать* — не родственные слова), а вот объединение *хвост* и *хвезать*, подкрепленное точной семантической аналогией, представляет несомненный интерес, — эту этимологию повторил С. Микуцкий [11], а в наши дни Р. Якобсон, который предположил, что слав. **xvostъ* входит в число производных экспрессивных глагольных основ на **xvo-*/**xva-*/**xvĕ-*/**xoц-*/**ху-* 'качать, мотать, хватать' [12. Р. 274] (см., однако, формальные и семантические уточнения в [9. Вып. 8. С. 133—134]).

Вообще в «Корнеслове...» можно найти немало примеров удачного семантического анализа этимологизируемой лексики; при реконструкции значения автор использует контексты (в современной этимологии разработана теория семантической реконструкции, основанная на анализе контекстов — см. известную статью Э. Бенвениста [13]), демонстрирует знание реалий (задолго до того, как в этимологии оформился метод «*Wörter und Sachen*» — «слова и вещи», этимологи осознали важность этнографических данных для исторической лексикологии). Выше говорилось о том, что Ф. С. Шимкевич привлек к сравнению большое количество диалектной лексики; не менее важно расширение исторической перспективы — в «Корнеслове...» приведено много форм из старославянских, церковнославянских и древнерусских памятников; в некоторых случаях анализ употреблений слова в памятнике или в произведении устного народного творчества приводит автора к верному этимологическому решению. Вот несколько примеров:

Кремль ~ *кремень*: «Кремлем <...> прежде называлась укрепленная или по крайней мере огражденная часть во всяком городе, говорили еще *крем* (Псков. Летопись) и *кремник* (История Гос. Российского). Можно полагать, что было слово *кремый* = *крепкий*, и что от него произошло название *кремня*, который отличается <...> крепостью» [6. Т. I. С. 117], ср. [14. Т. II. С. 370—371; 9. Вып. 12. С. 118].

лихо ~ *лишить*, *лишний*: «*Лишний* не выражает понятия о нечетности, впрочем оно указывает на всеобщее между славянскими племенами поверье, по которому нечетное число принимается за признак неудачи, беды, зла» [6. Т. I. С. 129]; ср. [9. Вып. 15. С. 89—91], где для слав. **lixo* постулируется семантический переход *'остаточный, лишний' → 'нечетный' → 'плохой'; интересно, что для позднейших этимологов (до Э. Бернекера) отношение *лишний* : *лихо* оставалось неразрешимой загадкой (см. [15, S. 169; 16; 17]);

золото ~ *желтый*: «Понятие о желтизне так тесно соединено с названием золота, что этот металл может почитаться символом желтого цвета. В наших летописях *золотый* употреблено вместо *желтый*» [6. Т. I. С. 78]; ср. [14. Т. II. С. 43—44];

колос ~ *колоть*: «Колос так назван оттого, что он огражден колочками или остьями, которые колют. Это яснее открывается из областного (курск.) *колоть* колос с зернами» [6. Т. I. с. 107]; см. о праслав. **kolъ* <и.-е. **kolso-* 'колочка', вторично — 'колос злака' [9. Вып. 10. С. 152—153];

окунь ~ *око*: «Потому что *окунь* имеет глаза на выкате» [6. Т. II. С. 5], здесь же отвергается невероятная этимология С. Б. Линде и Ф. Рейфа — *окунь*, пол. *okoń* от 'окунуться', пол. *ochynać się*; см. [15. S. 220];

руно ~ *рвать*: «потому что волну рвали с овец, прежде нежели научились стричь, от этом читаем у Варрона» [6. Т. II. С. 43], см. также [15. S. 284];

творог ~ *творить*: «В польском и в лужицком слово (*tworzyc* и *tworicić*. — Т. Н.) прилагается к составлению сыра» [6. Т. II. С. 80]; объяснение праслав. **tvagogъ* от праслав. **tvoritii* 'делать, творить' считается достоверным,

ср. приводимое Р. Якобсоном в подтверждение чеш. *vořidlo* 'сосуд для сыроварения' [12. Р. 273].

Как ни удачна разработка Ф. С. Шимкевичем семантического аспекта этимологизации, — а приведенные примеры, как мы надеемся, дают представление о таких достижениях ученого в этой области, которые предвосхищают многое в современной этимологической теории, — недостаток знания о сравнительно-исторической фонетике славянских языков снижает ценность многих сопоставлений. В материальной части этимологизации автор «Корнеслова...» находился на том уровне знания, какой мы видим в работах славистов начала XIX в., с трудом воспринимавших новаторские идеи первых компаративистов, — так, у Ф. С. Шимкевича, как и в словарях Ф. Рейфа и Й. Юнгманна (за исключением нескольких этимологий П. Шафарика), мы не найдем обоснованных этимологий славянских слов с носовыми гласными в корне; не были приняты на практике идеи Й. Добровского о чередованиях согласных (см. в [18, S. 18] о «родстве согласных *g-z-ž*, *ch-s-š*, *k-c-č*); по-прежнему находится место для сопоставлений славянских слов с лексикой неиндоевропейских языков. Как видим, в этимологической практике той эпохи влияние и авторитет Й. Добровского и С. Б. Линде оставались непоколебимыми, хотя в 40-е годы XIX в. были уже написаны многие основополагающие работы по компаративистике. В списке источников «Корнеслова...» перечислены труды Й. Добровского и Ф. Боппа, словари С. Линде и Й. Юнгманна; в тексте словаря находим ссылки на этимологии и Й. Добровского, и С. Линде, и В. Росы (перенесенные из словаря Юнгманна). В предисловии Ф. С. Шимкевич сформулировал двенадцать правил, которые основаны, как пишет в своем разборе А. Х. Востоков, «на началах здоровой этимологии и ведут к дельным заключениям» [5. С. 214]; нельзя не усмотреть в этих правилах желания автора следовать традиции, идущей от «*Entwurf...*» Й. Добровского [18], и, отчасти, «Правил этимологии» С. Б. Линде (трактат С. Б. Линде см. во введении к [19]). Большая часть этих правил регламентирует отбор слов, включенных Ф. С. Шимкевичем в «Корнеслов...»: автор разделяет слова на «племенные, или туземные», «усвоенные» и «пришлые», и две последние категории, т. е. иноязычные слова, исключает из словника [б. Т. I. С. VII] (ср. соответствующий постулат у Й. Добровского [18, S. 5]). Из пятого правила явствует, что для Ф. С. Шимкевича была актуальной полемика Й. Добровского и С. Б. Линде о важности для этимологии гласных звуков, ср.: «Основу корней составляют не одни согласные буквы, но и гласные; это видно из того, что слова, имеющие одинаковые согласные буквы, выражают совершенно различные понятия по различию гласных, например, *даю*, *дою*, *дую*, *дею*» [б. Т. I. С. X]. Здесь заметно совпадение с одним положением Й. Добровского (в письме-рецензии на словарь С. Б. Линде): «Значение зависит не только от согласных, но и от связанных с ними гласных: *бык*, *бок* (и т. д.)» [19. Т. VI. С. 70].

Опираясь на столь несовершенную (в ее сравнительно-фонетической части) теоретическую базу, автор «Корнеслова...» самостоятельно проходит путь, ведущий к открытию фонетических соответствий: действуя в основном в рамках близкородственных языков и прибегая к аналогии как основному познавательному методу, Ф. С. Шимкевич вплотную подходит к установлению славянских чередований, явившихся следствием славянских палатализаций. Из этимологических примечаний видно, какую роль играет при этом семасиологический анализ, — правильная семантическая реконструкция заставляет исследователя искать разгадку материального соотношения привлеченных к сравнению лексем. Так, например, объединяя русск. *горло* с лтш. *gerkle*, лит. *gerklė* 'то же' от *gėrti*, лтш. *dzerġ* 'пить', Ф. С. Шимкевич замечает: «<...> Но, с другой стороны, при сравнении со словом *жерло*, которое одинаково с *горло* по значению, <*горло*> представляется имеющим

сродство с корнем *жрать*. На это сродство намекает литовский язык, в котором *горло* называется *gerklė* от *gėrti* 'пить'; недостает только другого примера для объяснения перемены *ж* на *г*» [б. Т. I. С. 50]. В другом случае Ф. С. Шимкевичу удастся найти примеры аналогичных чередований, ср.:

«*скалить* ~ *щель*. В Рейфовом Лексиконе слово *скалить* признано иноязычным, а слово *щель* занимает место особого корня; но я отнес это слово к нашему корню, имея в виду сходство его по значению со словами других наречий, принадлежащими к тому же корню. Перемена букв *ск* на *щ* имеет примеры в словах *щекотить* и церк. *скокстати*, *щепать* и укр. *skinати*» [б. Т. II. С. 54], — таким образом, здесь достоверно установлено этимологическое родство основ **skal-/šćel-/*, **skog-/šćer-*, **skęp-/šćer-* (о последней см. [12. Р. 270]).

Чередование в корне гласных русск. : *и* (слав. **ě*: **i*) устанавливается на примере *тихий* ~ *тѣ шить*; это сближение находим и у Ф. Рейфа, и у Й. Добровского, и у С. Линде, и у И. Юнгманна, однако аналогичные пары приведены только у Ф. Шимкевича, — *вѣшать* ~ *висѣть*, *лѣпить* ~ *липнуть* [б. Т. II. С. 83].

Интересна трактовка основ с носовыми: приходится признать, что открытие А. Х. Востокова и достижения П. Шафарика в этой области были либо неизвестны Ф. С. Шимкевичу, либо, что более вероятно, обойдены молчанием², однако чередование русск. *я* : *у* в глаголах и отглагольных производных не было замечено автором «Корнеслова...». Так, он первым правильно объяснил русск. *досуг* как производное от *-сягать*; *мяту*, *мясти* ~ *мутить*; *супруг* ~ *прягу* [б. Т. II. С. 79], *грязь* ~ *груз*: «это сродство яснее представляется в производных, например, *грязнуть* и *грузить*, из которых последнее можно принять за другой вид первого так же, как *мясти* и *мутить*» [б. Т. I. С. 57] (см. [14. Т. I. С. 467]). К этой группе этимологий относится и *узы* ~ *вязать* [б. Т. II. С. 102—103], к тому же здесь, как и в ряде других случаев, Ф. С. Шимкевич обращает внимание на протетический согласный, ср. *ус* ~ *гусеница*: «*г*, как и *в*, прибавляется иногда вместо придыхания в начале тех слов, которые начинаются с *у*, подобная приставка в *гуж*» [б. Т. II. С. 105] (см. о развитии протетических **g-* и **v-* [20]).

Учет семантических связей лежит в основе и таких этимологий, которые можно назвать словообразовательными, ср. сближение *дикий*, *дивокий* и *дивий* в следующем фрагменте: «Слово *дикий* по сходству в значениях с церк. *дивий* представляется имеющим сродство с корнем *диво*; но нет другого примера к объяснению изменения *в* на *к*. Посему можно полагать, что из *дивий* образовалось *дивокий* (ср. чеш., словц. *divoký* <стар., диал.> пол. *dziwoki* <'дикий'>), которое <...> обратилось в *дикий*» [б. Т. I. С. 63]; на самом деле это независимые образования с разными суффиксами, ср. [21]. Более удачно объяснение русск. *племя* как производного от того же корня, что и *плод*, со значением 'родиться и расти', с суффиксом *-мя* (<**mę* <и.-е.*-*mep*) [б. Т. II. С. 19]. Исходя из совпадения значений русск. *калужа*, с.-хорв. *каљужа*, чеш. *kaluže*, словц. *kaluža* 'лужа', с одной стороны, и русск. *лужа* и т. д., с другой, Ф. С. Шимкевич выделяет здесь приставку: «Первый слог *ка-* есть старинная приставка, которая употреблена также в слове *канура*», которое связано с *нора* [б. Т. I. С. 133]. Приставкой **ka-*

² При этом необходимо оговорить, что для славянских слов, содержащих в корне носовой гласный, Ф. С. Шимкевич приводит точные соответствия из балтийских языков (ср. *мять* ~ лит. *minti* 'мять лен' [б. Т. I. С. 140]). Можно предположить, что причина такого подхода к проблеме кроется в экстралингвистической ситуации; известно, что открытие Востокова тогдашними корифеями славистики было встречено без энтузиазма. (Замечательно, что сам А. Х. Востоков в своем отзыве на словарь Ф. С. Шимкевича [5] совершенно не касается этой темы.)

в славянских языках в 70-х годах XIX в. специально занимался С. П. Микуцкий (см. [22]); в современных этимологических словарях в соответствующих словарных статьях находим ссылки на Ф. Миклошича [15]. Выделять приставку *s-* <слав. **szь* в русск. *смотреть, скользить*, как это делает Ф. С. Шимкевич, приводя инославянские бесприставочные соответствия (см. [6. Т. II. С. 55, 60]), стали позже (см. [14. Т. III. С. 646, 692] с литературой).

Как представляется, автор «Корнеслова...» продемонстрировал выдающееся этимологическое дарование, многие его этимологии опередили свое время; недостаток компаративистских знаний сильно ограничил размах этого тонкого и остроумного этимолога. В подтверждение этой мысли и в заключение хотелось бы привести замечательную, на наш взгляд, этимологическую догадку, которую автор словаря не решился предложить в качестве окончательной этимологии: «Сомнительно, чтобы *истый* было коренное; оно может быть отнесено к корню *esmy* <...> Поэтому я не почел нужным сравнить с лат. *iste* <...> из *is* и *te*, хотя то и другое слово сошлись в значении <...>» [6. Т. I. С. 91]. Здесь названа этимология, повторенная и обоснованная в наши дни В. Н. Топоровым: слав. **istъ* с первичным значением *'тот же самый' является местоименным образованием **is-to-*, аналогичным лат. *iste*, умбр. *esto-* 'тот, этот', см. [23].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ягич И. В. История славянской филологии. СПб., 1910.
2. Булахов М. Г. Восточнославянские языковеды. Библиографический словарь. Т. I. Минск, 1976. С. 298—300.
3. Порохова О. Г. Из истории лексики. Слова с корнем *благ-* (*благ-*) в русском языке // Слово в русских народных говорах. Л., 1968. С. 182.
4. Улуханов И. С. *Подражать* // Этимологические исследования по русскому языку. Вып. 2. М., 1962. С. 153.
5. Востоков А. Х. Разбор сочинения Ф. Шимкевича под заглавием Корнеслов русского языка, составленный г. акад. Востоковым // Одиннадцатое присуждение учрежденных П. Н. Демидовым наград. 17-го апреля 1842 года. СПб., 1842. С. 213—220.
6. Шимкевич Ф. С. Корнеслов русского языка, сравненного со всеми главнейшими славянскими наречиями и с двадцатью четырьмя иностранными языками. Т. 1—2. СПб., 1842.
7. Горяев Н. В. Сравнительно-этимологический словарь русского языка. Тифлис, 1896. С. 12.
8. Machek V. *Etymologický slovník jazyka českého a slovenského*, 2 vyd. Praha, 1968. S. 275.
9. Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О. Н. Трубачева. Вып. 1—17. М., 1974.
10. Младенов Ст. Славянские этимологии / РФВ, 1912. Т. 68. С. 384—386.
11. Микуцкий Ст. Седьмой отчет кандидата Ст. Микуцкого / ИОРЯС, 1855. Т. IV. С. 404.
12. Jakobson R. *Marginalia to Vasmer's Russian Etymological Dictionary* (P — Я) // *International Journal of Slavic Linguistics and Poetics*, 1959. № 1—2. P. 270—274.
13. Benveniste E. *Problèmes sémantiques de la reconstruction* // *Word*, 1954. V. 10, p. 251—264.
14. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. I—IV. / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 2-е изд., стереотип. М., 1986—1987.
15. Miklosich F. *Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen*. Wien, 1886.
16. Эндзелин И. Славяно-балтийские этюды. Харьков, 1911. С. 52, 98.
17. Преображенский А. Этимологический словарь русского языка. Т. I. М., 1910. С. 460.
18. Dobrovský J. *Entwurf zu einem allgemeinen Etymologikon der slawischen Sprachen*. Prag, 1813.
19. Linde S. B. *Stownik języka polskiego*. Wyd. 2. t. I—IV. Lwów, 1854—1860.

20. *Meje A.* Общеславянский язык. М., 1951, с. 67—68.
21. *Słownik prasłowiański/pod red. F. Slawskiego.* Т. III. Wrocław etc., 1981.
22. *Микуцкий С. П.* Наблюдения и выводы по сравнительному арийскому языкознанию. Варшава, 1874.
23. *Топоров В. Н.* Этимологические заметки (славяно-италийские параллели)./КСИС, 1958. Вып. 25. С. 80



ЕДЕМСКИЙ А. Б., КАРАСЕВ А. В., ЦЕХМИСТРЕНКО С. П.

К ИСТОРИИ МАКЕДОНСКОГО ВОПРОСА

Конец XX в. ознаменовался новым обострением обстановки на Балканском полуострове, который на протяжении последних двух столетий, в силу ряда причин, являлся ареной многих межгосударственных и межэтнических конфликтов. Распад тоталитарно-коммунистической системы в Восточной Европе со всей очевидностью обнажил, среди множества других проблем, резкое усиление противоречий в области межнациональных отношений во многих странах бывшего «социалистического лагеря». Всплыли на поверхность и некоторые «традиционные» балканские узлы противоречий, вновь «воскресающие» при каждом резком осложнении международного положения в Европе и на Балканах. К их числу можно отнести и так называемый Македонский вопрос, являющийся на протяжении почти полутора столетий одной из основных причин межгосударственных конфликтов на Балканах. Новое содержание Македонскому вопросу придал распад прежней Югославии и образование на ее месте ряда новых государств, в том числе и Республики Македония.

Изучение Македонского вопроса не получило должного развития в отечественной исторической науке по сугубо вненаучным, политическим причинам: македонская тематика чаще всего сознательно обходилась стороной и замалчивалась в советское время из-за опасений (и небезосновательных) болезненной реакции со стороны балканских государств, прежде всего Болгарии и Югославии, их попыток придать политическое звучание любым публикациям в советской печати по этому вопросу. «Нежелательная» тема затрагивалась практически лишь в обобщающих трудах, справочных и учебных изданиях. В данной статье делается попытка дать общий обзор этого сложного историко-политического вопроса, наметить определенные этапы в его развитии, выделить основные факторы, оказавшие воздействие на эту проблему. Авторы попытались сопоставить различные точки зрения на Македонский вопрос, сложившиеся в греческой, болгарской и югославской (македонской) историографии. При этом они отдают себе отчет в том, что настоящая статья не может претендовать на исчерпывающее освещение этой многогранной проблемы: многие сюжеты остались вне рамок статьи и потребуют дополнительного исследования, другие лишь затрагиваются и

Едемский Андрей Борисович — канд. ист. наук, научный сотрудник Института славяноведения и балканистики РАН.

Карасев Александр Викторович — канд. ист. наук, научный сотрудник Института славяноведения и балканистики РАН.

Цехмистренко Сергей Петрович — канд. ист. наук, младший научный сотрудник Института славяноведения и балканистики РАН.

также нуждаются в новых исследованиях. Трудность подобных исследований связана с неразработанностью ряда сложных вопросов истории Македонских земель, политизированными наслоениями в их освещении в национальных историографиях балканских стран, различными трактовками так называемого исторического права в научных трудах в отношении территорий и этносов, идеологизированностью оценок территориальных изменений на Балканах в результате войн XIX—XX вв.

Название Македония связывается с исторической областью Балкан, расположенной в их южной, средиземноморской части. Македония имеет естественные границы на севере, западе и отчасти на юге. Северная граница в значительной мере совпадает с условной линией разграничения северной (придунайской) и южной (средиземноморской) частей Балканского полуострова. Западная граница большей частью проходит по линии разграничения полуострова в меридиональном направлении на западную и восточную части. Южная граница Македонии соприкасается с греческой областью Фессалия. С небольшими отклонениями эти рубежи считаются общепризнанными. Восточная граница Македонии чаще всего определяется бассейном реки Места (Нестос).

Если физико-географические параметры почти не вызывают споров, то значительно сложнее обстоит дело с историко-политико-географическими и этногеографическими характеристиками Македонии. Как известно, эта территория частью была в древности ядром империи Александра Македонского, позже входила в состав Римской и Византийской империй. В VI—VII вв. идет процесс переселения на Балканы славянских племен и заселения ими многих областей полуострова, в том числе и Македонии. С этого времени население Македонии приобрело неоднородный в этническом отношении характер.

Весьма сложными являлись государственно-территориальные изменения, происходившие здесь в эпоху средневековья. Будучи одной из окраинных провинций Византийской империи, Македония неоднократно включалась в состав других государственных образований, в частности Западно-Болгарского (рубеж X—XI вв.) и Второго Болгарского (XII—XIII вв.) царств, государства «царя сербов и греков» Стефана Душана (середина XIV в.). В современной югославской (македонской) историографии Западно-Болгарское царство (держава царя Самуила) рассматривается как специфически «Македонское» государство. В конце XIV—начале XV в. территория Македонии была завоевана турками-османами и вошла в состав их империи. Османское господство еще более увеличило этническую пестроту населения. К середине XVIII— началу XIX в. население Македонии составляли греки, славяне, говорившие на местных диалектах южнославянских языков, турки, албанцы, влахи.

Начавшийся в это время процесс национального возрождения, характерный и для других областей Европейской Турции, имел в Македонии ряд особенностей. Несмотря на пестроту национального состава, этот процесс длительное время проходил здесь в русле греческого национально-освободительного движения. Греки в этот период представляли собой наиболее развитый в экономическом, социальном, культурном отношениях национальный элемент на Балканах, в том числе и в Македонии.

Немалую роль в распространении греческого влияния в процессах национальной самоидентификации македонского населения сыграла Константинопольская патриархия, особенно после упразднения в 1767 г. последней болгарской (Охридской) архиепископии. Константинопольская патриархия являлась носителем греческого языка и греческих византийских традиций, на протяжении веков была проводником политики «эллинизации» в районах своей сферы влияния. В результате многие представители македонских славян, не вполне осознавая свою национальную и этническую принад-

лежность, считали себя греками, их дети учились в греческих школах. Славяне принимали участие в греческой национально-освободительной революции 1820-х годов, в восстаниях греков за воссоединение Македонии с Грецией, особенно в первой половине XIX в.

В основе претензий греков на македонские земли лежала греческая национальная программа — «Великая идея» («Мегали идея»). Она предусматривала создание новогреческого государства в границах бывшей Византийской империи. Идея воссоздания Великой Греции постепенно была воспринята во всех слоях греческого народа, осознавшего себя как единую национально-культурную общность независимо от места проживания. Одно из основных мест в греческой национальной программе было отведено Македонии, не вошедшей в состав Греции после получения ею независимости в 1830 г.

Согласно греческой исторической традиции, территория Македонии условно делилась на три зоны: северную, центральную и южную. В первую входили земли, населенные преимущественно славянами. В южной зоне, примыкавшей к Фессалии, большинство жителей относили себя к грекам. Центральная зона представляла собой территорию с этнически смешанным населением, национальная ориентация которого варьировалась от одного населенного пункта к другому. Сложность этнической ситуации наложила отпечаток и на «Великую идею». Если поначалу греческие территориальные претензии охватывали все три зоны Македонии, то уже к последней трети XIX в. они ограничивались южной и центральной зонами. При этом идеологи «Великой идеи» — политики, историки, публицисты — доказывали, что исторические границы греческой Македонии на севере должны проходить по линии Охридское озеро — Прилеп — север Битольского вилайета — Струмица — Неврокоп — река Места (Нестос), что совпадало с северной границей центральной зоны. Такой, более реалистичский подход, позволил грекам успешней вести агитацию среди местного населения в свою пользу.

Отношение македонских греков к «Великой идее» было несколько иным, нежели в свободной части Греции. В Македонии популярными являлись взгляды на будущую «Великую Грецию» как на своего рода многонациональную федерацию или полиэтническую империю. Подобные взгляды в чем-то перекликались с идеями известного греческого просветителя XVIII в. Ригаса Велестинлиса, создавшего проект федеративной Греческой республики, в которую вошли бы на равноправной основе все балканские народы.

В XIX в. наступил расцвет и славянских национально-освободительных движений. В Македонии славянское население в этническом, культурном и языковом отношении было близко к болгарам, поэтому процесс национального возрождения здесь проходил главным образом в русле болгарского национального возрождения. В течение долгого времени основной формой национально-освободительной борьбы являлось движение за собственную церковь, независимую от Константинополя. Уже в 1820 г. началось массовое движение болгар за введение богослужения на родном языке. Пытаясь урегулировать конфликт, султан в 1870 г. издал фирман, согласно которому учреждалась Болгарская экзархия, признающая высшую власть константинопольского патриарха. Но в 1872 г. на Вселенском соборе в Константинополе болгар объявили схизматиками, и они были отлучены от церкви. Это привело к обострению противоречий между греками и болгарам.

Фактически борьба между греками и болгарам за славянское население Македонии (главным образом ее центральной зоны) проходила по линии его церковной принадлежности. Греческая пропаганда имела здесь определенные успехи. Она поддерживалась правящими кругами Греции, которые выдвинули теорию существования многоязычной греческой нации, что позволяло считать греками не только греков «по крови», но и греков по самосознанию, по самоидентификации. И хотя на протяжении XIX в. число

македонских славян-«грекоманов» сокращалось прямо пропорционально росту собственно славянского самосознания, укреплению национальных независимых славянских государств на Балканах, все же их число оставалось значительным вплоть до начала XX в., когда в эти споры вмешалась сила оружия.

Основной упор в своей пропаганде в Македонии болгары делали не на «историческое право», а на недовольство славянского населения, в первую очередь крестьянства, своим положением в Османской империи и особенно налоговым гнетом. При этом Константинопольская патриархия рассматривалась как институт Османского государства, так как священники на местах были преимущественно греками, то социальные противоречия постепенно приобретали этнический характер, трансформировавшийся в национальный конфликт, в котором болгары рассматривали греков, наряду с турками, в качестве угнетателей болгарского народа.

В ответ на создание Болгарской экзархии греческое правительство активизировало свою деятельность в Македонии и Фракии. В македонских городах и селениях создаются греческие культурно-просветительные общества (силлоги), главной задачей которых являлось установление контроля на местах над образованием и церковной деятельностью. В Македонии основывались школы и училища, где преподавание велось на греческом языке. В Греции издавалась специальная пропагандистская литература, в основном по истории Македонии, на болгарском языке, но с использованием греческого, а не славянского алфавита. С целью увеличения греческого населения в спорных районах консулы Греции выдавали греческие паспорта всем, кто считал себя греками. Все это сопровождалось усилением антиславянской и антиболгарской пропаганды в самом Греческом королевстве. Подобная политика сыграла не последнюю роль в том, что греческое общественное мнение осталось практически равнодушно к восстанию в Боснии и Герцеговине, начавшемуся в 1875 г. и явившемуся прологом к Восточному кризису 1875—1878 гг., и к жестоко подавленному турками Апрельскому восстанию 1876 г. в Болгарии.

В сербской национальной программе 1844 г. «Начертание» Македония рассматривалась как область, имеющая славянское население и представляющая интерес для Сербии в вопросе объединения усилий балканских народов в борьбе против Османской империи. Однако вплоть до 1878 г. Македония не являлась для Сербии приоритетным районом в плане территориальных приращений, главный акцент делался на объединении с Черногорией и Боснией и Герцеговиной. В 40—60-х годах XIX в. на территорию Македонии засылались доверенные лица сербского правительства, главным образом для сбора информации. Правда, на переговорах между сербами и греками по поводу заключения союза в 1860-х годах проблема раздела Македонии в случае ее освобождения союзниками занимала большое место. Но до осуществления подобных планов на практике дело не дошло. Ситуация для Сербии резко изменилась после 1878 г., когда Австро-Венгрия оккупировала Боснию в Герцеговину — Сербия обращает свои взоры на юг.

После подавления Апрельского восстания на Константинопольской конференции послов великих держав (декабрь 1876 г.) было выдвинуто требование к Турции о создании двух болгарских автономных княжеств, в состав одного из которых входила бы Македония. Впервые на международном уровне был поставлен вопрос об этнографических принципах определения границ Болгарии. Хотя конференция и закончилась безрезультатно, она оказала определенное влияние на политику государств, связанных с македонской проблемой.

После русско-турецкой войны 1877—1878 гг. по Сан-Стефанскому предлиминарному мирному договору большая часть Македонии вошла в состав

Болгарского автономного княжества. Однако усилению позиций Болгарии на Балканах, которую поддерживала Россия, воспротивились другие великие державы. На Берлинском конгрессе 1878 г. границы Болгарии были существенно урезаны, Македония, с неясными обещаниями возможных в будущем реформ, возвращена к статусу турецкой провинции. По существу, именно с 1878 г. Македонский вопрос становится одним из наиболее острых на Балканах, объектом большой европейской политики.

Решения Берлинского конгресса вызвали резкое разочарование в Болгарии. Кроме того, известие о возможности создания «Сан-Стефанской» Болгарии подняло волну протеста греческой общественности и привело к восстанию в греческих областях Македонии, которое имело ярко выраженную антиболгарскую направленность. В современной греческой историографии восстание 1878 г. считается событием, с которого началась настоящая борьба за воссоединение Македонии с Грецией. После того как в 1881 г. Греция получила Фессалию и округ Арта в Эпире, Македонский вопрос, наряду с критским, становится первоочередным во внешней политике Афин.

Последняя треть XIX в. стала своего рода периодом подготовки балканских государств к решительной схватке за Македонию. Правительства Греции, Болгарии и Сербии проводили взаимные зондажи с целью выяснения минимальных и максимальных намерений друг друга относительно Македонии, пытаясь при этом заручиться поддержкой великих держав. Политическая подготовка дополнялась военными мерами: балканские государства готовились к войне с Турцией, не исключая и возможность междоусобного конфликта.

До середины 90-х годов XIX в. Греция воздерживалась от активных действий в Македонском вопросе. Она с подозрением относилась к предложениям предоставить Македонии статус привилегированной провинции в рамках Османской империи (по сути автономии), видя в этом возможность присоединения в итоге Македонии к Болгарии, как это имело место в случае с Восточной Румелией. Но активных действий по присоединению Македонии в то время болгары не вели. Греция в этот период настаивала на необходимости «справедливого» раздела Македонии между заинтересованными сторонами (Сербией, Грецией, Болгарией), будущие границы предполагалось установить за столом переговоров.

К середине 1890-х годов греко-болгарское противостояние в Македонии вступило в новую фазу. В 1893 г. в Салониках была создана Внутренняя македоно-одринская революционная организация (ВМРО), лидеры которой — Д. Груев, Х. Татарчев, П. Попарсов — выступали за революционный путь достижения автономии Македонии и Одринского (Адрианопольского) края. При этом не придавалось значения национальности участников движения. ВМРО создала сеть местных комитетов и вооруженные отряды — четы во главе с Г. Делчевым. Несмотря на содействие болгар созданию ВМРО, постепенно все явственнее начинала проявляться тенденция, сочетавшая борьбу за освобождение от власти Османской империи со стремлением к созданию самостоятельного Македонского государства. Идея борьбы за самостоятельный путь развития Македонии оформилась в лозунге, выдвинутом ВМРО в 1896 г., — «Македония для македонцев». Помимо ВМРО, в 1895 г. в Софии был создан так называемый Верховный македонский комитет, организационно закрепивший линию правящих кругов Болгарии на присоединении Македонии к Болгарии. Во главе комитета стояли болгарские генералы. В 1899 г. создается и заграничное представительство комитета во главе с Б. Сараповым. По инициативе «верховистов» формируются партизанские отряды, которым суждено было сыграть немаловажную роль в событиях в Македонии в начале XX в.

В конце XIX в. происходит и активизация сербской политики в Македонском вопросе. Сербия обосновывала свои претензии на македонские

земли (главным образом на их северо-западную часть, так называемую Вардарскую Македонию) «историческим правом». Цель сербской пропаганды состояла в том, чтобы доказать сербское происхождение славянского населения Македонии, якобы ведущего свое начало от Великой Сербии Стефана Душана. С целью внедрения просербской ориентации среди македонских славян при поддержке Сербии в северо-западной Македонии были открыты сербские школы и училища. Создавались специальные культурно-просветительские общества для ведения пропаганды и распространения сербского просвещения в Македонии.

Для конца XIX в. нельзя еще, по-видимому, говорить об определенном национальном самосознании значительной части македонских славян. В большой степени оно было как бы размытым, чему способствовал и определенный отрыв от центра консолидации болгарской и сербской наций — Болгарского и Сербского государств. Современные македонские историки утверждают, что именно в это время происходило формирование македонской нации на основе роста национального самосознания македонских славян.

К началу XX в. успехи сербской пропаганды были довольно скромными. Вероятно, это обстоятельство побудило сербские правящие круги несколько изменить свою тактику. Ими выдвигается теория, согласно которой славяне Македонии являются самостоятельным народом, родственным сербам. После Балканских войн эта теория уступила место традиционным воззрениям, но вновь появилась на свет во время второй мировой войны, в новых исторических условиях.

Последние годы XIX в. проходили под знаком усиления болгарского вмешательства в македонские дела. С начала 1898 г. болгарские отряды возобновили в Македонии вооруженную борьбу, готовя почву для массового восстания с целью свержения османского ига. Росло и влияние ВМРО, создавались ее новые комитеты. Результатом всех этих процессов и важным рубежом в национально-освободительной борьбе в Македонии стало Илинденское восстание 1903 г. Восстание охватило Битольский вилайет в Македонии и район Странджа в Адрианопольском вилайете. Революционные четы развернули активную деятельность по всей Македонии. Повстанцы провозгласили Крушевскую республику, которая, правда, просуществовала очень недолго, создали Временное революционное правительство во главе с Н. Каревым, видным деятелем болгарской социал-демократии. Восстание было подавлено турками. В югославской (македонской) историографии оно считается высшим проявлением национально-освободительной борьбы македонского народа за создание Македонского государства и освобождение от османской власти.

Греческое правительство, опасавшееся потери своего влияния в тех районах Македонии, где население было преимущественно славянским, по-своему отреагировало на восстание. Оно принимает решение о создании собственных партизанских отрядов и их переброске в Македонию. В 1904 г. начались события, именуемые в современной греческой историографии «македонской борьбой». С самого начала «македонская борьба» носила ярко выраженный антиболгарский характер, главной ее целью являлось вытеснение болгарских чет за пределы зон греческого влияния. Она продолжалась до 1908 г. В итоге грекам удалось подорвать позиции проболгарских элементов в тех районах, на которые претендовала Греция. По сути, это была братоубийственная война между балканскими христианами, причем освобождение от турок отошло как бы на второй план. «Македонская борьба» во многом определила расстановку сил в Македонии накануне Балканских войн.

В результате первой Балканской войны Сербия, Греция и Болгария освободили территорию Македонии от турецкого господства, но не смогли договориться о ее разделе. Этот вопрос с согласия всех трех стран должен

был быть передан на арбитраж российского императора, покровительствовавшего антитурецкой коалиции. Но Болгария, посчитав ситуацию благоприятной для себя и не веря в справедливое решение Петербурга, напала на своих союзников. В итоге второй Балканской войны Болгария потерпела поражение.

После Балканских войн территория Македонии была разделена на три части, одна из которых (51,57% территории области) отошла к Греции, вторая (38,32%) — к Сербии, третья (10,11%) — к Болгарии. Болгария осталась неудовлетворена таким разделом и во время первой мировой войны выступила на стороне Центральных держав. Ей удалось оккупировать значительную часть македонской территории, не доставшейся ей после Балканских войн, но поражение Германии и ее союзников вернуло ее к прежнему положению. Это территориальное разграничение было узаконено на международном уровне после первой мировой войны в Версальском мирном договоре 1919 г. Сербская часть Македонии (так называемая Вардарская Македония) под наименованием Южная Сербия вошла в состав Королевства сербов, хорватов и словенцев (с конце 1920-х годов — Югославия). Струмица и Струмичская область, остававшаяся под контролем Антанты до ратификации мирного договора с Болгарией, была присоединена к Королевству СХС.

На протяжении всего межвоенного периода правящие круги Болгарии и Югославии отрицали наличие какого бы то ни было македонского меньшинства в своих странах. Главной задачей греческого правительства стала в этот период полная «эллинизация» новых земель, осуществлявшаяся с помощью созданного властями Министерства Северных территорий. Важным элементом этого процесса была политика «обмена национальными меньшинствами», проводившаяся Афинами в межвоенный период.

Согласно международным договорам, подведшим итоги первой мировой войны, Греция должна была обеспечить определенные права всем меньшинствам, оказавшимся в результате послевоенного урегулирования на ее территории. Однако уже в 1919 г. был подписан греко-болгарский протокол о добровольном обмене соответствующими меньшинствами. Он вызвал негативную реакцию у Белграда, где считали славянское меньшинство в Греции сербским, а не болгарским. Неприемлемым оказался греко-болгарский протокол и для славяномакедонских национальных организаций, включая ВМРО, поскольку изменение этнического облика ряда областей греческой Македонии становилось объективным препятствием на пути осуществления их планов, в частности плана создания единого независимого славянского государства на всей территории Македонии. Тем не менее политика обмена национальными меньшинствами достаточно последовательно осуществлялась греческим и болгарским правительствами, и протокол 1919 г. оказался не последним в ряду аналогичных договоров. По греческим данным, в соответствии с протоколом Грецию покинули 60 тыс. болгар, а Болгарию — 250 тыс. греков, расселившихся на территории греческой Македонии вместе с 1,5 млн этнических греков из Малой Азии, депортированных Турцией после неудачной для Греции греко-турецкой войны 1919—1922 гг. В итоге к концу 20-х годов греческая Македония стала практически однородной в национальном отношении.

Еще одной важной стороной в истории Македонского вопроса являлась позиция Коминтерна. На V Конгрессе в 1924 г. была принята резолюция о создании на Балканах коммунистической федерации, в которую наряду с другими вошла бы «Республика Македония и Фракия». В начале 30-х годов лозунг балканской федерации был заменен лозунгом самоопределения наций вплоть до отделения, признано существование македонской нации. Позже Коминтерн практически отказался от идеи независимой Македонии.

Подобная смена позиций сопровождалась осложнениями в отношениях между компартиями Болгарии, Греции и Югославии.

В ходе второй мировой войны македонские земли вновь оккупируются Болгарией, которая, как и во время первой мировой войны, выступила на стороне Германии для реализации своих территориальных устремлений. Но послевоенное мирное урегулирование в целом восстановило границы, существовавшие в рамках Версальской системы. На территории королевской Югославии, как результат национально-освободительного движения югославянских народов, возглавлявшего КПЮ, была образована Федеративная Народная Республика Югославия (с 1963 г. — Социалистическая Федеративная Республика Югославия), в состав которой вошла Народная Республика Македония. Создание НРМ (позднее — Социалистическая Республика Македония) на македонских территориях, отошедших к Югославии после первой мировой войны, стало новым этапом в развитии Македонского вопроса.

На протяжении всего послевоенного периода для каждой из трех стран — Болгарии, Греции и Югославии, вне зависимости от того, признавалось наличие македонской проблемы или нет, Македонский вопрос имел два аспекта — внутренний и внешний. Болгария и Греция должны были учитывать в той или иной степени проблему населения, проживавшего в их границах на македонских землях, и определять свою политику по отношению к Македонской республике в составе СФРЮ. В Югославии учитывались во внутренней политике существование НРМ (СРМ), а во внешней — положение македонских славян в соседних странах.

Греция отрицала наличие обоих аспектов македонской проблемы. Общественное мнение Греции и ее официальные круги на протяжении всех послевоенных десятилетий отстаивали свое исключительное право именовать Македонией лишь земли, входящие в состав Греческого государства. Для греческих политиков и ученых являлось неприемлемым использование этнонима «македонцы» для обозначения славянского народа. Неприемлемыми были и существование «македонского народа» и попытки общественной мысли СРМ реконструировать историю македонского народа в прошлом, начиная с эпохи Александра Македонского. Правящие круги Греции не признавали ни самого существования македонской нации, ни славянского македонского меньшинства на севере Греции, считая оставшуюся часть славянских жителей Эгейской Македонии «славофонами» («славяноговорящими греками»).

Оказала влияние на состояние греко-югославских отношений и гражданская война в Греции 1946—1949 гг., когда северные районы Эгейской Македонии стали базами коммунистического партизанского движения. Карательные меры греческого правительства после окончания войны привели к дальнейшей эмиграции славянского населения Эгейской Македонии в США и Австралию. В 60-х годах югославская дипломатия пыталась начать переговоры с Грецией о правах славянского (македонского) меньшинства в Греции (этому способствовало и наличие 50 тыс. беженцев из Северной Греции в Югославской Македонии), но натолкнулась на решительное сопротивление Афин. Однако в целом, в силу «особых» отношений с Югославией, Греция мирилась с существованием Республики Македония в составе СФРЮ, считая это внутренним делом Югославии. При этом СРМ в греческих официальных документах, научных трудах, публицистике именовалась «Республика Скопье», или «так называемая Республика Македония».

Подход Болгарии на протяжении последних десятилетий не был однозначным, в нем происходили значительные изменения. В годы второй мировой войны оккупация Вардарской Македонии, Фракии и части Южной Сербии преподносилась как освобождение исконно болгарских территорий.

Пришедшие к власти в Болгарии коммунисты были вынуждены искать

новые подходы в Македонском вопросе. В основу позиции Болгарской рабочей партии (БРП(к)) и Г. Димитрова легли идеи Д. Благоева и болгарской социал-демократии в целом о создании балканской федерации на основе права Македонии на самоопределение. Димитров, оценивая политику буржуазной Болгарии, приведшую страну к катастрофе, писал о великоболгарском шовинизме, великоболгарской идеологии и политике гегемонизма на Балканах, стремлении к господству над соседними народами. Руководство БРП(к) приветствовало создание Македонской Республики в составе ФНРЮ как основы, на которой произойдет объединение других частей Македонии, в том числе Пиринской. Объединение предусматривалось в рамках теснейшего союза между новой Югославией и Болгарией Отечественного фронта как первого шага к общеполитическому сотрудничеству. Важной вехой на этом пути стал X пленум ЦК БРП(к) в августе 1946 г. Среди решений пленума были следующие: объединение всех частей македонского народа на основе НРМ в рамках ФНРЮ; присоединение Пиринского края к НРМ на основе союзного договора между Югославией и Болгарией, что подразумевало возвращение Болгарии некоторых западных районов ФНРЮ (Босиловоград, Цариброд); сохранение экономических и культурных связей между Македонией и Болгарией. Основные положения пленума нашли отражение в ряде болгаро-югославских договоров 1947 г.

Болгарское руководство в этот период проводило политику, целью которой являлось развитие национального самосознания македонцев в Пиринском крае (перепись в конце декабря 1946 г. показала, что из 281 тыс. населения Пиринского края 178 тыс. считали себя македонцами). Данный курс проводился в тесном сотрудничестве с Югославией. Но он наталкивался на идейно-политическое сопротивление буржуазной оппозиции, стремившейся использовать националистические настроения болгарского населения для борьбы против правительства Отечественного фронта и обвинявшей БРП(к) в «предательстве национальных идеалов».

Советско-югославский конфликт 1948 г. и смерть Г. Димитрова прервали наметившийся сценарий развития событий. Резкое ухудшение болгаро-югославских отношений отразилось на позиции БРП(к) по македонской проблеме. Уже в решениях XVI пленума ЦК БРП(к) (12—13 июля 1948 г.), осудившего «антимарксистскую и узконационалистическую политику югославского руководства», был сделан следующий вывод: «Федерация южных славян и возможное присоединение Пиринского края к НРМ возможны при существовании Югославии, остающейся верной общему социалистическому и демократическому международному фронту». Данная позиция была подтверждена на V съезде БКП в декабре 1948 г., когда в отчетном докладе ЦК было указано, что из-за современной политики Югославии «осуществление векового идеала македонского народа искусственно приостановлено». Тем не менее, болгарские коммунисты продолжали рассматривать македонцев как особую этническую группу на правах «национального меньшинства» в Болгарии с правами культурной автономии. В последующей полемике с Югославией «разгром», «провал» политического режима в Белграде начали рассматриваться как необходимая предпосылка демократического решения Македонского вопроса. Политика Белграда в Македонии преподносилась как притеснение и «сербизация» македонцев в ФНРЮ. При этом югославской политике разобщения македонского и болгарского народов противопоставлялось демократическое решение Македонского вопроса в Болгарии как альтернатива, привлекательная для македонского населения НРМ.

Апрельский пленум 1956 г. подверг критике политику БКП в отношении национальных меньшинств в предшествующий период. Было выражено мнение, что она вела к обособлению национальных меньшинств в терри-

ториальном, общественно-политическом и экономическом аспектах. На октябрьском пленуме «новый курс» БКП был разработан детально. «Новый курс» выразился в косвенном, а затем и в прямом отрицании существования македонцев как особой этнической группы. Результатом стало фактическое отрицание существования македонского меньшинства в НРБ, выразившееся в резком искусственном сокращении численности македонцев в Пиринском крае: по результатам переписи населения 1965 г. в Болгарии их насчитывалось всего 8 тыс. человек. Пленум подверг критике точку зрения о существовании в Болгарии национальных меньшинств, отметив, что она явилась результатом механического перенесения опыта СССР без учета специфических условий Болгарии. Было заявлено об относительной однородности населения Болгарии и сделан вывод об ограниченном значении для страны национального вопроса. На основании малочисленности, не оформленности и слабой консолидированности иных этнических групп в Болгарии пленум призвал отказаться от термина «нацменьшинство» и ввести понятие «народностные группы» как более правильное и соответствующее специфическим условиям Болгарии.

В дальнейшем Македонский вопрос был одной из основных тем полемики в моменты ухудшения болгаро-югославских и югославо-советских отношений (при этом югославское руководство использовало его для сохранения дистанции Югославии от «социалистического лагеря»). В первой половине 60-х годов во время встреч Тито и Живкова было достигнуто соглашение об обсуждении Македонского вопроса исключительно в научных изданиях.

Во второй половине 60-х годов полемика по Македонскому вопросу между Югославией и Болгарией активизировалась под влиянием проводившейся в Болгарии кампании за «патриотическое воспитание болгарского народа», начатой в соответствии с решениями IX съезда БКП в ноябре 1966 г. В ее ходе особое внимание уделялось историческому прошлому и революционным традициям Болгарии. Кульминацией исторической части кампании стала публикация брошюры БАН в 1968 г. «Историко-политическая информация по Македонскому вопросу». В брошюре отрицался факт существования македонской нации, ее язык определялся как диалект болгарского. Территория Македонии характеризовалась как географическое понятие, как одна из трех составных частей болгарских земель, наряду с Мизией (северной Болгарией) и Фракией (южной Болгарией). Две трети населения Македонии были названы болгарскими, по отношению к которым проводится политика денационализации, включая попытки создать искусственный македонский язык. Отмечалось, что население Благоевградского округа всегда было частью болгарской народности, болгарской нации, любые претензии на какую-то национальную автономию полностью не обоснованы. С небольшими изменениями данная позиция болгарской стороны просуществовала до конца 80-х годов.

Основы решения Македонского вопроса в социалистической Югославии были заложены в ходе национально-освободительной борьбы во время второй мировой войны. Первым шагом явилось решение Коминтерна (по настоянию Тито) в августе 1941 г. о сохранении краевого Македонского комитета в составе КПЮ и решение (октябрь 1941 г.) о курсе на организацию вооруженной борьбы в Македонии, принятое после смены всего руководства комитета в Македонии, считавшего, как и руководство болгарских коммунистов, что здесь отсутствуют условия для ведения вооруженной борьбы. Вторым условием создания будущей государственной власти в Македонии стало то, что она закладывалась в ходе вооруженной борьбы. Это, безусловно, содействовало признанию права македонского народа на самостоятельное государство. В августе 1944 г. Антифашистское вече народного освобождения Македонии (АВНОМ) было конституировано как орган высшей власти

Македонии, входящей в состав федеративной Югославии. В апреле 1945 г. было образовано первое народное правительство Македонии. Положение и суверенные права Народной Республики Македония как равноправного члена Югославской федерации были закреплены в Конституции ФНРЮ (январь 1946 г.), Конституции НРМ (декабрь 1946 г.) и в последующих Конституциях подтверждены.

Македонский народ получил свою государственность (в рамках централизованного федеративного государства), что означало начало нового этапа формирования и развития македонской нации в условиях «социалистического строительства». В 1945 г. были утверждены македонские азбуки и правописание. Македонский литературный язык был признан одним из основных языков федеративной Югославии.

Закрепив собственную государственность, Македония с течением времени начала активно (в рамках внешней политики СФРЮ) выступать за признание прав македонского меньшинства в соседних странах. Рубежом в этой политике стал тезис VII съезда СКЮ (1958 г.) об увязке положения национальных меньшинств внутри страны и в соседних государствах. Югославское (и македонское) руководство указывало, что меньшинства югославских народов в соседних странах должны пользоваться не меньшими, т. е. равными демократическими, культурными и экономическими, правами, чем национальные меньшинства «титовых» наций соседней Югославии, в самой Югославии. Утверждалось, что при таком подходе наименьшинства будут источником сближения государств и сотрудничества между ними, «мостами дружбы».

Конституция 1974 г. предоставила Македонии (наряду с остальными республиками и автономными краями СФРЮ) широкие права, превратив СФРЮ в определенном смысле в конфедеративное образование.

Развал коммунистического режима в Болгарии в ноябре 1989 г. и последняя стадия дезинтеграции Югославии ознаменовали начало современного периода развития Македонского вопроса.

С конца 1989 г. в Болгарии активизировались политические группировки и движения, среди главных целей деятельности которых — македонская проблема. Активизировались контакты югославских и болгарских промакедонских организаций — встреча 16 июля 1990 г. в Струмице (Македония) руководителей Движения за всемакедонское действие (СРМ) и делегации македонской организации Илинден из Петриц (Болгария).

Македонская проблема была вынесена на межгосударственный уровень. 14 декабря 1989 г. посол Югославии в Болгарии, выражая поддержку демократизации в стране, высказал надежду на то, что этот процесс приведет к признанию прав македонского меньшинства. 14 февраля 1990 г. югославский парламент принял резолюцию, указывающую на насильственную ассимиляцию македонцев в Пиринском крае. Жесткий ответ министра иностранных дел Болгарии Б. Димитрова был поддержан всеми политическими силами страны, осудившими вмешательство Белграда во внутренние дела Болгарии. 6 марта Народное собрание Болгарии, осудив «вмешательство» Югославии, заявило о «насильственной македонизации» в ней людей, предки которых в XIX в. считали себя болгарами, явившейся результатом «югославских амбиций». В свою очередь председатель президиума ЦК СКЮ М. Панчевски (македонец по национальности) заявил 6 марта, что болгары выражают «шовинистические взгляды XIX века» и что он ожидал большего от нового болгарского руководства. 12 марта Президиум Республики Македония осудил резолюцию болгарского собрания от 6 марта за отражение «великоболгарской националистической политики» и обвинил Болгарию в территориальных претензиях к СФРЮ и СРМ. В обеих странах были проведены митинги в поддержку своего руководства. Наиболее грандиозным стал митинг в Скопье 29 февраля, в котором участвовали около 150 тыс.

человек, наиболее знаменательной — демонстрация 12 марта в Софии, во время которой около сотни жителей Пиринского края потребовали предоставления им статуса нацменьшинства.

Распад СФРЮ вызвал резкое обострение политической ситуации на Балканах, продемонстрировал сложность и взрывоопасность новой политической реальности. Руководство Македонии проводило достаточно взвешенный и реалистичный политический курс, до самой последней возможности поддерживая планы сохранения федерации или ее трансформации в конфедерацию. Лишь после провала всех попыток решения югославского кризиса конституционным путем, македонское руководство взяло курс на мирный, без вооруженных конфликтов выход из прежнего государственного образования. 8 сентября 1991 г. был организован референдум, в котором приняли участие более миллиона человек (около 72% жителей республики, имеющих право голоса). Более 90% участников референдума дали утвердительный ответ на вопрос: «Выступаете ли Вы за самостоятельность и суверенность Македонии с правом ее вступления в союз суверенных государств Югославии?». После провала попыток создания нового государственного образования на базе прежней Югославии (в итоге только Сербия и Черногория вошли в новую Югославию) была провозглашена независимость республики. Югославская армия была выведена с ее территории без вооруженных столкновений.

Вопрос же международного признания нового государства сильно осложнился. В отличие от пользовавшихся поддержкой Германии, Хорватии, Словении, Боснии и Герцеговины, оказавшей серьезное давление в целях скорейшего признания их Европейским Сообществом, Македония не имела сильных покровителей. Значительную роль в осложнении для Македонии обстановки в Европейском Сообществе сыграла особая позиция Греции. Греческое правительство требовало не признавать Македонию, исходя из следующего:

— Македонией следует называть только области Северной Греции. При этом не может существовать такое понятие, как «Эгейская Македония», ибо в нем содержится намек на существование других частей Македонии в составе соседних с Грецией государств;

— славянское государство не может называться Республикой Македония. В соответствии с этим Греция настаивала на переименовании этого государства;

— в «Республике Скопье», или «так называемой Республике Македония», должна прекратиться фальсификация македонской истории.

Европейское Сообщество в итоге приняло решение, требующее от Республики Македония изменения названия и предоставления конституционных и политических гарантий отсутствия у нее территориальных претензий к другим государствам.

Македонское руководство категорически отвергло эти требования. На многотысячном митинге 12 июля 1992 г. в Скопье была принята резолюция, в которой содержался призыв к международной общественности, международным организациям и государствам признать Македонию под ее историческим названием. Кстати, к такому же выводу пришла и специальная комиссия ЕС во главе с Бадетером. Комиссия отметила, что Македония выполняет все условия, выработанные ЕС для признания новых государств, появившихся на карте Европы, и рекомендовала ЕС признать Македонию и Словению.

В конце 1991 г. Народное собрание Республики Македония приняло новую Конституцию, предоставляющую всему населению, включая все этнические группы, широкие демократические права и свободы. В специальных статьях Конституции и в ряде поправок к ней подчеркивается, что Республика Македония не имеет никаких территориальных претензий к

своим соседям и что она не будет вмешиваться в их внутренние дела. Здесь же формулируется право Республики Македонии защищать права македонского населения за ее пределами и содействовать его культурному развитию.

В августе 1992 г., когда Россия признала Македонию, ее признали еще восемь стран (в том числе Турция, Болгария, Словения, Хорватия).

Естественно, что проблемой международного признания Республики Македония Македонский вопрос на современном этапе не исчерпывается.



БЕРНШТЕЙН С. Б.

О ЛУНАЧАРСКОМ (по данным дневниковых записей)

На страницы журналов и газет хлынул поток воспоминаний. Их жадно читает молодежь, которая впервые получила возможность познакомиться с политической и интеллектуальной жизнью нашего общества в 20—30-е годы XX столетия. На долгие годы были вымыты из памяти имена известных в прошлом деятелей политики, культуры, науки. Не переиздавались в течение длительного времени не только сочинения так называемых «врагов народа», но и лиц, которые активно не поддерживали сталинский режим. А их было немало. Среди них с полной уверенностью можно назвать имя Луначарского.

Молодые читатели публикуемых ныне воспоминаний должны отдавать себе отчет в том, что воспоминания пишут люди преклонного возраста. Не представляют в этом отношении исключения и мои заметки. В памяти людей за многие годы происходят сдвиги, многое забыто. Отдельные факты теперь могут восприниматься вне контекста подлинных событий. Очень трудно в старости сохранить оценки молодости. Предстоит большая критическая работа над текстами воспоминаний. Вот почему очень полезна публикация воспоминаний различных авторов об одних и тех же деятелях нашего прошлого. Для меня толчком для написания данных заметок явилась публикация Е. Ф. Книпович о Луначарском [1]. Ее общая оценка деятельности нашего выдающегося современника справедлива. Она пишет: «Луначарский с потрясающей силой чувствовал, что такое русская и мировая культура, движение культуры, не только поверхностный, но и самый глубокий смысл этого движения». Однако с некоторыми оценками Книпович согласиться трудно, но об этом ниже.

Авторы воспоминаний основное внимание уделяют жертвам сталинских репрессий. Это можно понять и оправдать. Однако это не дает полного представления о нашей жизни того времени. Были очень важные события в культурной жизни, которые непосредственно не связаны со сталинским произволом. Кроме того, нужно учитывать, что жертвы репрессий сами в какой-то степени могли являться организаторами этих репрессий. У людей моего поколения могут сохраняться в памяти злобные высказывания Мейерхольда об Эренбурге, которые могли бы послужить основанием для уничтожения писателя. Реальная жизнь сложна и многогранна.

Жизнь Луначарского — не очень удачный повод для общей характери-

Бернштейн Самуил Борисович — д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник, консультант Института славяноведения и балканистики РАН.

стики событий предвоенных десятилетий. Однако жизнь этого незаурядного человека крупным планом вошла в нашу жизнь. В каком-то смысле она не имеет аналогий. Известно, что Сталин враждебно относился к Луначарскому, но в разгар репрессий именно его назначил послом в Испанию. В мутный период предательств и наговоров Луначарский не запятнал себя. Одного этого достаточно, чтобы выделить его из числа тех, кто своими действиями и поступками прямо или косвенно способствовал укреплению власти Сталина. Конечно, последние годы жизни Луначарского были тяжелыми — ему пришлось публично признать право Сталина на руководство партией, но в условиях того времени это было сделано в наиболее достойной форме.

1930 год. В большом зале Коммунистической Академии (Волхонка, 14) собралось много народу. Предстоит доклад Луначарского о современном положении. Многие знают, что недавно Луначарский по собственной инициативе встречался с генсеком. Сталин разговаривал очень грубо.

Начинается доклад. Выглядит Луначарский плохо, нет и обычного красноречья. Много длительных пауз. Видно, что он тщательно себя контролирует. Во всяком случае нет обычной свободы и раскованности. Все с нетерпением ждут реакции на встречу со Сталиным. Пока доклад носит обычный характер. Может быть, чаще обычного звучат призывы к борьбе с внутренними врагами, к бдительности. Доклад подходит к концу. Напряжение в зале достигает предела. Пора уже заканчивать, а о Сталине ни слова. Кажется, что Луначарский близок к обмороку. Наконец последняя фраза: «Мы достигнем успеха только в том случае, если объединимся вокруг товарища Сталина». Понурился, весь раздавленный, Анатолий Васильевич бредет к своему месту в президиуме. Раздаются жалкие хлопки.

С 1917 по 1929 гг. Луначарский занимал пост Народного комиссара просвещения РСФСР. Нет сомнений в том, что его руководство делами средней школы не было профессиональным. После завершения курса гимназии в Киеве у него не было контактов со средней школой. Неотложные вопросы повседневной жизни школы решали его заместители. Он не был автором известных левацких проектов (Дальтон-план, бригадный метод сдачи экзаменов), но не мешал проведению их в жизнь. Уровень преподавания в средней школе, особенно начиная с 1925 г., стал заметно снижаться. Не думаю, что нарком ясно отдавал себе отчет в этом. Его подлинные интересы были тесно связаны с другими областями культуры. Вот один пример.

В Москве проходит всесоюзное совещание руководителей и преподавателей дошкольных учреждений. Обсуждаются важные вопросы. Все участники совещания с нетерпением ждут встречи с Луначарским, его помощи в решении неотложных задач. На второй день совещания неожиданно появляется Луначарский. Все встречают наркома шумными аплодисментами. Анатолий Васильевич проходит мимо президиума к рампе, энергичным движением руки тушит овацию. Наступает тишина. Начинается речь о... Савонароле, точнее речь самого Савонаролы, великого флорентийского проповедника XV в., перед костром инквизиции. Знаю об этом от известного сотрудника Наркомпроса К. А. Алавердова. «Нельзя было узнать Анатолия Васильевича, — вспоминал Алавердов. — Лицо стало каменным, мощный голос подчинил себе зал». Сразу же после завершения речи оратор покинул совещание. В высших партийных инстанциях Луначарскому пришлось по этому поводу давать объяснение. «Я полагал, что меня привезли на совещание театральных работников», — оправдывался нарком.

Больше времени Луначарский уделял высшей школе, но не как нарком просвещения, а как профессор историко-этнологического факультета 1-го МГУ. На первых порах он энергично стремился помешать тем деятелям высшего образования, которые хотели провести коренную ломку всей уни-

верситетской жизни. На известном совещании 9 июля 1918 г. нарком решительно заявил: «Я хорошо понимаю, что такую тонкую организацию, как университет, нельзя ломать. Нет, это не ломка, а реформа школы» [2]. Однако практически нарком не смог помешать тем силам, которые стремились именно к коренной ломке. Возглавляли эти силы заместитель наркома историк М. Н. Покровский. Практически все управление высшей школой и рабфаком находилось в его руках. Пришло время, когда деятельность Покровского была осуждена: «В первые годы советской власти, особенно в конце 20-х — начале 30-х годов было допущено немало ошибок и левацких перегибов в создании советской высшей школы, в том числе и в Московском университете» [3]. Левацкие перегибы еще усилились в конце 1925 г., когда ректором университета был назначен Вышинский.

Как профессор историко-этнологического факультета Луначарский читал два курса — социологию искусства и историю русской критики. Оба курса были факультативными. Лекции читались нерегулярно, с большими интервалами. Непосредственного контакта у профессора со студентами не было, так как не проводились не только практические занятия, но и экзамены. В памяти хорошо сохранилась лекция из курса социологии. Студенты называли ее лекцией о стуле. Профессор медленно и грузно поднимается на кафедру. Лицо утомлено, мятый костюм. Протирает ослепительно белым носовым платком пенсне. Смотрит на нас. Вдруг неожиданно бросает взгляд на стул, на скверный древтрестовский стул. Мы не обратили бы внимания на это, если бы профессорский взгляд не напоминал взгляд удава, устремленного на кролика. Вслед за профессором и мы стали рассматривать этот несчастный стул. Наконец началась лекция. «Как скверно теперь делают мебель. Забывают, что все окружающие нас предметы должны воспитывать вкус. Чему может научить этот стул?». И сразу же после этих слов началась блестящая лекция из истории мебели с цитатами из Монтеня, Сен-Симона, Вольтера, Фурье и многих других деятелей европейской культуры. Мы все были потрясены. Скверный стул мог вызвать столько ярких воспоминаний, приоткрыть перед нами глубины знаний и самостоятельных суждений. Какой необъятной культурой должен обладать человек! Был подлинный триумф профессора. Луначарский покинул аудиторию под гром аплодисментов. Несколько дней только и разговоров было, что о лекции. Нам особенно поразило то, что лекция была экспромтом. Нам были непонятны иронические суждения студентов старших курсов, с которыми мы делились своими впечатлениями. С нетерпением ждем следующей лекции. Все началось по-прежнему: мятый костюм, белоснежный носовой платок, пенсне... Очередь дошла и до стула. Дальнейшие события потрясли всех нас. Все факты, все цитаты, все иронические замечания — все было из предыдущей лекции. Мне было стыдно смотреть на профессора. Как опытный лектор Луначарский скоро почувствовал отсутствие контакта с аудиторией. Речь его начала утрачивать легкость и плавность. Студент Г. Бровман послал профессору записку. Наконец она в руках Анатолия Васильевича. Никогда не забуду его лица — оно стало бледным, а уши покраснели. Он брезгливо отбросил от себя записку и покинул аудиторию. Несколько дней я не мог работать. Думал даже бросить университет. Нужна была помощь, совет умного человека. Я избрал студента четвертого курса Алексева, который основательно изучал под руководством профессора А. Н. Максимова обычаи народов Сибири, и подробно рассказал ему о всех событиях, связанных с пресловутым стулом. Алексеев обнял меня за плечи и сказал: «А ты и все твои товарищи еще не студенты. Вы все еще школьники. Вас поразили экспромт. Но ведь совершенно очевидно, что лекция с цитатами на память из многочисленных трудов выдающихся деятелей европейской культуры не могла быть экспромтом. И это вы все должны были понять еще на первой

лекции. Лекция, конечно, была подготовлена заранее. На второй лекции нужно было спокойно сказать, что с лекцией по истории мебели вы уже знакомы. У Луначарского в запасе много других лекций. И не было бы трагедии. Однако из всех событий вы должны извлечь урок. Между профессором университета и лектором имеется весьма существенное различие. Луначарский по самой своей природе лектор. У него нет собственного материала, добытого не из книг, а из жизни, из архивов. Он не владеет критикой текста, не работает над документами. Почему он не руководит семинарами, не участвует в формировании молодых ученых? Потому что он не умеет этого делать. Все это стоит далеко от его подлинных интересов. Он большесть мастер чтения публичных лекций. Вероятно эта самая сильная его страсть. Он не может жить без общения с широкой публикой. Ему нужны аплодисменты. В его природе много актерского».

В справедливости слов Алексеева я имел возможность убеждаться не один раз, например, уже студентом последнего курса, слушая публичную лекцию Луначарского о Канте. Предложив в начале лекции общую характеристику философской системы Канта, Луначарский затем основное внимание уделял анализу «Критики чистого разума». Анализ был весьма поверхностным. С аналогичной задачей успешнее справился наш университетский доцент Н. Карев. При выходе на улицу столкнулся с В. Ф. Асмусом. В его семинаре «Спиноза» я читал доклад об этических взглядах великого философа. Пошли вместе пешком. Асмус без труда вскрыл все слабые стороны лекции. Асмуса особенно возмутило утверждение докладчика, что Кант отрицал объективный характер познания явлений. Кантовский агностицизм требует более глубокого анализа. Имеется авторитетное свидетельство, что Луначарский готовился к лекции в автомобиле между Чистопрудным бульваром и Большой Дмитровкой. И это было не так уже редко. Н. Розенель вспоминает: «Действительно, и на моей памяти бывали случаи, когда тему доклада он узнавал чуть ли не в машине, по дороге на собрание» [4].

Мне приходилось сталкиваться с людьми, которые давали Луначарскому диаметрально противоположные оценки. Хорошо известна деятельность Анатолия Васильевича в группе «Вперед», его дореволюционные публикации по философии и эстетике. Было много неожиданного и противоречивого в его деятельности на посту комиссара народного просвещения и тем не менее были области культуры, в которых влияние Луначарского было велико. Полагаю, что в центре всех многогранных интересов Анатолия Васильевича стоял театр. Он много сил и времени отдавал театру как его организатор, как драматург, как историк театра. В период острых конфликтов между представителями различных школ он, может быть, один среди влиятельных государственных деятелей нашей страны активно защищал правомерность как традиционных позиций в театре, так и новых приемов режиссуры, актерской игры. Так в одном человеке соединялись любовь к Малому театру, к его актерам и одновременно — активный интерес к новым приемам режиссуры, к которым обратились Вахтангов, Мейерхольд, Таиров. Не следует забывать, что Луначарский пользовался большим авторитетом у западноевропейских деятелей театра левого направления. Достаточно назвать имена М. Рейнгардта, Э. Пискатора, Б. Брехта. Они ценили его советы даже в области специальных вопросов режиссуры. Книга «Луначарский и западноевропейский театр» ждет своего автора.

Луначарский был тесно связан с Малым театром, а с А. И. Южиным его объединяла искренняя и глубокая дружба. Однако был один немаловажный пункт, который весьма существенно обособлял их. Речь идет о произношении Луначарского. Дело в том, что произношение Анатолия Васильевича несло на себе следы влияния нашего юга. Сохранившиеся записи это могут подтвердить наилучшим образом. Конечно, речь Луна-

чарского была литературной, в ней не было диалектизмов. Однако фразовая интонация и вся мелодическая структура бесспорно свидетельствовали о том, что их носитель формировался бесспорно в среде южан. Родился Луначарский в Полтаве, а юность провел в Киеве. Были отступления от норм образцовой московской речи и в области фонетического строя. Луначарский четко различал мягкие и твердые согласные в конце слова, но смягчение согласных перед мягкими согласными проводилось с большим числом отступлений от образцовой нормы. В данном пункте его произношение не отвечало тем требованиям, которым неукоснительно следовал в ту пору любимый им Малый театр. Теперь среднее и молодое поколение уже не владеет этими нормами. Не так было в довоенный период. Известный актер С. Л. Кузнецов рассказал, что его выпустили на сцену лишь после того, как «старухи» санкционировали его произношение. Но для этого после приезда из Киева Кузнецов под руководством профессора Д. Н. Ушакова освоил нормы московского произношения. Хотелось бы напомнить, что этими нормами под руководством Ушакова овладели первые дикторы советского радио.

Много раз в разные годы приходилось читать и слышать суровые отзывы о художественных произведениях Луначарского, о его пьесах. Вот совсем свежий пример из указанной выше статьи Е. Ф. Книпович. Она пишет: «Энциклопедист по своим знаниям и размаху Луначарский не был, однако, с моей точки зрения, художником слова. Пьесы „Медвежья свадьба“, „Королевский брадобрей“ и другие далеки по уровню от его критических работ». Полагаю, что сравнивать драматургические произведения нужно с произведениями того же жанра, т. е. с пьесами других авторов. «Медвежья свадьба» с огромным успехом длительное время шла в Малом театре. Пьесы Луначарского не уступали лучшим пьесам Афиногенова, Тренева, Ромашева и значительно превосходили пьесы Киршона, Шкваркина и многих других советских драматургов. Театры обращались к Луначарскому не из-за имени популярного политического деятеля, его пьесы привлекали своей театральностью, отличным сюжетом, ярким языком. Я не раз слышал от деятелей театра, от актеров, что в пьесах Луначарского легко играть, легко дышать. Актер Малого театра А. Н. Глумов выразил это так: «Текст в пьесах Луначарского не создает акустических трудностей. Не устаешь». Перед историками театра стоит серьезная задача всестороннего изучения пьес Луначарского. Лучшие его пьесы нужно вернуть театру.

Луначарский был опытным и сильным оратором. Среди партийных деятелей того времени мало кто мог сравниться с ним. Однако подлинной школы ораторского искусства он не прошел. Это было хорошо заметно во время его диспутов с митрополитом Введенским. Эти диспуты в конце 20-х годов были своеобразным аттракционом, собиравшим большое число молодежи, главным образом студенческой. Хорошо помню диспут на тему «Существовал ли реально Христос». Он проходил в огромном зале экспериментального театра (бывший театр Зимина).

В мои студенческие годы в университете работал факультативный семинар «Ораторское искусство». Руководил семинаром А. К. Шнейдер. На первых встречах руководитель рассказывал нам об истории ораторского искусства, начиная с античности. Затем участники читали небольшие доклады. Я взял тему «Жест в ораторском искусстве». Шнейдер рекомендовал ограничиться анализом жеста Луначарского и Введенского. Это было осуществить легко, так как они часто выступали вместе. Я начал с Введенского. Скоро удалось установить, что Введенский пользуется двумя системами жестов. Наиболее отработанной была система жестов в проповеди. Она могла быть очень экономной, скупой, но в момент кульминации становилась мощным помощником. Все зависело от аудитории, от поставленной задачи.

В публичных выступлениях митрополит пользовался жестами экономно. В таких случаях жест не был напряженным. Он мягко и спокойно подчеркивал то, что оратор хотел выделить, на что слушатель должен обратить особое внимание. В жестикуляции не было ничего лишнего.

Совсем другим жест был во время церковной проповеди. Храм Христа Спасителя. Тихо. Легкий шепот молящихся. Появляется митрополит в полном облачении. Мертвая тишина. Слова произносятся тихо, но их хорошо слышно в огромном помещении храма. Постепенно речь становится более напряженной, медленно, но неуклонно нарастает сила... Наконец поток речи напоминает шум мощного водопада. Жестов нет. Но вот наступает кульминация. С огромной силой правая рука взлетает вверх с устремленным в небо указательным пальцем, а затем резким движением опускается вниз. И сразу все молящиеся одновременно произносят «ах!». Я весь в руках проповедника.

Жест Луначарского большой силой не обладал. Он мог быть энергичным или вялым, но это не было обусловлено содержанием речи и не было заранее подготовлено. Поэтому в аналогичных ситуациях жест мог быть различным. Активно участвовала в жестикуляции правая рука. Оратор широко использовал волнообразные движения правой руки. Часто это вызвало досаду, так как отвлекало внимание.

Луначарский не был полиглотом, но на главных европейских языках (включая итальянский) говорил свободно. Вот один пример. Конец 1929 г. В Москве отмечается неделя немецкой науки, техники и просвещения. Луначарский открывает первое заседание в Актовом зале старого здания университета. Первые десять минут он говорит на отличном немецком языке, а затем переходит на русский. После Луначарского выступает немецкий посол. Слово предоставляется профессору П. Н. Сакулину, который совсем недавно был избран действительным членом нашей Академии наук. Он вынимает из ветхого портфеля тетрадку и начинает читать немецкий текст, имеющий весьма отдаленное отношение к немецкому языку. От М. В. Сергиевского знаю, что декан В. П. Волгин рекомендовал поручить выступление профессору П. Ф. Преображенскому, но партбюро утвердило Сакулина. Луначарский нервничает, барабанит пальцами по столу. Первая же небольшая пауза доклада дает основание поблагодарить Сакулина и перейти к другим вопросам повестки дня.

Луначарский и живопись. Здесь у меня собственных наблюдений нет. Все ограничивается эпизодом. На рубеже 20-х и 30-х годов в Москве проходила выставка живописи из частного собрания Щукина: Мэтисс, Гоген, Сезанн, Ван Гог, Ренуар, русский авангард. На вернисаже приехал Луначарский. Он долго стоял перед картиной Шагала. Это вызвало среди присутствующих повышенный интерес — все ждали реакции. Наконец Луначарский громко сказал: «Марк Шагал много шагал, но до искусства не дошагал». Об этом эпизоде знаю от художника П. В. Вильямса, который у нас на факультете вел занятия по рисунку (будущие этнографы должны были владеть техникой рисунка). Петр Владимирович был убежден, что сказанная фраза была вызвана любовью Анатолия Васильевича к каламбурам и не отражала его подлинного отношения к современной живописи.

1934 год. В ленинградском Доме ученых проходит заседание памяти Луначарского. Зал переполнен. Интеллигенция Ленинграда всегда с большой симпатией относилась к этому человеку. С большой и яркой речью выступает акад. Е. В. Тарле, только что вернувшийся из ссылки. Он дает высокую оценку личности Анатолия Васильевича, вспоминает много эпизодов их встреч, дает яркую характеристику личности покойного. В памяти осталась очень убедительная сравнительная характеристика Луначарского и Эррио.

Подводя итоги своим воспоминаниям, могу отметить следующее. Луначарский был широко образованным интеллигентом с глубокой ориентацией во многих областях гуманитарной европейской культуры, начиная от античности. Он был сильным аналитиком в истолковании психологии творческой личности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Литературная газета. 1988. № 45.
2. История Московского университета. М., 1955. Т. 2. С. 22.
3. Московский университет за пятьдесят лет советской власти. М., 1967. С. 17.
4. *Луначарская-Розенель Н.* Память сердца. Воспоминания. М., 1965. С. 7.



МАТЕРИАЛЫ К УЧЕБНИКУ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА

Оригинал-макет материалов этого раздела
изготовлен в Синодальной библиотеке
Московского патриархата

Кравецкий А.Г.

МОРФОЛОГИЯ

В пособиях по церковнославянскому языку морфология обычно описывается наиболее подробно. Поэтому задача данного раздела не дублирование существующих пособий (тем более, что недавно была репринтно переиздана грамматика, составленная иеромонахом Алипием (Гамановичем)) [1], а систематизация и критическое осмысление опубликованного ранее материала. Эта работа представляется уместной потому, что современные учебники церковнославянского языка, также, как и средневековые грамматические сочинения, носят в значительной мере традиционный характер [см. 2].

Сильное влияние на содержание и структуру пособий по церковнославянскому языку оказали старославянские грамматики. Влияние сказалось не только в способе описания, но и в неосознанном стремлении приблизить церковнославянскую морфологию к старославянской. Это характерно, например, для грамматики Алипия, который в качестве нормативных иногда приводит формы, встречающиеся в старославянском языке, а не в церковнославянском¹.

Следует иметь в виду, что корректное описание церковнославянской морфологии -- дело будущего.

Кравецкий Александр Геннадиевич -- младший научный сотрудник Института русского языка РАН

¹Примеры такого рода будут рассмотрены в разделах, посвященных соответствующим разделам морфологии. Характерно, что в приведенном о. Алипием списке использованной литературы указано пять старославянских грамматик и лишь одна церковнославянская [1, с. 266].

Отправной точкой и программой работ в этом направлении должны послужить эти материалы.

Прежде чем перейти собственно к описанию церковнославянской морфологии, следует сказать несколько слов о пособиях, на которые мы опирались.

Подавляющее большинство грамматик церковнославянского языка создавались в качестве учебных пособий. Поэтому они, как правило, неполны и не отмечают многочисленные случаи вариативности. Единственным исключением является выдержавшая в 1867–1892 годах 6 изданий грамматика В.И.Классовского [3]. От аналогичных пособий она отличается тем, что отмечает случаи морфологической вариативности. Морфологические особенности, характерные для новоцерковнославянского языка, сопоставляются с формами, встречающимися в старопечатных книгах. Однако не все приводимые В.И. Классовским формы документированы.

Единственный исторический очерк морфологии церковнославянского языка позднего периода содержится в книге С.К. Булича [4]. Материалом очерка послужили основные печатные издания славянской Библии – Острожская (1580-1581), Московская первопечатная (1663), Елизаветинская (1751) и ее позднейшие перепечатки. Материал, извлекаемый из текстов, сопоставляется с грамматиками Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого. К сожалению, в число привлекаемых С.К. Буличем источников не входят богослужебные книги, хотя язык богослужебных книг заметно отличается от языка Библии.

В 1964 г. вышла грамматика, написанная Иеромонахом Алипием (Гамановичем) [1], которая содержит наиболее полное и систематическое описание церковнославянской морфологии. Эта грамматика имеет тенденцию к архаизации и иногда в качестве нормативных приводит старославянские, а не церковнославянские формы.

Большую ценность представляет описание системы церковнославянского глагола, которая содержится в диссертации Р.Матъесена [5]. Эту книгу отличает широкий охват и четкое осознание круга источников, которыми являются книги разных жанров, изданные «по благословию Св. Синода» [5, с. 70].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алипий (Гаманович)*. Грамматика церковнославянского языка. М., 1991 (репринт с изд.: Джорданвилль, 1964).
2. *Кравецкий А.Г.* Проблемы изучения и обучения. // Славяноведение, 1992. № 1, с. 86–87.

3. *Классовский В.И.* Краткая грамматика церковнославянского языка. СПб., 1857.
4. *Булич С.К.* Церковнославянские элементы в современном литературном и народном русском языке. СПб., 1893
5. *Mathiesen R.* The inflectional morphology of the synodal Church Slavonic verb. Columbia University, 1972.



Плетнева А.А.

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

Имя существительное в современном церковнославянском языке охарактеризовано, как и в русском, по роду, числу и падежу.

В церковнославянском существительные относятся к мужскому, женскому или среднему роду. К *м.р.* относятся существительные, оканчивающиеся в *И.ед.* на -ъ, -ь, -й и некоторые на -а, -а, например *рабъ, конь, край, юноша, сѣдѣль*. К *ж.р.* относятся существительные, оканчивающиеся на -а, -а, и некоторые на -и, -ы, -ь, например *женѣ, земля, заповѣдь, мати, свекры*. К *с.р.* относятся существительные, оканчивающиеся на -о, -е и некоторые на -а: *поле, село, йма*. Важной особенностью существительных *ср. р.* является то, что окончания *И., В., Зв.* падежей в парадигме каждого числа совпадают.

Имена существительные изменяются по числам. Существительное стоит в *ед.ч.*, если речь идет об одном предмете: *стѣбѣ, раба, село*. Существительное стоит в двойственном числе, если речь идет о двух предметах: *раба, (два раба), женѣ (две женщины), села (два поля)*. Существительные имеют форму множественного числа, если речь идет о трех и более предметах: *раби, жены, села*.

В разных грамматиках церковнославянского языка мы находим различные способы описания системы склонения существительных. В данном учебнике мы придерживаемся той же группировки существительных по склонениям, что предложена в грамматике иеромонаха Алипия (Гамановича) [1], и выделяем четыре склонения.

ПЕРВОЕ СКЛОНЕНИЕ

К первому склонению относятся существительные *м.р.* с основой на твердый или мягкий согласный, в *И.ед.* оканчивающиеся

Плетнева Александра Андреевна – преподаватель Российского открытого университета

на -ъ, -ь, -й, а также существительные *ср.р.* с основой на твердый или мягкий согласный, в *И.ед.* оканчивающиеся на -о, -е. Большая часть существительных, которые в церковнославянском относятся к первому склонению, в грамматиках старославянского языка принадлежит к склонению на *ѡ. Кроме того, в 1-е склонение входят существительные *м.р.*, относящиеся в старославянском к склонениям на *ѣ и на *ї (кроме пѣтъ и гортѣнъ). Этим объединением в одном склонении существительных, исторически относящихся к разным склонениям, объясняется разнообразие вариативных флексий.

Вот как выглядят окончания существительных 1-го склонения:

		единственное число
И.		ѡ, -о, -е (рабѣтъ, царѣ краѣи, селѡ, мѡре)
Р.	<1> ¹	-а, -ѣ, -ѡ (раба, царѣ, селѣ, мѡрѣ, полѣ).
Д.	<2>	-ѡ, -ю, -ови, -еви (рабѡ, царю, селѡ, мѡрю, гдѣви, дхѡви).
В.	<3>	-а, -ѣ, ѡ, -о, -е (раба, царѣ, стѡлѣ, ѡгнь, краѣи, селѡ, мѡре).
Т.	<4>	-омѣ, -емѣ (рабѡмѣ, царѣмѣ, селѡмѣ, мѡремѣ).
П.	<5>	-ѣ, -и, -ѡ (рабѣ, царѣ, селѣ, мѡри, домѣ).
З.	<6>	-е, -ю, -о (рабѣ, царю, селѡ, мѡре).
		двойственное число
И.,В.,Зв.	<7>	-а, -ѣ (раба, царѣ, свѣла, мѡрѣ).
Р.,П.		-ѡ, -ю (рабѡ, царю, свѣлѡ, мѡрю).
Д.,Т.		-ома, -ема (рабѡма, царѣма, селѡма, мѡрема).
		множественное число
И.,Зв.	<8>	-и, -їе, -ѡ, -е, -ы, -ѣ, -ѣ, -ѡе, -ѣе (рабѣи, царѣи, іерѣѡ, галїѣанѣ, хлѣбы, сѣла, морѣ, врачѣѡ, дѡмѡѡ).
Р.	<9>	ѡ, -ѡѣ, -ѡѣ, -ѣи (рабѣ, іерѣи, сѣлѣ, рабѡѣ, краѣѣ, царѣи, морѣи).
Д.	<10>	-ѡмѣ, -ѡмѣ, -ѡмѣ, -ѡмѣ, -ѡѡмѣ (рабѡмѣ, царѣмѣ, селѡмѣ, мѡремѣ, дѣлѡмѣ, кнїгѡчѡмѣ).
В.	<11>	-ы, -и, -ѡѣ, -ѡѣ, -ѣи, -ѣ, -ѣ (рабѣы, царѣи, рабѡѣ, смѣѡѣ, царѣи, сѣла, морѣ, вѡѡ).
Т.	<12>	-ы, -и, -ѡми, -ѡми, -ми (рабѣы, царѣи, сѣлы, мѡри, скѡтѡми, корабѣми, царѣми).
П.	<13>	-ѣхѣ, -ѣхѣ, -ихѣ, -ѡхѣ, -ѡхѣ (рабѣхѣ, царѣхѣ, сѣлѣхѣ, ісхѡдищиѣ, морѣхѣ, собѡрищиѣ).

ПРИМЕЧАНИЯ К 1-МУ СКЛОНЕНИЮ

Единственное число

1. Некоторые существительные *м.р.* в *Р.* могут оканчиваться на -ѡ. Это окончание восходит к древним формам склонения на *ѣ. ѣ по

¹ Цифрами здесь и далее обозначены разделы в примечаниях к 1-му склонению, в которых содержатся комментарии к указанным формам.

нѣмъ ѡбѡша народи мнози ѿ галиленъ и десѣти градъ, и ѿ іерузалѣма, и іудѣи и со ѡнаго пола іордана (Мф. 4,25). Се ныне благословите гдѣ, вси равнѣ гдѣни, стоѣщи въ храмѣ гдѣни, во дворѣхъ домъ вѣа нашего (Пс. 133,1).

2. Кроме окончания -ѡ, -ю у существительных *м.р.* в *Д.* падеже встречается окончание -ѡви, -ѡви, связанное с утраченным склонением на *ѡ. В старославянском языке к этому склонению относилось лишь несколько существительных. В современном церковнославянском довольно большая группа существительных, в основном со значением лица (как правило, эти существительные в *И.ед.* имеют ударение на последнем слоге), может иметь окончание -ѡви, -ѡви, которое, однако, для них не является обязательным. Флексии -ѡ и -ѡви (-ю и -ѡви) являются вариативными. И излѣзъ изъ корабля пѣтръ, хождѣше по водамъ, прѣити ко іисови (Мф. 14,29). Выдай дщѣрь, и бѣдѣши совершивый дѣло велико: и мѣжеви развѣмивъ даждь ю (Сир. 7,27). Сѣтъ пѣтѣ мнѡщѣнса правн бѣити мѣжъ, ѡбѣче послѣднѣа ѡхъ зрѣтъ во днѡ ѡдово (Притч. 16,25). У существительных с основой на -j встречается как окончание -ѡви, так и -ѡви. И сотворимъ кровы три, тебѣ ѡдинъ, и мѡѡсѣевнѣ ѡдинъ, и ѡнѣи ѡдинъ (Мр. 9,5). Сотворимъ здѣ три сѣни, тебѣ ѡдинъ, и мѡѡсѣевнѣ ѡдинъ, и ѡдинъ ѡнѣи (Мф. 17,5).

3. У одушевленных существительных *м.р.* в *В.* падеж обычно совпадает с *Р.*, хотя изредка в текстах встречаются примеры совпадения *В.* падежа одушевленных существительных с *И.* Пилѣтъ же ѡвѣща ѡмъ, глагола: хѡщете ли, пѣщѣ вамъ црѣа іудѣйска (Мк. 15,9). И привѣдѣше телѣцъ оупитанный, закоимѣ (Лк. 15,23). В своем исследовании, посвященном церковнославянскому языку Елизаветинской Библии, С.К.Булич отмечает, что в Острожской и Московской Библиях таких форм намного больше [2, с. 229].

4. Существительные с основой на шипящий и -ц- в *Т.ед.* имеют окончание мягкого варианта склонения -ѣмъ.

5. Оконания -ѣ для существительных с твердым конечным согласным основы и -н для существительных с мягким конечным согласным основы являются наиболее распространенными в *П.* падеже. Паки подобно ѡтъ црѣтвѣе нѣное сокровищѣ сокровѣнѣ на сѣлѣ, ѡже ѡвѣрътъ чѣвѣкъ скрѣи (Мф. 13,44). И сѣ, трѣсъ великъ бѣтъ въ мѡри (Мф. 8,24). Однако у существительных мягкой разновидности склонения *м.р.* иногда встречается и окончание -ѣ². Слышахъ, ѡ нѣхже молиса еси ко мнѣ, ѡ сеннахиримѣ царѣ ассириетѣ (4 Цар. 19,20).

Существительное сердце в *П.* имеет окончание -ѣ или -ѣи, так как после ц буква и не встречается. Мрѣамъ же соблюдаше всѣа глѣбѣи сѣа, слагоущи въ сѣрдцы своѣмъ (Лк. 2,19). Речѣ бо въ сѣрдцѣ своѣмъ: забѣи вѣа, ѡвѣрати лицѣ своѣ, да не видѣтъ до концѣ (Пс. 9,32).

² С.К.Булич утверждает, что в Острожской и Московской Библиях таких случаев почти нет. Он объясняет это явление влиянием русского языка [2, с. 231].

У некоторых существительных *м.р.*, в соответствии со старославянской формой *П.* падежа склонения на *п, может встретиться окончание -ѡ. В домѣ оца моего убителю многи сѣтъ (*Ин.* 14,2).

У существительных, в *И.ед.* оканчивающихся на -кѣ, -гѣ, -хѣ, в *П.* падеже перед -ѣ происходит чередование согласных основы к/ц, г/з, х/с: прѣокѣ - ѡ прѣокѣ, дрѣгѣ - ѡ дрѣзѣ, дхѣ - ѡ дѣ. Однако встречаются формы и без чередования: ...въ дхѣ сѣѣ... (*2Кор.* 6,6); ...идѣже ѡполчишася вон ѣже при антѣохѣ (*3Мак.* 1,1); сотворитѣ сѣ нимѣ фараонѣ бранѣ во остроубѣ... (*Иезек.* 17,17)³.

6. У существительных *ср.р.* звательная форма совпадает с формой *И.* и *В.* падежей. У существительных *м.р.* с твердым конечным согласным основы окончание *Зв.* падежа - -ѣ, с мягким согласным - -ю (орфографический вариант у существительных с основой на шипящую - -ѡ). Однако все имена собственные, независимо от варианта склонения, имеют окончание -ѣ: речѣ ѡмѣ лѣкавыи рѣкѣ и лѣнивыи (*Мф.* 25,26). радѣся вѣщѣ, ѡдѣшевѣнныи рѣю, дрѣво посредѣ имѣя гдѣ (*КАПБ*). Врачѣ исцѣлися самѣ (*Лк.* 4,23). И сѣя рѣкѣ, гласомѣ великимѣ воззва: лазарѣ, градѣ вонѣ (*Ин.* 11,43). Иисѣ, сѣрдца моегѣо весѣліе, Иисѣ, тѣла моегѣо здравіе, спаси мѣ (*Ак. Госп. Ис.*). Пред окончанием -ѣ у существительных, в *И.* падеже оканчивающихся на -кѣ, -гѣ, -хѣ, возникают следующие чередования: к/ч, г/ж, х/ш: прѣокѣ - прѣокѣ, дрѣгѣ - дрѣже, дхѣ - дше.

Двойственное число

Некоторые формы *дв.ч.* имеют те же окончания, что и формы *ед.ч.* С целью избежания грамматической омонимии в церковнославянском языке используются особые графические средства, то есть если в *ед.ч.* находим ѣ (е-узкое), о или же острое ударение, то в *дв.ч.* на месте ѣ находим в (е-широкое), на месте о - ѡ, а острое ударение заменяется обличенным (подробнее об этом см. в разделе *орфография*).

Окончания *дв.ч.* те же, что и в старославянском языке (кроме *И.,В.,Зв.* падежей существительных среднего рода). Однако формы *дв.ч.* часто заменяются формами *мн.ч.*: со гавѣдомѣ и дѣромѣ двѣма ѡвнѣхи царѣвыми (*Есф.* 1); и испытѣ царѣ двѣ ѡвнѣховѣ своиѣхѣ (*Есф.* 1).

7. *И.,В.,Зв.* падежи существительных *м.р.* оканчиваются на -ѣ, -ѡ. По нѣмѣ идѣста двѣ сѣпѣца (*Мф.* 11,27). И видѣ двѣ корава стоѣца при

³С.К.Булич отмечает, что в Острожской Библии такие формы не встречаются. Там, где в Елизаветинской Библии появляются формы без изменения заднеязычных согласных, в Острожской, как правило, встречаются формы, образованные по типу основ на *п: Елиз. - въ смѣхѣ, прѣхѣ; Остр. - смѣхѣ, прѣхѣ [2, с. 208].

ѣзерѣ (Лк. 5,2). В грамматиках старославянского языка для существительных *ср.р.* находим окончание -ѣ в твердом варианте склонения и -и в мягком варианте склонения. Алипий в своей грамматике современного церковнославянского языка также приводит эти окончания в качестве нормы. Однако в текстах в преобладающем большинстве случаев встречаем другой вариант окончаний: -а, -а. Преклонъ же колѣна⁴, возопи гласомъ велиимъ (Деян. 7,60). И сотвори бѣ два свѣтила⁵ великаа. свѣтило великое в началѣ днѣ, и свѣтило мѣншее въ началѣ нощи, и звѣзды (Быт. 1,16).

В гимназической грамматике В.И.Классовского отмечается, что окончание -а, -а в *И.,В.,Зв.* падежах существительных *ср.р.* "принадлежит языку позднейших печатных книг" (3, с. 14–15]. В *Практической грамматике церковнославянского языка* А.Павлова, кроме того, указывается [4, с. 19], что лишь существительное крило имеет в *И.,В.,Зв.* дв.ч. старославянское окончание -ѣ: лицѣ возмѣ крилѣ мой рѣноу, и вселюся въ послѣднихъ мѣсѣхъ (Пс. 138,9).

Множественное число.

Во *мн.ч.*, как и в *дв.ч.*, окончания некоторых форм совпадают с окончаниями форм *ед.ч.* Для избежания грамматической омонимии используется орфографический принцип антистиха (см. раздел *орфография*).

8. В *м.р.* самым распространенным является окончание -и: Пришедше же равнѣ гдѣина, рѣша ѡмѣ (Мф. 13,27). Существительные с основой на шипящий также имеют окончание -и. Существительные, в *И.ед.* оканчивающиеся на -кѣ, -гѣ, -хѣ, в *И. мн.* меняют к на ц, г на з, х на с. Кроме того, после ц окончание -и, в соответствии с правилами орфографии, заменяется на -ы: прѣрокѣ - прѣрѣцы, дрѣвѣ - дрѣвѣи, дѣхѣ - дѣси. Однако в текстах находим довольно много случаев, где нет этого изменения. И столпы ихъ двадесать мѣдана, и крючки ихъ, и верхи ихъ сребраны (Исх. 27,10). лицѣ во въ дѣховныхъ ихъ присѣдники быша языцы, дѣлѣи сѣтъ и въ плотскихъ послѣжити имъ (Рим. 15,27).

Существительные, в *И.ед.* оканчивающиеся на -ръ, и некоторые другие в *И.мн.* оканчиваются на -ѣ. И поклонѣтса ѡмѣ вси цѣрѣ зѣмстѣи (Пс. 71,11).

Большая часть существительных, в *И.ед.* оканчивающихся на -ей, в *И.мн.* оканчивается на -ѣ, однако некоторые слова имеют окончание -и. И видѣвшѣ фариисѣ глаголахѣ оученикомъ ѡго: почто съмытарѣи и грѣшники оучѣтъ вашѣ ѣствѣ и пѣтъ. (Мф. 9,11). изѣдѣи же наѣстѣиша честѣивѣ женѣ и блговѣрѣнѣ... (Деян. 13,50).

Существительные *м.р.*, имеющие в своем составе суффикс -тель, в *И.мн.* оканчиваются на -ѣ или -ѣ. видѣвшѣ же ѡго дѣлатѣлѣ,

⁴В Острожской Библии колѣни.

⁵В Острожской Библии два свѣтила.

мѣшаахъ въ себѣ, глаголюще: сѣй ѣсть наслѣдникъ (Лк. 20,14). И свидѣтеліе снѣмше рѣзы своѣ, положиша при ногѣ юноши (Деян. 7,58).

Имена существительные *м.р.*, обозначающие названия племен или народов, в *И.ед.* оканчивающиеся на -инъ, в *И.мн.* имеют окончание -е (е-узкое). Глагол ѣмъ женѣ самарѣнина: какъ ты жидовинъ сый ѿ менѣ пити пробсиши, жены самарѣнины сѣчей; не прикасаются жидове самарѣномъ (Ин. 4,9).

Довольно часто в *И.мн.* твердого варианта склонения вместо ожидаемого окончания -и встречаем окончание -ы. Ико хлѣбы ѿсквѣдѣша ѿ вретницъ нашихъ (1 Цар. 9,7). Самъ раскопаетъ трѣвища ихъ, сократятса кѣмѣры ихъ (Ос. 10,2)⁶.

Кроме того, некоторые слова могут в *И.мн.* иметь окончание -ове, -еве. Аще бо бѣдѣтъ дѣлове мнози, въ запѣстаніе бѣдѣтъ велицыи и добрини, и не бѣдѣтъ живѣиши въ нихъ (Ис. 5,9). Икоже вѣтри и облацы и дождѣве гвалѣющиса, такъ и хвалѣющиса ѿ даініи лѣжнѣмъ (Притч. 25,14).

Такое разнообразие флексий в *И.мн.* связано с тем, что в одно склонение объединяются слова, исторически относимые к разным склонениям. Так, окончание -іе характеризовало существительные *м.р.*, относящиеся к склонению на *і. Окончание -ове(-еве) свидетельствовало о принадлежности слова к склонению на *ѣ. Окончание -е (графический вариант -ѳ) в системе старославянского склонения характеризует существительные типа камень (камы). Окончание -ы, вероятнее всего, появляется под влиянием русского языка.

9. В *Р. мн.* встречаются три различных окончания:

9.1. Нулевое окончание, т.е. слово оканчивается на -ъ, -ь или -й: рѣбѣъ, вѣй, сѣлъ, оучитель, архїерѣй (формы *Р.мн.* графически противопоставляются формам *И.ед.* по принципу антистиха). Это окончание характеризовало *Р.мн.* старославянского склонения на *ѳ. По мнозѣ же времени прїиде гдїинъ рѣбѣъ тѣхъ (Мф. 25,19). Вѣнѣць старыхъ чѣда чѣдъ (Притч. 17,6).

9.2. Окончание -овѣъ, характеризующее существительные твердой разновидности склонения, по происхождению связано с группой существительных на *ѣ. Однако довольно рано в славянских текстах оно перестало отождествляться только с этими существительными и начало распространяться на существительные с основой на *ѳ твердого варианта склонения: сначала на существительные *м.р.*, а потом и на существительные *ср. р.* В синодальных церковнославянских текстах существительные часто имеют два окончания: нулевое и окончание -овѣъ. ѣще мѣнѣсѣ ѿ

⁶С.К.Булич отмечает, что окончание -ы в Острожской и Московской Библиях встречается ненамного реже, чем в Елизаветинской, то есть появление -ы в форме *И.мн.* не относится к истории современного цсл языка [2, с.210].

милости, жизни, мирѣ, здравіи, спасеніи, посѣщеніи равовѣ вѣжихъ (Ект.).
Сподоби ѿ видѣти чѣда чѣдовѣ (Требн., чин венчания). Орфографическим
вариантом окончания -овѣ для существительных с основой на -j и
некоторых существительных с основой на шипящей является
окончание -евѣ. И люди поравѣти ѣмѣ в равѣы. Ѡ краѣ предѣлѣ егѣпетскихѣхъ
дѣже до кравѣвѣ (Быт. 47,21) . И многѣ пострадавши Ѡ многѣ врачевѣ...(Мк.
5,26). Существительные с основой на -ц- могут иметь оба варианта
окончания: -овѣ и -евѣ. Ѡ различіи продаѣніа квѣцовѣ, и ѡ наказаніи
мнозѣ чѣдѣ.... (Сир. 42,5). Исполненѣ ѣсмь всеожженіи ѡвнихъ, и тѣка
ѣгнцовѣ⁷, и крове юнцовѣ и козловѣ не хошѣ (Ис. 1,11).

9.3. Окончание -ей, характеризовавшее склонение на *ї
(старославянское окончание -ѣи/-иѣ), очень распространено среди
существительных мягкого варианта склонения. Встречается оно
также у существительных с основой на шипящей и -ц-. И десѣтъ
роговѣ ѣже видѣлѣ ѣси, десѣтъ цѣей сѣтъ... (Откр. 17,12). Бѣше же ѣдшихѣхъ
хлѣбы, ѣко пѣтъ тысащѣ мѣжей (Мр. 6,44). И данѣ вѣсть ѣмѣ, да не
оувѣютѣ ѣхѣ, но да мѣкѣ пріимѣтъ пѣтъ мѣей...(Откр. 9,5).

10. В Д.мн. у существительных мужского и среднего рода⁸
находим окончание -омѣ (для твердого варианта склонения), -емѣ
(для мягкого варианта склонения). Правописание этих окончаний
через омегу и е-широкое, позволяет различать формы Д.мн. и Т.ед.
9

Существительные м.р., в И.ед. оканчивающиеся на -ей, могут
иметь и окончание -емѣ, и окончание -омѣ. Да положитѣ грады ѣдинны
вѣ запѣстаніе и во ѡвѣтаніе сміемѣ (Иер. 10,22). Да не предѣтъ вѣхѣ вѣмѣ
ѣдѣемѣ (Ин. 18,36).

Иногда перед окончанием -омѣ появляется формант -ов-.
Предѣдѣтъсѣ вѣ рѣки ѡрѣкѣ: чѣсти лѣсовомѣ вѣдѣтъ (Пс. 62,11). Тогда начѣтъ
ѣсѣ поношѣти градомѣ... (Мф. 11,20). Окончание -овомѣ является
искусственным (книжным) образованием. Существительные, в
старославянских грамматиках относимые к склонению на *ї, имели
окончание -ѣмѣ. Однако формант -ов-, характеризующий Д.ед.,

⁷ Формы типа ѣгнцовѣ не могут быть объяснены влиянием русского
языка, так как окончание -овѣ в данном случае является
безударным.

⁸ В.И.Классовский в своей грамматике для Д.мн. существительных
ср.р. приводит два нормативных, варьирующихся окончания
-омѣ/-емѣ и -ѣмѣ/-ѣмѣ. [3, с. 14]. С.К.Булич указывает, что формы
с окончанием -ѣмѣ/-ѣмѣ изредка встречаются и у существительных
м.р. [2, с. 216]. по мѣмѣ же весмѣ врѣмени лѣсѣа намѣстникѣ царѣвѣ, и
срѣдникѣ и къ дѣламѣ пристѣвникѣ... пріѣде на ѣдѣевѣ (II Макк. 11,1-2). и
сѣ ѡвѣтаніа ѣхѣ по сѣламѣ ѣхѣ...(I Пар. 6,54). и заповѣда ѣсѣтъ книжѣмѣ
людскимѣ, глаголомѣ...(Ис.Нав. 1,10).сѣхѣ привѣсивше ѣмѣ къ сосѣамѣ младѣнцы
(II Макк. 6,10).

⁹ В Острожской Библии в формах Д.мн. находим окончание -омѣ,
-емѣ, а в Московской уже - -омѣ, -емѣ. То есть орфографическая
норма формируется в период подготовки московского издания.

Р., П. дв., И., Р. мн., видимо, воспринимался как один из возможных способов оформления окончания слова.

11. У существительных *м.р.* твердого варианта склонения нормативным является окончание *-ы*. Однако для одушевленных существительных возможен также вариант *-овѣ*. И послѣ рѣбы своѣ призвѣти звѣнных на браки (Мф. 22,3). Прѣчи же, бѣше рѣвовѣ ѿгю, досадиша ѿмъ (Мф. 22,6). У существительных мягкого типа склонения нормативным является окончание *-и*¹⁰. Послѣшаніе и свѣри оукротити мѡжетъ (Прол. 28 июля).

У существительных с основой на *-ј* наряду с окончанием *-и* изредка встречается старославянское окончание *-а*. Маккавей же оустрѡбѣ въ оа своѣ по полкѡмъ постави ихъ (воеводъ) надъ полкѡми... (2Макк. 12,20). В тексте Острожской Библии у существительных с основой на *-ј* эта форма является основной. Довольно часто она встречается и в Московской Библии [см. 2, с. 238].

Окончание *В. падежа -и*, появляющееся у существительных с основой на шипящий, позволяет различать формы, с одной стороны, *В. падежа*, а с другой стороны – *И.* и *Т. падежей*.

Существительные с основой на *к, г, х* в *В. падеже* имеют формы без изменения заднебных в свистящие: *грѣхѣи, браки* (ср. старослав. *грѣхы, браки*).

12. Чаще в *Т.мн.* встречается старославянское окончание *-ы/-и*. Принти во ѿмать сѣ члѣвѣскій во слѡвѣ дѣа своего, со ѡгтѡ своими (Мф. 16,27). Бысть распра междѣ садажѣи и фарисѣи и раздѣлиса народъ (Деян. 23,7). Существительные с основой на заднебные имеют окончание *-и*. И доволни вѣдите сворѡки вашими (Лк. 3,14). Понѣже нѣмоцини бысте слѡхѣи (Евр. 5,11).

Под влиянием склонения на **ā* (и, соответственно, форм русского языка) может также появиться окончание *-ами/-ями*, а под влиянием склонения на **ī* – окончание *-ми*. И вѣгѣи ихъ вѣгъ гѡл: растѣтеса и множитеса и наплбните зѣмлю, и господствѣйте ѡю и обладѣйте рѣвами морскими, и свѣомѣи, и птицами небными, и всѣми скотѡми и всѣю землѣю и всѣми гѡддѡми... (Быт. 1,28).

13. Для существительных *м.р.* с твердой основой находим старославянское окончание *-ѣхъ*. ѡщѣ мѡлимса ѡ рѡвѣхъ вѣжихъ... Кроме этого окончания появляется еще окончание *-ахъ*. И да възмѣши ѡ крѡве тѣлчи, и помѡжѣши на рѡгѡхъ ѡтарѣвѣхъ перстѡмъ твоимъ. (Исх. 29,12). Встречаются также, хотя и довольно редко, формы, оканчивающиеся

¹⁰ В.И.Класовский [3, с. 8] для одушевленных существительных приводит также вариативную флексию *-ѣи*. С.К.Булич [2, с.237] отмечает наличие в Елизаветинской Библии таких форм, а также форм с окончанием *-овѣ*, однако он указывает, что эти формы встречаются чрезвычайно редко. И послѣ гѡдъ на лѡди зѡбѡвѣ оумерщѡлющихъ... (Числ. 21,6). всѣхъ пѡстырей твоихъ оупасѣтъ вѣтръ (Иер. 22,22).

на -ехъ. Мѣснны вѣдѣтъ тебѣ во всѣхъ предѣлахъ твоихъ...(Втор. 28,40).

Для существительных м.р., в И.ед. оканчивающихся на -ь, в П. мн. обычно встречаются два окончания: -ехъ и -ѣхъ (в старославянском в этой форме было окончание -нхъ). Ёще мѡвимса ѡ влаженнѣхъ и прнснопѡматнѣхъ создѡтелехъ стѡго храма сегѡ (Ект.). И прослѡвиося въ фараонѣ и во всѣмъ вѡннствѣ ѡгѡ, и въ колесницѣхъ и въ конѣхъ ѡгѡ (Исх. 14,17).

Для существительных, в И. ед. оканчивающихся на -и, встречаются два нормативных окончания: -ѡхъ и -ехъ. Тресны да сотвориши себѣ на четырёхъ кравѣхъ одежды своеѡ, въ нѡже ѡбелечѣшиа (Втор. 22,12). И да вѣдѣтъ ѡсьмь столпы и столпа ихъ сребрна шестнѡдесѡтъ: два столпа ѡдномъ столпѣ, и два столпа двѡмъ столпѣ на двѡихъ кравѣхъ ѡгѡ (Исх. 26,25). Однако иногда окончание -ѡхъ(-ѡхъ) встречается и у других существительных м.р. И да възмешн ѡ крове тѣлци, и помѡжешн на рогахъ ѡлтарѣвыхъ перстѡмъ твоимъ...(Исх. 29,12).

У существительных ср.р., в И.ед. оканчивающихся на -о, окончание П.мн. -ѣхъ. Чтѣи ѡца, возвеселѣтса ѡ чадѣхъ (Сир. 3,5). У существительных, в И.ед. оканчивающихся на -е, в П.мн. встречаются окончания -ѡхъ¹¹, -нхъ, -ехъ: Тѡи на морѡхъ ѡсновѡмъ ѡ бѣтъ, и на рѣкѡхъ оуготѡвалъ ѡ бѣтъ (Пс. 23,1). И на всѣхъ пѡлехъ твоихъ ѡзвенѣн мечѣмъ падѣтъ въ тебѣ (Иез. 35,8). И прохѡждѡше всю галилею иисъ, оучѡ на сонницахъ ихъ (Мф. 4,23). Тѡчию въ врѡшнахъ, и питѣѡхъ, и различнѣхъ ѡмовѣнѣхъ, и ѡправданѣхъ плѡти, дѡже до врѣмене исправленѣѡ належѡща (Евр. 9,10).

ЛИТЕРАТУРА

1. Алимпій (Гаманович). Грамматика церковнославянского языка. М., 1991.
2. Булич С.К. Церковнославянские элементы в современном литературном и народном русском языке. СПб., 1893.
3. Классовский В.И. Краткая грамматика церковнославянского языка. СПб., 1857.
4. Павлов А. Практический курс краткой грамматики церковнославянского языка нового периода. Пг., 1915.

¹¹у существительных с основой на шипящую или -ц- орфографический вариант этого окончания -ѡхъ.



Седакова О.А.

Церковнославянско-русские паронимы.

КРѢПОСТЬ – 1: сила, власть, ὑσυχύς: *И звѣри помыныа, и скѣти, и птѣицы небесныа крѣпостію твоєю живи вѣдѣтъ – И дикие звери, и домашний скот, и птицы небесные силой Твоей живы будут (Иуд. 11,7); Гласъ гдѣнь въ крѣпости (Пс. 28,4); И исполнитъ не спсѣется множествомъ крѣпости своею (Пс. 32,16); Да вѣдетъ же намъ крѣпость законъ правды: некрѣпкое бо непомѣзну ѡбретаетъ – Пускай же силой будет нам закон справедливости, ибо бессильное оказывается бесполезным (Прем. 2,11) Ѡ имѣщаго крѣпость ѡставати грѣхи – От Того, Кто имеет власть прощать грехи (Вел.К., ср. п.9); 2: оплот, защита: Крѣпость моѧ и пѣніе моѧ гдѣ и вѣсть ми во спасеніе (Пс. 117,14); 3: мужество, стойкость, ἰσχύς: И возлюбивши гдѧ вѣга твоегѧ всѣмъ сѣрдцемъ твоимъ, и всею дѣшею твоєю, и всѣмъ оумомъ твоимъ, и всею крѣпостію твоєю (Мк. 12,30). • **КРѢПОСТЬ** – один из семи даров Св. Духа.*

КѢПАА – торговля, ἐμπορία: Ѡ добрыа кѣпи вѣшае стѣи ѣакво кровн даѣте, и нѣса наследовате – О, прекрасная торговля ваша, святые, ибо вы отдали кровь и приобрели небеса (Муч. Фом. нед.); Ѡни же небрегши Ѡидѣша, ѡвѣ оуѣво на селѧ своеѧ, ѡвѣ же на кѣпи своѧ (Мф. 22,5).

КѢПѢЛЬ – 1: купальня, место для омовения, κολυμβήθρα: вѣсть же во іерусалимѣхъ ѡвѣчаа кѣпѣль, ѣже ѡврейски глаголетъ видѣсда (Ин. 5,2); 2: сосуд, в котором совершается таинство крещения; сам обряд крещения: Да вѣдетъ ми кѣпѣль кровь изъ ребръ твоихъ ... – Да будет мне омовением (купелью крещения) кровь из ребер Твоих (Вел. К., ср. п.4).

ЛААНІЕ – происки: Не оужасяюса лааніа ворца, на тѧ оупованіе чѣаніа моего ѣмый, благѧа – Не устрашаюсь происков врага, полагая надежду мою на Тебя, Благая (Окт. гл 6, нед. повеч., КПБ, п. 8);

Продолжение. Начало см. Славяноведение, 1992. № 5-6

И избави сихъ (лжкѣвыхъ сопротивныхъ) лѣнїа смиреннѣю мою дѣшъ — И спаси от их происков смуренную душу (Окт. гл. 6, чтв., повеч., КПБ, п. 5).

ЛѢАТЕЛЪ — подосланный (для выведывания), ἐγκαθέτος: Послѣша лѣатели, притворѣющїхъ себѣ праведники быти: да ѣмѣтъ ѡгдѣ въ словесї — Подослали [к Нему] соглядатаев, притворившихся благочестивыми, чтобы поймать Его на [каком-нибудь] слове (Лк. 20,20).

ЛѢАТИ (лѣю) — подстергать, выискивать, ἐνεδρεύω: Лѣюще ѡгдѣ ѣщѣ оуловити нѣчто ѡ оусть ѡгѡ — Подлавливая Его, стараясь уловить что-нибудь из уст Его (Лк. 11,54).

ЛЕГКОТА — легкомыслие, ἐλαφρία: Сїе же хотѣ, ѡгда чтѣ оуѣво легкотѣю дѣлѣхъ — Желая этого, не поступил ли я по легкомыслию? (2 Кор. 1,17); Ѣмже (крѣтомъ) ссѣклъ ѡси водѣ лѣстнѣю и кѣ землї, щѣдре, вѣобразнїа спсѣлъ ѡси всѣхъ — Которым (крестом) Ты рассек воду соблазна и, Милостивый, спас всех, [проведя] к земле богопознания (Окт., гл 3, пят. утр., К.Кр., п. 1).

ЛѢСТНЫИ — коварный, лживый, соблазнительный (см. ЛѢСТЬ): Плѣтскїа страсти ... и лѣстныа пѣмыслы прїснѣ повѣждѣюще — Плотские страсти ... и помыслы соблазна постоянно побеждая (Вел. К., ср. п. 6).

ЛѢСТЬ — 1: обман, ложь, коварство: Мѣже кровей и лѣстїи не преполовѣтъ днѣи своихъ — Мужа крови и коварства не доживут до середины лет своих (Пс 54,24); 2: обольщение, соблазн, приманка, ἀπάτη: И печѣль вѣка сегѡ, и лѣсть богатства подавлѣетъ слово, и без⁵ плода вывѣетъ — И забота мира сего, и обольщение богатства заглушает слово и [оно] становится бесплодным (Мф. 13,22).

ЛИКОВАНІЕ — собрание, сонм: Прїпныа и праведныа и всѣ стѣихъ жѣнѣ ликованїа ... — Преподобные и праведные и все сонмы святых жен (Син. нед. Всех. Св.).

ЛИКЪ — 1: собрание, сонм, χορός: Лицы ѣнѣтестїи неблѣжныи стопѣми ... — Сонмы израильские неувлаженными стопами ... (К. Преобр); 2: собрание поющих, хор, хоровое пение: Да восхвалѣтъ ѣмѣ ѡгѡ въ лицѣ, въ тѣмпанѣ и ѡалтыри да побѣтъ ѡмѣ — Да восхвалят имя его хоровым пением, да поют Ему с тимпаном и псалтирью (Пс. 149,3); Хвалите ѡгдѣ въ тѣмпанѣ и лицѣ — Славим Его тимпанами и хорами (Пс. 150,4); И ѣкѡ грядѣи привлїжнѣ кѣ дѡмѣ, слыша и лики (συμφωνίας καὶ χορῶν) (Лк. 15,26); 3: хоровод: И сѣ ѡгда нзѣдѣтъ дѣѣри живѣщихъ въ снѡмѣ плѣсѣти въ лики ...

ЛИЦѢ — 1: лицо, πρόσωπον: Прѣобразнѣ прѣд⁵ нїми, и просвѣтнѣа лицѣ ѡгѡ ѣкѡ сѡнце (Мф. 17,2); И начѣша нѣцыи плѣвѣти нѣнѣ, и прикрывѣти лицѣ ѡгѡ, и лѣчити ѡгѡ (Мр. 14,65); 2: наружность, ὄψις: Не сѣдите на лица, но прѣвнѣи сѣдѣ сѣдите — Не судите по наружности (хѣт' ὄψιν) но судите праведным судом (Ин. 7,24); 3: персона, личность, πρόσωπον: И нерадїши ни ѡ кѡмже: не зрїши бо на лицѣ чѣловѣкомѣ — И не заботишься (угодить) кому-либо: ибо не смотришь ни на какое лицо

(Мф. 22 16); Не на лица зраце (προσωποληψίας) имайте веру гда нашего
и҃са хр҃та славы – невзирая на лица, имейте веру Иисуса Христа,
нашего Господа славы (Иак. 2,1); 4: ипостась: Чтò есть ипостась; Лице
единосъщное, ѡбразъ естества ѡчаго (Пс. Символ); Ѱбразно ѣкво видѣ
и҃саа е҃га въ трѣхъ лицѣхъ словословима (Окт. гл. 3); • в
плеонастическихъ выраженияхъ: ЛИЦЕ ЗЕМЛИ и под.: Предидеши во предѣ
лицемъ гднимъ (Лк. 1,76); Ѱже еси оуготоваа предѣ лицемъ всѣхъ людѣи
(Лк. 2,31); Ѱкво сътъ во приидетъ на всѣ живѣщыа на лица всѣа земли (Лк.
21,35); И лица ваша не постыдаѣтся (Пс. 33,6); [Кости] мнѡги селѡ на
лица поаа (Иез 37,2).

ЛИШАТИ (ЛИШАЮ), **ЛИШИТИ** (ЛИШУ) – неоставать: Гдѣ пасѣтъ мѣ, и
ничтòже мѣ лишитъ – Господь – мой пастырь, и ничто не будет у
меня в недостатке (Пс. 22,1).

ЛИШАТИСА (ЛИШАЮСА) – впадать в скудость, терпеть недостаток,
υστερεῖσθαι: Бысть гладъ крѣпокъ на странѣ той, и той начатъ лишатица –
Наступил великий голод в стране той, и он (блудный сын) стал
терпеть нужду (Лк. 15,14).

ЛИШЕНИЕ – скудость, недостаток: Нѣсть лишениа боащиса е҃го (Пс.
33,10).

ЛОВЕЦЪ – рыбак: Оумудривый паче ритѡрѡ ловцы – Умудривший рыбаков
более чем [ученых] риторѡ (Под чт. 3.нед).

ЛОЖЪ – ложный, ненадежный, лжец (совр русскому ложь
соответствует лжа): Ложъ конь во спсѣние – Ненадежен конь для
спасения (Пс. 32,17); Азъ же рѣхъ во иствплѣнии моемъ: всѣкъ человекъ
ложъ – Я же сказал в неистовстве моемъ: «Каждый человек лжив
(ненадежен)». (Пс. 115,2); Аще речемъ, ѣкво не согрѣшихомъ, лжа творимъ
е҃го и слово е҃го нѣсть въ насъ – Если же мы говорим, что не
согрѣшили, представляем Его лжецом, и слово Его не пребывает в
нас (I Ин. 1,10).

ЛОНО – недра, грудь, пазуха, κόλπος: Е҃га никтоже виде нигдѣже – Бога
не видел никто никогда; Единородный снѣ, сый въ лонѣ очи, той исповѣда
– Единородный Сын, сущий в недре Отчем, Он явил (Ин. 1,18).

ЛЖАВЫЙ – злой, дурной, низкий, πονηρός: Да не ѡвличаѣтся дѣла е҃го,
ѣкво лжава сѣтъ – Чтобы не стали явны дела его, ибо они злы (Ин 3,
20); Изми мѣ гдн ѡ человека лжава – Спаси меня, Господи, от
человека злого (Пс. 139,1); Тебѣ единому согрѣшихъ и лжавое предѣ
тобою сотворихъ – Тебе Единому согрѣшил я и зло перед Тобой
сотворил (Пс. 50,6); Но извави нас ѡ лжаваго (Мф. 6,13) • Дѣхъ
ЛЖАВЫЙ – нечистый.

ЛЖШИ – высший, божественный, κρείττων: Блаженъ еси ты ѣзвы
ѡсзавый лжшаго ребра – Блажен ты (апостол Фома), осзавший раны
божественного ребра (Под. Фом. нед, пт.); Иже дохновѣниа причаща
лжшаго адамъ перстный – Адам [созданный] из праха, причастившись
божественного духа ... (КРГ (Маюм.)); Силою лжшаго повѣдившѣ тебѣ,

Ѣ ПЛОТИ ДѢША ТВОА РАЗДѢЛИСА – Когда Ты побеждал силой высшего [естества], душа Твоя от плоти отделилась (К.Вел.Сб.);

ЛЮБОПЫТНЫЙ – испытывающий, исследующий, ἐξεταχτής (ἐξετάζω): Любопытною десницею, жизнеподательнаа твоа ребра двина испыта – Испытующей рукой Твои дарующие жизнь ребра Фома коснулся (Конд. Фом. нед).

ЛЮДИЕ – народ, λαός – избранный или Божий народ (λαὸς Θεοῦ) в противопоставление **ЯЗЫКОМЪ** – языческим народам; при этом цсл. **НАРОДЪ**, **НАРОДЫ** (см.) означает толпу, ὄχλος: Да не когда рекѣтъ ЯЗЫЦЫ: гдѣ ѣсть вѣтъ ѿхъ ... мы же людие твои и овцы пажити твоа – Чтобы не сказали языческие народы: «Где Бог их?» – мы же Твой народ и овцы Твоей пажити (Пс. 88, 10–13); свѣтъ во ѿкровѣніе ЯЗЫКОМЪ и слава людей твоихъ Ісраіма – Свет в откровение языческим народам, и славу Твоего народа, Израіля (Лк. 2,32); Иже иногда не людие, нынѣ же людие вѣи – Прежде не бывшие народом, ныне же – народ Божий (I Петр. 2,10); свѣтъ хотѣще проповѣдати людямъ (Іудейскимъ) и ЯЗЫКАМЪ – Желал проповедовать свет народу (иудейскому) и язычникам (Деян 26,23).

ЛѢТО – 1: время, χρόνος: Въ лѣто безлѣтнаго родила ѡси ... – Во времени родила Вечного (Вневременного); 2: год: Благословіши вѣнѣць лѣта влѣгости твоа (Пс. 64,12).

ЛЪСТѢЦЪ (ЛЕСТЦА) – обманщик, соблазнитель, πλάνος: Нынѣ ли лестца ѡго творите; – Представляете ли Его обманщиком?; Іакъ лъстѣць вѣтъ ѡклеветѣется – Бога обвиняют как соблазнителя (К.Вел.сб., п.8).

ЛЪСТІТН (ЛЪЩ) – обманывать, соблазнять, πλανάω: ѿиин глаголахъ, Іакъ вѣтъ ѣсть: инии же глаголахъ: ни, но лъстѣтъ народы – Иные говорили, что Он благ, другие же говорили: «Нет, но обольщает толпу» (τὸν ὄχλον) (Ин. 7,12).

МАЗАТИ – помазывать, ἔλαυνον: И всы многи изгонѣхъ мазохъ масломъ многи недѣжныа, и исцѣлѣвахъ – И изгоняли многих бесов, и помазывали маслом многих больных и те исцелялись (Мр. 6,13).

МѢЛО – немного, μικρόν: И прошѣдъ мѣло, падѣ на лицѣ своѣмъ моляса – И отойдя немного, пал на лице Свое, молясь (Мф. 26,32);

МАЛОЛѢТНЫЙ – краткодневный: Человѣкъ во рождѣнѣ ѿ жены малолѣтенъ и испѣни гнѣва – Человек, рожденный от женщины, краткодневен и пресыщен скорбями (Иов 14,1).

МѢСТЬ – 1. миро, χρίσμα: Маріа помаза нѡсѣ Іисѡсѣ ... храмїна же испѣниса ѿ вѣни мѣсти благовоннаа – Марія ... помазала ноги Иисусовы ... и дом наполнился запахом благовонного мира (Ин. 12,13); 2. масло, елей: Іакъ тѣка и мѣсти да испѣниста дѣша моа и оустнама радости восхвалятъ тѣ оустѣ моа – Как туком (жиром) и елеем да насытится душа моя и гласом радости (букв. радостными губами) восхвалят Тебя уста мои (Пс. 62,6).

МѢРТВЕННЫЙ – смертный, θλιτός: Да не царствѣтъ оубо грѣхъ въ

мёртвеннѣмъ въшемъ тѣлѣ — И так, да не царствуетъ грѣхъ въ смертномъ вашемъ телѣ (Рим. 6,12).

МЁРТВЫЙ — 1: смертный, θλητός: ѿ мёртвыхъ чреслъ произвѣдшися, вѣтствѣмъ подбѣно, чистаа, исхождѣніе разрѣши — Произшедши отъ смертныхъ чреслъ, Чистая, сообразную природѣ и кончину Ты имела (К.Усп. (Дамаск.)); 2: мертвый, мертвецъ, νεχρός: χρ̄тосъ воскресѣ ѿ мёртвыхъ смёртію смёрть поправъ ... (Троп. Воскр.).

МЕРЦАТИ — омрачаться, темнеть. см.: **НЕМЕРЦАЮЩІЙ**.

МЕТАНІЕ — земной поклон.

МЕТАТИ — бросать, βάλλω: раздѣлиша ризы моѣ себѣ, и ѿ одѣжди моѣи меташа жрѣбіи (Пс. 21,19); И распеншии ѣго раздѣлиша ризы ѣго, метаютъ же жрѣби ѿ нихъ кто что вѣзметъ (Мр. 15,24).

МИЛЫЙ — жалкій, ἐλειός: и воставъ идѣ ко отцѣ своему: ѡщѣ же ѡмъ далѣче сѣбѣ, οὐρᾱт̄ ѣго отцѣ ѣго, и милъ ѡмъ бѣсть — И вставъ, пошелъ къ отцу своему; и когда онъ былъ еще далеко, увидѣлъ его отецъ его и сжалился (Лк. 15,20); • **МИЛЪ СЯ ДѢЛАТИ** — умолять: И мѣли сѣ дѣлѣтъ (Л.Зл.).

МИРЪ — покой, примирение, εἰρήνη: Слава въ вѣшнихъ бѣгъ и на землѣи миръ, въ челоуѣцѣхъ благоволеніе (Лк. 2,14); Не привлѣцѣ мене со грѣшники, и съ дѣлающими неправдѣ не погуби мене, глаголющими миръ съ ближними своими, слѣа же въ сердцахъ своихъ — Не причти меня съ грѣшниками, и не погуби меня съ дѣлающими неправедное, которые говорятъ о мирѣ ближнему своему, а въ сердцѣ ихъ — зло (Пс. 27,3).

МИРНЫЙ — принадлежащій этому миру: Дарѣа намъ мирнаа и премирнаа благѣа твоѣа — Даруя намъ Твои блага мирскіе и надмирныя (этой жизни и будущей) (Утр.).

МИРЪ — 1: вселенная, κόσμος: Приидите благословенніи дѣцѣа моѣго, наследѣйте оуготованное вамъ царствіе ѿ сложеніа міра (Мф. 25,34); χр̄тѣ, свѣтѣ истинный, просвѣщѣаа и ѡсвѣщѣаа всѣаго челоуѣка, градѣаго въ миръ (Утр.); 2: миръ, населенный людьми, οἰκουμένη: Вземлаа грѣхъ міра помилѣа насъ (Л.Зл.); И пришедъ ѡнъ ѡбличитъ миръ ѿ грѣсѣа и ѿ правдѣа и ѿ сѣдѣа (Ин. 16,10); • **МИРЪ СЕИ** въ противоположность духовному миру, ср. Вѣкѣ сѣи: Іаковъ князь міра сегѣа ѡсвѣдѣнъ бѣсть (Ин. 16,11).

МНИМЫЙ — ценимый, почитаемый, δοχοῦντος: Предложихъ имъ блго-вѣствованіе, ѣже проповѣдѣю во ѡсѣщѣхъ: наединѣ же мнимымъ — Я изложилъ имъ [апостоламъ] благовѣствованіе, которое проповѣдую среди язычниковъ: въ особенности же почитаемымъ (Гал. 2,2); іаковъ и кіфа и іоаннъ, мниміи стѣпни быти — Иаковъ и Кіфа и Иоаннъ, почитаемыя столпами (Гал. 2,9).

МНѢЩІЕСЯ — то же, что **МНИМЫЙ**, δοχοῦντος: ѿ мнѣщѣса же быти чѣдѣ, іаковъ некогда бѣша ничтоже ми рѣзнствѣтъ — И въ знаменитыхъ чемъ-либо, какими бы они не были прежде, нетъ для меня ничего особеннаго (Гал. 2,6).

МНОГОТРОДНЫЙ — имеющій много страданій (см. трѣдъ): ѡславленіе

тѣло (въ многотѣднѣмъ плѣти – Ослабление страданий многострадальной плоти (Пол. Повс.).

МОЛВѦ – 1: смятеж, смута (см.: **БЕЗМОЛВЕННЫЙ**), τάραχος: Бѣсть же во время оно молвѦ не мѦла ѿ пѣти гдѣни – Случился в то время немалый мятеж против путей Господних (Деян. 19,23); Ничтоже оупрѣваетъ, но паче молвѦ бываеъ прѣемъ водѣ, оумы рѣцѣ предъ народомъ – [Пилат, видя], что ничего не достигает, но смятение возрастает взял воды и умыл руки перед народом (Мф. 27,24); И видѣ молвѣ, плачущыя и крѣчущыя многѣ – И увидел [Иисус], смятение, и плачущих и вопиющих горько (Мр. 5,38); 2: смятение, суета: Не дастъ (гдѣ) въ вѣкъ молвѣ праведникъ – Не даст Господь вовек смятения праведному (Пс 54,23); Плавающаго въ молвѣ житѣйскихъ попечѣнїи, съ кораблемъ потопляема грѣхѣи ... (возвѣди ѣзъ глѣбини менѦ) – [Меня] плавающего в суете житѣйскихъ забот, грехами потопляемого [вместе] с кораблем (К. Пятид., 7 гл.)

МОЛВЕНТИ – 1: смущаться, тревожиться, φορῦβω: Не молвите: ѣво дѣша ѣгѣ въ немъ ѣсть – Не тревожьтесь, ибо душа его (обмершего юноши) еще в нем (Деян. 20,10); Что молвите и плачетеса; ѣтроковница нѣсть оумерла, но спѣтъ (Мр. 5,39); И пришедъ ѣисъ въ домъ княжѣ, и видѣвъ сопцѣи и народъ молващѣ – И прийдя в дом начальника и увидев свирельщиков и людей в смятении, Иисус ... (Мф. 9,23); 2: суетиться, заботиться: Марфа же молваше ѿ мнозѣ сѣжѣтѣ – Марфа же заботилась о большом услужении (διακονία) (Лк. 10,40).

МОРАЧНЫЙ – темный: Избави нас ѿ всѦкаго всегѣвѣтельнаго и мрачнаго прегрѣшенїа (Час 6).

МЫСЛЕННЫЙ – 1: духовный *син.* оумный, словесный, невестиственный: Прїимѣ ѣхъ мольбѣ въ преневѣсный и мысленный твоѣ жѣртвенникъ – Прими их молитвы к Твоему жертвеннику небесному и духовному (Утр.); Граждане нѣвин, сослѣжѣвницы мысленным чинѣмъ – Граждане неба, сослужители чинам духовным (ангелов) (К.А.); 2: понимаемый в образном смысле: мысленный вѣкъ

МЫСЛЕННЫА ѦЧИ – духовное зрение, *син.*: оумныа Ѧчи: И нынѣ просвѣтѣи Ѧчи мысленныа, ѿверзи моѣ оустѣи поучатиса словесемъ твоимъ ... (Млв.).

МЪДРОВАНІЕ – помышление, мысль, образ мыслей, φρόνησις: Мъдрованїе во плѣтское, смѣртъ ѣсть: Ѧ мъдрованїе дѣвное, живѣтъ и мїръ – Помышление (образ мысли) плотское – смерть, а помышление духовное – жизнь и мир (Рим. 8,6).

МЪЖЪ – 1: человек, ἄνδρος: Уиса назωрѣа, мѣжа ѿ вѣга ѣзвѣствованна въ васъ силами и чѣдесѣи и знаменїи ... прїгвожаше оубѣисте (Деян. 2, 22–23); ѿверѣтохъ даvida сына ѣссѣова, мѣжа по сѣрдцѣ моимѣ, ѣже сотворѣтъ всѦ хотѣнїа моѣ (Деян. 13,22); 2: мужчина; также в обращениях: Мѣжѣ, виждѣ, ѣяко съ досаждѣнїемъ и многою тѣтѣю ... хѣцетъ быти плаванїе ... Тѣмже держайте, мѣжѣе ... (Деян. 27, 10–15); 3: взрослый, в

противопоставлении ребенку: ὅτῳ δὲ ἂν ἐπιθῆται ἡ μάστιξ ἢ ἡ ῥοπαλὴ, ὁ υἱὸς τοῦ ἀνθρώπου ἔσται ὡς οὗτος ἄνθρωπος. — Когда же я стал мужем, оставил ребяческое (I Кор. 13,11); 3: супруг, ἀνδρός, ἀνὴρ: Добре рекла ѿн, ꙗко мужа не ꙗмають: ꙗкъ во мужей ꙗмаа ѿн: и нынѣ, ѿбоже ꙗмаши, несть ти мужъ (Ин. 4, 16-17); Нѣсть во мужъ ѿ жены, но жена ѿ мужа ... ѿбаче ни мужъ безъ жены, ни жена безъ мужа ѿ гдѣ. ꙗкоже во жена ѿ мужа, сѣце и мужъ женю, всѧ же ѿ вѣга — Ибо не муж от жены, но жена от мужа [создана]. Однако ни муж без жены, ни жена без мужа, в Господе. Ибо как жена от мужа, так и муж через жену; и все — от Бога (I Кор.11, 8, 11-12).

МЪЧИТЕЛЬ — 1: властитель, τυραννος: Волною морскою скрывшаго древле гонителя мѣчителя ... — [Того, кто] волною морскою скрыл в древности догонявшего властителя (фараона) (К.Вел.Сб.); По всѧ дни стазѧса во оучилищи мѣчителя некоего —(Апостол Павел) ежедневно преподавал в училище некого тирана (Деян. 19,10); 2: палач, экзекутор, βαδανιδτής: И прогнѣвася господь ѿгю, предаде ѿгд мѣчителемъ, дождеже воздастъ весь долгъ свой —И разгневавшись, господин его отдал его истязателям, пока [тот] не отдаст весь свой долг (Мф. 18,34).

МЪЧИТЕЛЬСТВО — власть, τυραννίς: распенѣсѧ теюъ хртѣ, погнѣе мѣчиительство, попрана вѣстъ сила вражѧ — Когда Ты распят был, Христе, погибла власть, попрана была сила врага (Сед.крест.,гл.1)

МЫШЦА — рука от локтя до плеча; фиг. деятельная сила: По величю мышцы твоѧ снабди сыны оумерщвлѣнныхъ —Могуществом мышцы Твоей сохрани сынов убитых (Пс 78,11).

МАТЕЖНЫЙ — возмутительный, приносящий беспокойство: ꙗко той ѡбѣавитъ тѧ ѿ сѧти лѣвчи, и ѿ словесе матежна — Ибо Он спасет тебя от сети охотника и от дела возмутительного (Пс. 90,3).

МАТЕЖЪ смятение: Оустѧви сердце мое ѿ настоѧщего матежа — Укрепи сердце мое от нынешнего смятения (К.Ан. и Арх); Но оутѣшиа ѿн матежъ душн ихъ — Но Ты успокоил смятение душ их.

МѢСАЧНЫЙ — лунатик, σεληνιαζόμενος: и приведоша къ немѢ всѧ волщыа ... и мѢсачныа (Мф. 4,25).

МѢХЪ — бурдюк, кожаный мешок (для хранения вина и др.), мехъ: Занѣ вѣхъ ꙗко мѢхъ вѣды морскѧ — Хотя я стал, как мех выброшенный на мороз (Пс. 118,83); Собирааи ꙗко мѢхъ на слѧнѣ — Собирающий, как меха, морские воды (Пс. 32,7).

НАВАДНИ (НАВАЖДЪ) — побуждать к чему-либо, учить, προβιάζω: Она же наваждена матерюю своею, ... — И та, научена матерью своею,...(Мф. 14,8).

НАВАЖДЕНИЕ — подстрекательство, вторжение, нападение, ἐπαγωγὴ: ѿ наваждѣнѧ дѧвома (вражѧ).

НАГІЙ — 1: обнаженный, лишенный: Испорѣда тебе вѣтн вѣга не нага и человека не прѣста — Он (апостол Фома) исповедал, что Ты не в наготѣ (т.е. не невоплощенный) Бог и не только человек (Стих. Фом.Нед); 2: (с Род. п.) лишенный чего-либо, син.: ꙗстъи: Нагъ

ѣсмь чертога, нѣгъ ѣсмь и врака, кѣпно и вечера — Лишен я чертога, лишен и брачного пира, вместе и угощения (Вел. К.).

НАДЛЕЖАТИ (НАДЛЕЖЪ) — лежать сверху: И печѣть на камени надлежаше — (Св. 6).

НАЗНАДѢТИ (НАЗНАДѢЮ) — 1: строить (на готовом фундаменте): Основаніе положихъ, и инъ же назнадѣтъ — Я положил основание, другой же строит (I Кор. 3,10); 2: созидать: Спасеніа потоки источникъ вси воды же и крове наздаа сокращенныа тлєю — Ты источник потоки воды и крови, создал разрушенных смерью (Окт. гл.1, пт, стих блаж.).

НАИТИ (НАИДЪ) — сойти: Бжественнаго дха нашедшаа сила (К. Пт. (Маюм)).

НАКАЗАНИЕ — 1: вразумление, ουθεσία: Вретика человека по первомъ и второмъ наказаніи Фрицайс — Еретика после первого и второго вразумления отвращайся (Тит. 3,10); Пріимите наказаніе, да не когда прогнѣветса гдѣ — Примите вразумление, чтобы не прогневался Господь (Пс. 2,12).

НАКАЗАТИ (НАКАЖЪ) — обучить, вразумить, παιδρεύω: Наказанъ извѣстнѡ отеческомъ законѣ — Тщательно обучен отеческому закону (Деян. 22,3); радѣйс, ты во наказаніи вси окраденныа оумомъ — Радуйся, ибо Ты вразумила обманутых умом (КАПБ); Блаженъ человекъ, егѡже аще накажеши гдѣ, и ѿ закона твоегѡ навчиши егѡ — Блажен человек, которого Ты, Господи, вразумишь и в законе Твоем наставишь (Пс. 93,12); И до нѡщи наказаша мѣ оутрѡвы моѣ — И до ночи вразумляло меня внутреннее мое (Пс. 15,7).

НАЛОГЪ — насилие, нападение: И налоги вѣсовъ ѿгоняюще (КМПБ).

НАПАСТЬ — нападение: Мимошедшее время ноци сѣа вѣзъ напасти прейти ѿ всѣакагѡ зла противна — Прошедшее время ноци этой пройти без нападения [со стороны] всякого вражеского зла (Млв.).

НАПИСАТИ (НАПИШЪ) — сделать перепись: Изиде повелѣніе ѿ кесарѣ Августа, написати всю вселеннью — Вышло повеление от кесаря Августа сделать перепись всей земли (Лк. 2,1).

НАПРАСНО — внезапно, неожиданно: Семѣ напрасно ходити повелѣвъ и сегѡ носившии одръ на рама вѣзати — Внезапно приказал ему (расслабленному) пойти и одръ, на котором его несли, взять на плечо (Конц. нед. 4); Напрасно сѣдѣа прійдетъ и коегѡждѡ дѣлнїа ѡбнажатса (Млв.).

НАПРАСНЫЙ — внезапный: Поострѣтъ же напрасный гнѣвъ во дрѣжїе (Прем. 5,20).

НАРОДЪ, НАРОДЫ — толпа, множество людей, ὄχλος. В современном значении «народ» — людїе, языцы (см.): Видѣвъ же народы, милосердова ѡ нихъ — Видев толпы народа, Он сжалился над ними (Мф. 9,36); Мнози же ѿ народа вѣрѡваша въ негѡ (Ин. 7,31); И исходящѣи ѡмѣ ѿ іерїх (она, по немъ иде народъ много) (Мф. 20,29).

НАСАДИТЕЛЬ — садовник: Идкѡ начатки естества, насадителю твари, вселеинала принѡситъ ти гдѣ, бгн (осныа мѣченики — Как первые плоды

природы Тебе, Господи, посадившему [как садовник] творение, мир приносит богоносных мучеников (Посл. изобр.).

НАСТАВНИ (НАСТАВЛЮ) – провести: И настави ѿ въ възднѣ ѿкво въ пѣстыни – И провел их по бездне [морской], как по пустыне (Пс. 109,5); Но въ тѣхое пристанище настави мѧ гдѣ – Но к надежной пристани проведи меня, Господи (По Каф. 2; Троп.).

НАСТОАНИЕ – наступление: Пѣвѣнными ѿзбавленіе ѿ сопротивныхъ настоаній (Окт., гл. 2, К. воскр., п. 5).

НАСТОАТИ (НАСТОЮ) – наступать, ѣвестѣх: ѿкво оуже настонтъ день хрѣтовъ (II Сол. 2,2).

НАТКАННЫЙ – плотно набитый, нагнетенный, τεπιπνευος (πιεζω – давить): Дайте, и дастся вамъ: мѣрѣ доброй, натканѣ и потрясенѣ и преливающѣся дадутъ на лоно ваше – Давайте, и дастся вам: мерой доброй, плотно набитой, утрясенной и переполненной отсыплют вам в лоно ваше (в подол ваш) (Лк. 6,38).

НАУКА – научение: ѿже ѿ юности и ѿ науки слѣ – Которые [грехи] произошли по причине юности и от дурного научения (Млв.).

НАЧАЛО – 1: начало в самом широком смысле, αρχή: В началѣ сотвори бгъ небо и землю – (Быт. 1,1); 2: начало (в хронологическом смысле): Всѧ же сѧ начало болѣзнемъ (Мф. 24,8); 3: основание: Начало премѣдрости страхъ гдѣнь – (Пс. 110,10); 4: глава (власть): И шѣтъ гдѣ ѿ ісраиля главѣ и ѡшнеъ, велика и мала, во ѣдинъ дѣнь; старца, и чѣдѣщихѣся лицамъ, сѣ начало: и пророка оучаща беззаконнаа, сѣи ѡшнеъ – И отсечет Господь у Израиля голову и хвост, великое и малое в один день: старый и знатный – это глава, и пророк, учащий беззаконию, – это хвост (Ис. 9,14–15).

НАЧАЛЬНИКЪ – глава, владыка, начинатель – Поѣмъ воскресшемѣ ѿзъ грѣба, и начальникѣ жизни нашеѣ (Троп. Воскр.); Стратѣей моихъ начальницы ѡвѣаша мѧ прѣчѣла (Окт. гл. 5, пнд. КПБ, п. 3).

НАЧАЛЬСТВО – главенство, власть: ѡгвоже начальство бысть на раме? ѡгво – Владычество Его – на плече Его (Ис. 9,6).

НАЧАТОКЪ – начало, αρχή: Ты ктѣ всѣи; И речѣ ѿмъ ѿнсъ: начатокъ (Ин. 8,25); ѿзъ ѡсмы ѧлфа и ѡмега, начатокъ и конѣць – Я альфа и омега (первая и последняя буква алфавита), начало и конец (Откр. 21,6).

НЕВѢРНЫЙ – тихий: ѿнемогающымъ пристанище невѣрное (Час 3).

НЕВЕЧЕРНИЙ – незаходящий, не знающий заката: Подъ землѣю же не вечернее снѣце ѡще и нынѣ ѡсть – Еще и ныне незаходящее Солнце – под землей (Стих. Нед. Мир.); Зашѣлъ ѡси плѣтѣю въ землю, не вечерний свѣтонѡсець – Ты ушел плотью в землю, светоносец, не знающий заката (Утр. Вел. Сб.).

НЕВЕЩЕСТВЕННЫЙ – духовный, нематериальный (См. ВЕЩЕСТВО): Плѣтскими ѡбразованіи безплѣтныхъ силъ къ мысленномѣ и не вещественномѣ возводими оумѣ – Через плотские образы (изображения во плоти) бесплотных сил (мы) возводимся к духовному и нематериальному

уму (Духу) (Утр.); Вещественна огнь пламень невестественнїи оугасиша — Пламя материальной огня угасили нематериальные (бесплотные). Житїе очищено, жизнь же невестественнѣ, показалъ ѿси прѣтече въ вещественнѣмъ тѣлеси (Окт., гл.5, вт.,К.Предт. п.1); Прїятъ въ вещественнѣ дѣа невестественнаго, въ причастїи вещества — Приняла во плоти Дева Бесплотного, принимающего плоть (Окт. гл. 4, Нед. утр. КПБ, п.4).

НЕВІДИМЫЙ — 1: не имеющий вида (см. видъ): Земля же бѣ невидима и неострѣна — Земля же была безвидна и пуста (Быт. 1,2); 2: невидимый в противоположность видимому (син. оумный, невестественный и др.: Творца неба и земли, видимымъ же всемъ и невидимымъ (Симв.Веры).

НЕВИНОВНЫЙ — не имеющий внешней причины: Гдначалїе безначальное ...винѣ невиновнѣ, творителнѣ, присносѣннѣ, промыслителнѣ и спасителнѣю всемъ ... славаю тѣ бже мой — Владычество над которым нет владычества ... причину, не имеющую причины, творческую, промыслительную и спасительную для всех ... — славлю Тебя, Боже мой (Окт. гл.8, нед. К.Тр., п.8).

НЕВКУСНЫЙ — не вкусивший, непричастный: Непороченъ же ѣако невкусенъ скверны — Непорочен, ибо непричастен скверны (К.Воскр.).

НЕВРЕДНО — невредино: Достоуженїи, спсаете невредно вѣгоизбранное стадо — (Окт., гл. 4, пят. веч., Стих. муч. и преп.).

НЕВРЕДНЫЙ — невредимый: Всякій лѣкавый оупразднїи сопротивлежацихъ совѣтъ и стѣженїе дѣмонсвѣ, невредна соблюдай мѣ присно — Уничтожь всякий злой замысел врагов и устрошение демонов, соблюди меня невредимымъ всегда (Окт. гл.2, Нед., К. полун., п. 8).

НЕВѢРНЫЙ — не имеющий веры (см. вѣрный), неверующий: Радуйся, неврнѣ свннїтельное слышанїе, вѣрныхъ извѣстнаѣ похвалѣ — Радуйся, [для] неверующих смутный слух; радуйся, [для] верующих несомненное прославление (КАПБ).

НЕГОДОВАТИ — отвергать: ѣако не оуничжи ниже негодова мѣтвы ницаго (Пс. 21,25).

НЕДОВОДОМЫЙ — непостижимый: Существо недовезначальное, доброто недоведомѣ (Окт.гл.4, Нед.утр. К.Тр.,п.8).

НЕДОРАЗВѢВАЕМЫЙ — непостижимый разумом, ἀγνοστός: Развѣ недовѣваемый развѣти дѣа ищщи — Дева, желая уразуметь смысл, непостижимый разумом (γυνῶσιν ἀγνοστόν) (КАПБ).

НЕДОУМНІЕ — неумение, неспособность сделать что-либо, ἀμνησία: Моли, извѣвити ми сѣ всѣакоу недоумнїиѣ — Моли, (Ангел хранитель), чтобы избавиться мне от всякого замешательства (К.А.); Сердца моего ѿкаменѣнное Шженїи недоумнїе (Окт.гл.4, ср., КПБ, п.7).

НЕДОУМѢТИ — не знать, не уметь, не быть способным: Всякого во швѣта недоумѣюще; сїю тїи молитвѣ ѣако влѣцѣ грѣшнїи принѣсимъ — Ибо, не находя никакого оправдания, мы, грешники, приносим Тебе эту молитву,

как – Владыке (Млв.).

НЕЗАВѢННЫЙ – всё помнящий: Страхёса сѣдища незытнаго, и сѣди
незавѣннаго – Страхусь неподкупнаго суда и всё помнящаго
Судии (Окт., гл.1, вт. КПБ, п.9).

НЕЗАВѢСТНО – изобильно, щедро: Ѹбщники вѣства твоего содѣловави
незавѣстно – Ты, щедро делающий нас приобщенными к Твоему
Божеству (Млв.).

НЕЗАХОДНЫЙ (НЕЗАХОДАЩИЙ) – непреступный; тот, в который нельзя
войти: Во гробѣ заходящи животворитъ сѣшылъ въ незаходныхъ ѡдвыхъ
мѣстѣхъ – Уходя в гроб, Он животворит тех, кто [заключен] в
непреступных местах ада (Утр.Вел.Сб.); Да вѣдеш оумъ зрѣи вѣа и
достигнеши незаходящій мракъ въ видѣни – Чтобы стать тебе умом, зр-
ящим Бога, и достигнуть в созерцании непреступной тьмы (Вел.К.,
вт. п.4).

НЕЗАБВІЕ – непорочность, ἀχαχία: Не вѣди мнѣ правдивыми нареши вѣсь,
дѣндеже оумрѣ: не изменю во забвѣла моего – Не признаю, что вы
правы, пока не умру, ибо не уступлю вам непорочности моей (Иов.
27,5); Ѥзь же забвѣемъ моимъ ходихъ (Пс. 25,12).

НЕЗНАГОЛАННЫЙ – неизреченный, ἀνεφράτος.

НЕЗНАДОВАННЫЙ – непостижимый: Творящаго прѣсно съ нами великаа же
и незнадованнаа – Всегда творящего с нами великое и
непостижимое (Пол.повс); Незнадование, со страхомъ зовѣ ти –
Непостижимый, со страхомъ взываю к Тебе (КАИС).

НЕНСКОСНЫЙ – не выдерживающий пробы, негодный, ἀδόκιμος (см.
ѤСКѢИТИ): Да ни вѣднаго Ѹ насъ нескѣсна сотвориши, но всѣ ны снабди
щедрѣтами твоими – Никого из нас не сделай негодным (не
выдерживающим испытания), но всех укрепи милостью Твоей (Утр.).

НЕИСТОВСТВО – безумие, μανία: Пѣрвѣе Ѹринѣла ѡси неистовство страстей,
нѣжко стѣжающихъ – Вначале отвергла ты безумие страстей,
насилъственно угнетающих (Вел.К., чт., п.7).

НЕКЛЮЧНЫЙ – негодный, ἀχρεῖος: И неключимаго раба вверзите въ тмѣ
кромѣшюю (Мф.25,30).

НЕЛѢСТНѢ – бесхитростно: Нелѣстнѣ наѣчихса, безъ зависти преподаю
(Прем. 7,8); Во гавниѣ низвлечёса прегрѣшеній, вѣнце чѣла, двѣша моѡ ...
тѣмже ненадежно спаси мѡ (Окт. гл5, пнд. КПБ, п.6).

НЕЛѢСТНЫЙ – правый, неложный, безобманный (см. лѣсть, лѣстный):
Ѥарсонъ приношаше ѡгнь вѣъ, непорѣчный, нелѣстный (Вел.К., вт., п.5).

НЕМЕРЦАЮЩИЙ – немеркнувший: Спаща мѡ сохрани немерцающимъ свѣтомъ
дхмъ твоимъ стѣимъ (Млв.).

НЕНАДѢЖНО – без надежды, сверх надежды: Ѹ печѣли и радости
прешѣдшылъ ненадежно, вѣрою ѡбѣе прѣмѣнившылъ житіе, въ благодѣнствѣи
пострадавшылъ или злодѣнствѣи, всѣ оупокѡй спсе нашъ – Перешедших [в
иной мир] от печали и радости без надежды, и вдруг по вере
изменивших свою жизнь, и пострадавших в свои благие дни или в

злые, всех упокой, Спаситель наш

НЕНАДЕЖНЫЙ – не имеющий надежды: *Иже ненадежныхъ еди́на наде́жда – Ты (Богородица) единственная надежда тех, кто не имеет надежды (Вел. пов.).*

НЕНАКАЗАННЫЙ – невоспитанный, невежественный, грубый, ἀπαίδευτος: *Вѣхъ же и ненаказанныхъ стѣзаний ѿнцѣйсѧ – От глупых и невежественныхъ состязаний уклоняйся (II Тим. 2,23).*

НЕОПИСАННЫЙ – 1: неограниченный, неместимый (см. **ОПИСАТИ**, **ОПИСАННЫЙ**): *Всѧ исполнилѧ неописанный – Всѧ наполняющий, неместимый (Час. Пасх.); Въ гробѣ заключенъ описанною плотию твоєю, неописанный хѣтѣ воскресѣ вси – Заключенный в гробе плотью, которую можно вместить, Ты воскрес, неместимый Христе (Кан. Нед. Фом.); 2: непредставимый, невыразимый: Бж҃ество неописанное (КАИС).*

НЕОПРЕДЕЛЕННЫЙ – беспредельный, неместимый: *Вседержителю вѣже и еди́не неопределенный, вселѧсь въ мѧ за неизреченную милость (Окт. гл.8, нед. утр. К. Тр., п.6).*

НЕПОДОБИЕ – непристойность, не то, что следует.

НЕПОДОБНЫЙ – непристойный, негодный, не такой, как следует: *Гдѧ, покрѣи мѧ ѿ человекъ нѧкоторыхъ, и вѣсѡвъ, и страстей, и ѿ всѧкѧ инѧма неподобна вѣщи (Млв.).*

НЕПОСТОЯННЫЙ – невыносимый, тот, против которого нельзя устоять (см. **ПОСТОЯТИ**): *Икоу непостоянно великолѣпѧ славы твоеѧ и нестерпимъ гнѣвъ – Ибо невыносимо великолепие славы Твоей и нестерпим гнев (Вел. пов.); Огнь бо родилѧ вси непостоянный дѣво (Окт. гл.7, К. пок., п.7); Страстей моихъ непостоянное и лютое оутѡли смѣщенѧ – Успокой невыносимое и тяжкое волнение моихъ страстей (Окт. гл.6, нед. К. Воскр., п.6).*

НЕПОСТЫДНЫЙ – безбоязненный, неустрашимый: *Дѧждь быти симъ и мнѧ ... въ вѣрѣ непостыднѣ, въ любви нелицемѣрнѣ – Дай, чтобы Они (Св. Дары) и мне были ... в безбоязненную веру, в непритворную любовь (Млв.); Предстательство христѧнъ непостыдное, ходатайство ко творцѣ непредложное – Предстательство безбоязненное за христиан, неизменное ходатайство к Творцу (Млв.); Покажи крѣпость твою непостыднѣ заступленѧ нынѣ – Яви Твою неустрашимую силу в заступничество (Окт. гл.6, чтв., КПБ, п.8).*

НЕПОТРЕБНЫЙ – плохой, злой, негодный, ненужный, πονηρός, ἄχρηστος: *Вси оуклонѧшасѧ, вкѣпѣ непотребни быша (Рим. 3,12).*

НЕПРЪВДА – несправедливость, обида, ἀδικησις: *Аще оуѡ неправда была бы кѧм или дѣло слово, ѿ идѣе по словѣ послѧшалъ вѣхъ васъ – Если бы была какая-то несправедливость или злоумышление, выслушал бы я вас, Иудеи (Деян. 18,14).*

НЕПРЪВЕДНО – несправедливо: *Чтѡ сѧмъ страждѣши неправѣднѡ словѣ вѣхѧ (Окт. гл.1, вт., Стих. Богор.).*

НЕПРЕЛЕ́СТНЫЙ – безобманный, верный (см. **ПРЕЛЕ́СТЬ**, **ПРЕЛЕ́СТНЫЙ**, **ЛЕ́СТИТИ**): *И́же воспои́мъ ꙗкоу неведáющихъ цвѣты, ꙗкоу свѣзды непрелѣстныхъ църкве ... – Которыхъ (святыхъ) воспоемъ какъ неувядающіе цветы, какъ безобманные звезды Церкви (Стихъ всемъ св., гл.4).*

НЕПРЕЛО́ЖНО – без изменений: *Непреложно вочеловѣчивши́ся (Лит.Зл.).*

НЕПРЕМѢ́ННЫЙ – неизменный: *Тли преме́нителя развѣйте непремѣннаго – Познайте Неизменнаго отменителя смерти (Т.Вос.).*

НЕПРІА́ЗНЬ – зло, диавол, πονηρός (син. **ЛЖА́ВЫЙ**): *Не молю, да възмешъ ѿхъ ѿ міра, но да соблюдеши ѿхъ ѿ неприазни (ѣхъ тоу πονηρού) (Ин. 17,15); И́же непремѣннаго вѣга порождша, преме́няемое присно сердце мое грѣхѡмъ и лѣностію ... оутверди – Ты, родившая неизменнаго Бога, утверди сердце мое, изменчивое по причине греха и лени (Окт. гл.1, вт., Стихъ Богор.).*

НЕПРІА́ТНЫЙ – не принимающий, чуждый (см. **ПРІА́ТНЫЙ**): *Тли неприатное вѣстество имѣше, вжѣстивнѣйшии оуми твои чѣтїи ... – Обладающие природой, чуждой (не воспринимающей) смерти, Твои божественные честные духи ... (КАА).*

НЕРАВО́ТНЫЙ – свободный, не рабский (см. **РАВО́ТА**): *Покорила вси неработное твоѣ достоинство тѣлѣ твоємѣ – Ты (душа) покорила свое свободное достоинство телу твоему (Вел.К., вт. п.7).*

НЕРАСКА́ННЫЙ – не подлежащий изменению, неотменяемый, ἀμεταμέλητος: *Нераска́нна во дарованїа и званїе вжїе – Ибо неотменяемы дары и призванїе Божїе (Рим 11,29); Печаль во ꙗже по вѣѣ, пока́нїе нераска́нно во спасенїе содѣлываетъ – Ибо печаль ради Бга производит неизменное пока́нїе к спасенїю (μετάνοιαν ἀμεταμέλητον) (II Кор. 7,10).*

НЕСВѢ́ТЛЫЙ – неясный, непрозрачный: *Образи неслѣтлы и сѣни превѣдены ѿ мѣти чїстѣа видѣвшѣ слѡва – Непрозрачные образы и смутные тени Слова видев, чїстая Мати ... (КРГ (Дам.)).*

НЕСКВѢ́РНЫЙ – неоскверненный, чуждый скверне: *... предтѣчѣ твоегѡ, чїноначалїа же безплѡтныхъ, преме́дрыа аптѡлы, къ сїмѣ же твою несквѣрнѡ чїстѣю матерѣ (Млв).*

НЕУДО́БНО – трудно: *Пѣсни ткати спрѡтажѣннѡ сложеннѣа неудобно вѣсть (КРГ (Дам)).*

НЕУМЫ́ТНЫЙ – неподкупный (ср. **УМЫ́ТО**, **УМЫ́ТАРЬ**): *Да млѣтва тї сотворїтъ неумытнаго сѣдїю – Чтобы умилостивить Тебя, неподкупнаго Судїю (КАА).*

НЕХО́ТѢНІЕ – невольный грех, ошибка: *И да помѡнитсѣ жрецъ ѡ всемѣ сонмѣ сыновѣ ѡсраїлевыхъ, и ѡставитсѣ имъ, ꙗкоу нехотѣнїе вѣсть – И пусть приносящїй жертву помолитсѣ о всемъ сонмѣ сыновъ израїлевыхъ, и отпуститсѣ [это] им, потому что это невольный грех (Числ. 15,25).*

НЕЧУ́ВСТВІЕ – бесчувственность, омертвелость (см. **ЧУ́ВСТВІЕ**): *Извави мѣ всѣакого неведенїа и забвенїа, и малодѣшїа, и ѡкаменѣннаго нечувствїа*

(Млв.).

НЕЧАЛНІЕ – отчаяние, неизвестность, беспомощность, ἀπδρία: И въ нечлліні лежача воздвиглъ мѧ вси во ѣже оутренивати ... – И меня, лежащего беспомощно, Ты поднял, чтобы бодрствовать с утра (Млв); И на землі тѣга ѣзыкомъ Ѡ нечлліні шѣна морскаго и возмущеніа – И на земле уныние народов от беспомощности при морском шуме и возмущении (Лк. 21,25); И Ѡ ѧда возведи мѧ нечллініа (Окт. гл.5, пнд. КПБ, п.6).

НЕЧАЛНННЙ – неожиданный. • **НЕЧАЛННАА РАДОСТЬ** – икона Пресвятой Богородицы, названная так по связанному с ней чуду (неожиданному спасению грешника, не искавшего спасения).

НЕЧЕСТНО – нечестиво: Нечестно вѣсцлщійса Ѡ развращеніа міра низложилъ вси ... грѣхъ – Ты победил ... грех, нечестиво беснующийся с [времени] падения мира (КРГ (Дам)).

НИСХОЖДЕНІЕ – спуск с горы, склон, καταβάσις: Приближающіежеса ѧмъ къ нисхожденію горъ ѡленстѣй (Лк. 19,37).

НИЖНИЙ – нижний, земной. **НИЖНАА** в противоположность **ВЫШНИМЪ** (небесному, духовному миру) – земной мир (син. **МІРЪ СЕЙ, ВѢКЪ СЕЙ**). Вѣсь бѣ въ нижнихъ, и вышнихъ никакоже Ѡтстѣпн неописанное слово – Был целиком в мире сем и не оставил никак [при этом] вышнего мира, Слово неизреченное (КАПБ).

НОСИТИ (НОШЪ), НЕСТИ (НЕСЪ) – 1: выносить, терпеть, βασιτάξω: Гѧкво не можешн носити злыхъ – Ибо Ты не можешь терпеть дурных (людей) (Откр. 2,2); 2: понимать, принимать, βαπτάξω: Ѡще много ѧмамъ глаголати вамъ, но не можете носити нынѣ (Ин. 16,12); 3: соответствует русскому носить, нести, φέρω: И прїидѡша къ немъ, нослще разслабелна (жилаи) носима четырьмаи (Мр. 2,3); 4: носить плод (о женщине), βαπτάξω: Блажено чрево носившее тѧ, и сосца ѧже вси сѧлаъ (Лк. 11,27).

НОЖЪ – мечъ, μάχαира: Возврати ножъ твоѧ въ мѣсто ѡгю: вси во прїемшіи ножъ, ножемъ погивнѣтъ (Мф. 26,52).

НОДВЪ – 1: обычай, характер, ἥθος; 2: образ действия, τρόπος.

НѢДИТСА (НѢДЮА) – 1: подвергаться насилию, браться силой, βιάζω: Цѣтвіе нѣное нѣдится, и нѣдници восхищлютъ ѡ – Царствие небесное силой берется, и употребляющие силу восхищлют (захватывают – ἀρπάζουσιν) его (Мф.11,12); 2: принуждать себя, стараться, порываться: Жерцы же и люде да не нѣдятся взыти къ вѣгъ, да не когда погѣвнѣтъ Ѡ нихъ гдѣ – А священники и народ пусть не порываются восходить к Богу, чтобы не поразил их Господь (Исх. 19,24).

НѢЖДА – 1: насилие, принуждение, βία: И насиліе творѧхъ ѡгѣптане сынѡмъ ісраилевымъ нѣждею (Исх. 1,13); Нѣси мене затворилъ въ рѣкѣхъ вражїихъ, но спаслъ вси Ѡ нѣждѣ дѡшъ мою – Ты не заключил меня в руках врага, но спас от насилїи душу мою (Пол. суб.); И ѡгна ѡнагю боюса негасимагю тѧмже тѧ молю: прѣжде ѡнымъ нѣжды, ѡбрати и спси мѧ – И боюсь того неугасимого огня, потому и молю Тебя: «Прежде

того насилия, обрати и спаси меня (Пс., Троп. по 2 каф.); **Ѡ** извѣнитса намъ всѣкѣа скѣрви, гнѣва и нѣжды (Ект. прос.); Влѣцѣ хрѣтѣс лѣво ѣсть да выхѣмъ ѣгѣ изволѣнїемъ любїли и вѣлю ѣгѣ творїли, а не нѣждею — Христу Владыке угодно, чтобы мы [свободным] изволением любїли Его и творили Его волю, а не по принуждению; 2: судьба, ἀνάγκη: Влѣчаше ихъ къ семѣ концѣ достѣйнаа нѣжда — И к этому концу влекла их судьба (Прем. 19,4).

НѢЖДАТНСА (НѢЖДАЮСА) — тесниться, выбиваться из сил, βιάζω: **И** нѣждахѣса ищѣшїи дѣшѣ мою (Пс. 37,13).

НѢЖНЫИ — 1: насильственный, принудительный, βιαστικός: Сїлѣ нѣжнїю чѣловѣкоубїицы оугасїти — Насильственную силу чѣловекоубїицы (дѣявѣла) угасить (КРГ (Дам)); Претерпѣша рѣны и нѣжнїю смѣртъ (Окт.гл.8, пят.утр. КПБ, п.9); 2: сильный: Дыханїемъ нѣжнїмъ и ѣгненнїмїи ѣзыкии, подавѣ дѣа хрѣтѣсѣ — Сильнымъ дыханїемъ и ѣгненнїмїи ѣзыками Христос послал Духа (Святого) (К. Пятидес.(Дам)); Дѣомъ нѣжнїмъ исполнѣлїи всѣчѣскаа — Сильнымъ духомъ всѣ наполнїающїи (Стих.Пятидес); **Ѡ**сюдѣ прѣпѣрѣнъ выхѣ ѣзѣ ѣкалннїи **Ѡ** своѣмъ совѣстїи, ѣаже ничтѣже въ мїрѣ нѣжнїише — Потому побежденъ я, несчастный, собственной совестью, сильнее которой ничего нет в мире (Вел.К, пнд., п.4).

НѢЖНО — насильственно: Пѣрѣтѣ **Ѡ**рїнѣмѣ ѣсї неїствовство страстѣїи, нѣжно стѣжѣающїихъ — Вначалѣ отвергла ты безумїе страстей, насильственно угнетающих (Вел.К., чтв.п.7).

ѠВѢДА — корысть, обман, πλεονεξία: Во **Ѡ**вѣдѣ **Ѡ**вѣдержѣннїихъ ѣгѣ прѣдстѣ ѣмѣ и **Ѡ**вѣгатїи ѣгѣ — Среди нападающих на него (праведного) из корысти, она (прѣмудрѣстѣ) прѣдстѣла ему и обогатїла его (Прем 10,11).

ѠВѢДНМЫИ — 1. тот, с кем совершают несправедливость, ἀδικούμενος: **И** вїдѣвѣвъ нѣкоего **Ѡ**вѣдїма, посѣвствова, и сотворїи **Ѡ**мїщѣнїе **Ѡ**вѣдїмомѣ, оувїнѣвѣ ѣгѣпѣтѣлннїи — И увидев одного из них обижаемого, (Моїсѣй) вступїлсѣ и отомстїл за обиженного, убїв ѣгїпѣтѣлннїи (Дѣян. 7,24). 2: угнетенный, изнуренный, χαταπονούμενος: Творѣлїи мїлѣстїнїю гдѣи и сѣдѣвѣ всѣмъ **Ѡ**вѣдїмїмъ — Господь творит мїлѣстїнїю и суд [за] всех обиженных (Пс. 102,6); **И** прѣвѣднѣго лѣвѣта **Ѡ**вѣдїма **Ѡ** вѣззакѣннїихъ въ нечїстѣтѣ сожїтїа извѣвн — И праведного Лѣта, изнуренного общенїемъ съ беззакѣннїиками [жївуущїи] в нечїстѣтѣ, Он извѣвн (II Петр. 2,7).

ѠВѢДНВЫИ — несправедливый, неправедный, ἄδικος: Не **Ѡ**вѣднѣвѣ во вѣгѣ, забѣтїи дѣла вѣшегѣо и трѣдѣ лѣвѣвѣ — Ибо Бог не несправедлив, чтобы Он забыл дело ваше и труд любви (Евр. 6,10).

Продолжение следует



Балканы в конце XIX — начале XX века. Очерки становления национальных государств и политической структуры в Юго-Восточной Европе.
М., 1991 г. 352 с.

В истории балканских народов рассматриваемый в книге период стал поистине переломным. Это было время, когда в основном сложилась политическая карта этого региона, возникли или окончательно утвердились на обломках двух некогда могущественных империй — Османской и Австрийской — новые государства. Между тем до последнего времени столь важный этап в жизни огромного европейского региона был обделен вниманием отечественных славяноведов (исключение составляет, только югославянская проблематика кануна и периода первой мировой войны благодаря монографиям Ю. А. Писарева). Почему сложилась такая ситуация? Одна причина, на наш взгляд, очевидна — политическая «нерентабельность» тематики. Ведь это было время, когда после победоносной русско-турецкой войны российская политика на Балканах терпела один провал за другим. И даже при очень большом желании невозможно было примирить целую череду исторических фактов с традиционным образом России-освободительницы, который еще с XIX в. стал концептуальным стержнем освещения балканской истории в отечественной науке. Действительно, можно ли глубоко разобраться с причинами разрыва русско-болгарских отношений в 1886 г. или объяснить проавстрийскую (а стало быть, и антирусскую) ориентацию практически всех балканских государств без существенного пересмотра устоявшихся представлений о роли России в этом регионе?

Вторая причина — сложность самого объекта изучения. Речь идет о переходном периоде к современным экономическим, правовым и политическим формам существования общества. В это время социально-политическая жизнь, столетиями развивавшаяся в строго

очерченных границах, невероятно усложняется. Появляются политические партии современного типа, занятые поисками собственных программ и своего места в партийной структуре, которая пребывает в крайне неустойчивом состоянии. Государственность переходного периода отличает перманентный пересмотр конституционных основ, частая перетряска всей системы государственных органов, повторяющиеся кризисы власти, в том числе в крайне острых формах (государственные перевороты). Продолжается процесс формирования и развития национальных программ. Причем если в более ранний период национальное движение существовало как более или менее единый поток, то теперь оно распадается на несколько составляющих частей. Все это происходит в условиях специфической «этнической чересполосицы», когда во весь рост встают проблемы межбалканских связей — болгаро-сербских, сербо-хорватских, хорватовенгерских, албано-славянских и т. п. Растущие национальные противоречия усложняются религиозными различиями между мусульманами и христианами, православными и католиками и т. д.

Наконец, надо учесть огромное воздействие на внутреннюю жизнь балканских стран внешних факторов, к которым наряду с действиями центральных властей Австро-Венгрии и Турции относится и политика других великих держав.

Все сказанное подчеркивает сложность данной тематики, требует от исследователей обширных и разнообразных знаний в различных сферах, умения применять комплексный подход. На наш взгляд, авторы книги в целом успешно справились с поставленными задачами, преодолели немалые трудности и сумели

раскрыть различные аспекты становления и развития государственной системы народов Юго-Восточной Европы в 1878—1918 гг. Не в последнюю очередь успех был определен значительным количеством использованной литературы, включая новейшую, а также источников, среди которых особо следует выделить впервые вводимые в научный оборот документы из АВПР, ЦГИА и некоторых других.

Рецензируемая книга тематически является продолжением коллективной монографии «Формирование национальных независимых государств на Балканах. Конец XVIII — 70-е годы XIX в.» (М., 1986). В отличие от последней, новейшее исследование написано в виде очерков по отдельным странам. Форма очерков представляется нам наиболее адекватной как степени изученности темы (в книге отсутствуют разделы о Воеводине, Далмации, Македонии и некоторых других территориях), так и более свободной компоновке материала по главам. Одни авторы больше внимания уделили «внутренним» сюжетам, другие — международным аспектам проблемы; в одних случаях предпочтению отдано хронологическому, в других — тематическому принципу расположения материала; есть главы с преобладанием аналитического подхода, есть написанные в традиционной описательной манере. Последнее вряд ли можно поставить в упрек авторам, ведь рассказ часто ведется о малоизученных или даже совсем неизвестных нашему читателю сюжетах, и систематическое изложение фактов здесь необходимо и логически оправдано.

Заложенный в структуру книги страноведческий принцип имеет свои недостатки. Многие явления и события в жизни региона носили универсальный характер, затрагивали одновременно несколько стран (югославизм, балканские войны, первая мировая война и др.). Отсюда неизбежность некоторых повторов, возвращений к одним и тем же событиям. С другой стороны, какой-либо иной подход (например, региональный или субрегиональный) неминуемо размыл бы контуры главного, ради чего создавалась книга, — проблемы государственности.

В предисловии авторы сочли нужным специально оговорить, что работа написана в историческом, а не историко-правовом плане. Между тем конституционные основы, избирательное законодательство, механизмы функционирования и взаимодействия различных государственных институтов исследованы в книге весьма обстоятельно. При этом была

выявлена любопытная тенденция: очень часто принятые правовые основы существенно опережали реальные экономические и социальные условия, в которых те или иные страны находились (речь идет прежде всего о бывших турецких владениях). Это обстоятельство, в свою очередь, определило неоднолинейный характер конституционного развития с частыми отступлениями, неожиданными зигзагами, а борьба вокруг вопроса о государственном устройстве по сути дела постоянно находилась в центре политической жизни.

Самой большой заслугой авторского коллектива следует признать впервые предпринятые в нашей историографии анализ партийной структуры и обстоятельную характеристику партийных программ. До сих пор в трудах советских историков разговор о партиях начинался, а часто и заканчивался социал-демократами. В лучшем случае остальные политические силы удостоивались лишь краткого упоминания. Авторы восстанавливают в этом вопросе реальные пропорции. Кстати, не осталась обойденной вниманием и социал-демократия, которая заняла соответствующее ее исторической роли место маловлиятельной оппозиционной силы, со своими достоинствами и заблуждениями, но и с перспективой распространения влияния в этом специфическом регионе в богатое на потрясения время. Справедливости ради надо сказать, что в ряде мест особый пиетет по отношению к «пролетарским» партиям еще дает о себе знать.

При чтении книги импонирует вдумчивое отношение к казалось бы привычным понятиям и терминам: «нация», «народ», «политическая нация», «историческое право», «культурно-национальная автономия» и некоторым другим. Авторы стараются не столько «придумать» собственные определения или трактовки, сколько реконструировать конкретное содержание этих понятий, адекватное тому времени. Такой подход представляется весьма плодотворным, особенно в сегодняшней историографической ситуации, когда используемый в общественном сознании понятийный аппарат во многих случаях оказался несостоятельным.

Вместе с тем в книге получили дальнейшее развитие некоторые действительные достижения отечественной славистики последнего времени, в том числе относящиеся к изучению национального вопроса. Так, на материале национальных провинций Австро-Венгрии убедительно показана взаимосвязь двух одновременно протекавших процессов — внутриэтнической консолидации и межэтнической

интеграции, которые в большой степени определяли главный вектор государственно-политического развития этой многонациональной империи.

К сильным сторонам рецензируемого сочинения, безусловно, относится международный контекст изучаемых вопросов. В книге ясно прослеживается, что путь к собственной государственности каждого из балканских народов определялся не только историческим наследием, конкретной расстановкой социальных и политических сил, но и в значительной мере разнообразным воздействием внешних сил.

В этой связи нельзя не сказать о роли России. На наш взгляд, в книге удалось отойти от упрощенной схемы, противопоставлявшей благотворное влияние России злокозненным интригам других великих держав, удалось достаточно объективно изложить конкретные действия российской дипломатии. И все-таки авторы не решились дать ясную оценку тому, какую же роль сыграла Россия в процессе становления государственности на Балканах? Уклончивость в ответе на этот важнейший для нашей балканистики вопрос, возможно, вызвана объективными причинами — недостаточной его изученностью. В освещении международных аспектов, к сожалению, встречаются и стереотипы — дань многолетней традиции. Авторы почти всех глав сочли необходимым напомнить о большом влиянии революции 1905—1907 гг. Но упоминание о событиях в России в какой-нибудь местной газете совсем не обязательно должно означать, что балканские народы были вдохновлены «примером русских». Этот тезис нуждается в более серьезной аргументации.

В книге много действующих лиц, имена некоторых читателей узнает по сути дела впервые. Работа несомненно бы выиграла, если бы авторы не скупчились на персональные характеристики, как это, например, удачно сделано в разделах, посвященных Сербии и Черногории.

Удивляет и отсутствие заключения. Отчасти этот пробел компенсируется обстоятельным введением, в котором дана обобщенная картина процесса становления балканских государств и выделены его особенности по трем субрегионам. Представляется, однако, что в начале работы можно было ограничиться постановкой проблемы, а выводы уместнее сделать после рассмотрения исторических процессов в отдельных странах.

В заключение отметим, что чтение книги производит неожиданный эффект, на который сами авторы, вероятно, не рассчитывали. Работа была подготовлена в конце 80-х годов. Между тем последние события на Балканах, в Чехословакии, бывшем СССР вновь сделали актуальной проблему распада многонациональных государств, национального размежевания. В этом смысле исторический материал вековой давности, исследованный и осмысленный на современном уровне, приобрел более широкое звучание, чем то, на которое могут претендовать рутинные исторические штудии.

Рецензируемая книга, на наш взгляд, является одним из примеров обновления отечественной исторической науки. Она может послужить отправным пунктом для углубления конкретных исследований переломного периода в истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Особо хочется подчеркнуть ее значение для вузовского преподавания. В силу зачастую полной непригодности существующих учебников подобные обобщающие работы позволяют преподавателям до определенной степени сориентироваться в новой проблематике, использовать как впервые вводимый в научный оборот фактический материал, так и новые методологические подходы. Остается только сожалеть, что из-за совершенно недостаточного тиража (500 экз.) книга будет недоступна для многих ее потенциальных читателей.

Костяшов Ю. В.

Біблія: Факсімільнае узнаўленне Бібліі, выдадзенай Францыскам Скарынаю ў 1517—1519 гадах: У 3 тамах. Мінск, 1990—1991. Т. 1—3.

Библия: Факсимильное воспроизведение Библии, изданной Франциском Скориной в 1517—1519 годах.

На сегодняшний день мы имеем возможность пользоваться в своей работе не только оригиналами скорининских книг, но и их факсимиле и репринтами. Благодаря инициативе издательства «Белорусская энциклопедия» вышел в свет полный корпус изданных Ф. Скориной ветхозаветных библейских книг. На очереди публикация оригинальной «Малой подорожной книжки», выпущенной им в Вильне около 1522 г., и «Апостола» (Вильна, 1525). Таким образом, будет подведен итог весьма трудоемкой и дорогостоящей издательской работы, которая, пожалуй, как ничто иное станет в дальнейшем способствовать распространению в мире сочинений одного из выдающихся культурных и литературных деятелей человечества.

Нет нужды говорить, что значительная редкость изданного Ф. Скориной стала одной из веских причин малой исследованности его творчества не только за рубежом, но и у нас. Многолетний опыт свидетельствует, что без непосредственного знакомства с книгами Скорины изучать его разностороннюю деятельность просто невозможно, ибо это ведет к частым досадным ошибкам. Вот почему инициатива «Белорусской энциклопедии», ставшая частью национальной Скорининской программы, была с энтузиазмом воспринята в среде ученых.

Однако зададим себе вопрос: решает ли выход в свет данного издания, точнее факсимильного переиздания книг Скорины, круг традиционных проблем, стоящих перед обычным изданием сочинений литературного классика, национального гения, творчество которого еще так мало изучено и совершенно не открыто для широкого читателя? К сожалению, нет. Вина в том не издателей. Наоборот, издателей мы должны лишь благодарить за большую смелость, взятую ими на себя в связи с труднейшей задачей издания собиравшихся по различным хранилищам мира оригиналов скорининских книг. Вина в том ученых, науки, еще мало подготовленной для осуществления изданий подобного рода по всем надлежащим канонам. Перед отечественными учеными такие задачи по сути никогда и не ставились. Да и сам по себе случай со Скориной беспрецедентен в нашей истории. Ничего похожего славянский мир ни до Скорины, ни после него не знал. Все это свидетельствует об уникальности условий, связанных с возможной научной подготовкой собрания сочинений просветителя.

Факсимильный корпус книг Скорины, успешно издаваемый «Белорусской энциклопе-

дией», признав в основном удовлетворить спрос на копии оригиналов скорининских произведений и не имеет даже филологического комментария. Будущая подготовка собрания сочинений Скорины и его последующая публикация должны преследовать куда более далекие цели, стать по- существу не имеющей пока у нас аналогов программой максимально возможного изучения творческого наследия писателя Средневековья. Совершенно очевидно, что подобный масштабный проект должен реализовываться конкретным коллективом специалистов, имеющим достаточно четкий план действий.

Представляется целесообразным в начале определить общую концепцию всей работы, обосновать на республиканском уровне ее необходимость и возможность успешного осуществления как одного из главных направлений развития белорусской науки, культуры и мировой славистики в целом.

Думается, возникнет немало трудностей с разработкой самой модели издания собрания сочинений Ф. Скорины. Конечно же, оно не будет академическим в строгом смысле данного определения. Это дело далекого будущего, ибо к подобной тщательной и в общем-то итоговой работе наша наука пока не готова. Видимо, основными ориентирами при выработке типа издания должен стать комплекс условий, связанных с самыми широкими читательскими запросами и кругом реалий сегодняшнего дня. В основу моделирования должен быть положен принцип: минимум необходимого для максимально удобного пользования различными читательскими группами. Данное собрание сочинений ни в коей мере не может быть рассчитано только на специалистов, с его помощью в подлиннике и в переводах со скорининским творчеством должны познакомиться практически все люди, желающие это сделать. Не вызывает сомнений, что чтение скорининских книг — большой труд, труд филологический и эстетический. Литературное наследие Ф. Скорины еще долго и не просто будет входить в круг широкого чтения.

Книги Скорины — сложный комплекс сотен самых различных литературных произведений, написанных, переведенных или подготовленных им к изданию по самым строгим предписаниям тогдашней европейской науки. Скорина как мастер слова предстает перед нами сразу в нескольких авторских ипостасях: писателя-прозаика, гимнаста и новоевропейского поэта, великолепного переводчика с нескольких древних и новых языков. Книги

Скорины — «четыре» — подобны тем, которые легли в основание многих европейских национальных литератур. Книги эти выступают как единство текста-содержания и их типографского воплощения, смысловая часть которого служит своеобразным фоном и обрамлением главного в книге — слова, написанного или переведенного просветителем. Подобная неразрывная связь прослеживается на всех уровнях, на примере всех элементов книг Скорины, включая мельчайшие. Авторская работа Скорины хорошо просматривается практически в любом фрагменте каждой из его книг, «на страничках кажных книг моего тружания», как писал о том он сам.

Все это заставляет положить в основу будущего издания ряд принципов, способствующих в максимальной форме сохранить при переиздании авторский замысел, авторскую волю.

Каждая книга Скорины в таком переиздании должна выходить в свет отдельно, как это было и почти полтысячелетия назад.

В состав книги-переиздания должны войти репринтное воспроизведение текста Ф. Скорины, его транслитерация, переводы на современный белорусский и русский языки, комментарии, а также фототипическое воспроизведение соответствующих параллелей из Геннадиевской Библии и чешской печатной Библии 1506 г. — своеобразный «литературный конвой» эпохи.

Речь сейчас, разумеется, идет о той части творчества Скорины, которая представлена его переводами Священного Писания. Все литературно-издательское наследие Скорины может быть поделено как бы на три части: издания текстов Священного Писания на церковнославянском языке; переводы текстов Священного Писания; издания собственноручно составленных сборников небиблейского характера, в том числе и с собственными сочинениями.

При издании двух последних частей словесного наследия Скорины подход должен быть видоизменен, особенно в разделе, посвящен-

ном «литературному конвою», воспроизведения которого в некоторых случаях не будет вообще.

Касательно публикации отдельных частей «Малой подорожной книжки» можно сказать, что пока это для нас самая загадочная, наименее изученная тема. Здесь необходимо будет все начинать почти с нуля.

Вообще же мы находимся лишь в самом начале пути. Литературное творчество Скорины, Скорина как писатель не изучались почти совершенно. Нет сомнения в том, что подготовка к изданию собрания его сочинений, вопрос о чем пока лишь только ставится в самом общем виде, — одна из наиболее грандиозных задач всей нашей медиевистики. Современное ее состояние не позволит вести эту работу в отрыве от накопленного уже отчасти мирового опыта, прежде всего опыта немецких коллег. Однако стоящие перед издателями собрания сочинений Скорины проблемы столь специфичны, что в основном придется опираться на собственный опыт и интуицию, а значит совершенно необходимо создать такой творческий коллектив, который в максимальной степени сможет решить эти задачи. Без международной кооперации тут не обойтись — слишком велико значение данного издания в мировой науке и культуре. Не исключено, что придется создать специальную комиссию по изучению и изданию творческого наследия Франциска Скорины, деятельность которой должна быть рассчитана на весьма долгий срок.

Чрезвычайно важен вопрос о том, кто будет финансировать данную работу и публиковать ее итоги. В нынешних условиях ясно, что сделать это на надлежащем уровне сможет лишь Республика Беларусь, где издание подобного собрания сочинений станет подлинной государственной программой, успех реализации которой будет гарантирован необходимостью всестороннего изучения и развития национальных культурных приоритетов.

Лабынцев Ю. А.

Słownik prasłowiański, opracowany przez zespół Instytutu słowianoznawstwa PAN. Pod redakcją F. Sławskiego. T. VI. E—E—E. Wrocław, Warszawa, Kraków, 1991 — 170 s.

Праславянский словарь. Т. VI.

Очередной том «Праславянского словаря» (SP [1]), подготовленный в кабинете праславянского языка Института славяноведения Польской Академии Наук в Кракове, издан через семь лет после предшествующего. Он как бы закрепил (хочется надеяться, не окончательно) наметившуюся и ранее тенденцию к увеличению временных разрывов между выходом в свет отдельных томов при постоянном сокращении их объема (т. I — 487 с., т. V — 235 с). Судя по спискам авторов словарных статей в пятом и шестом томах, несколько уменьшился (с восьми до шести человек) сам авторский коллектив. Зато остались неизменными бесспорные достоинства «Праславянского словаря» как «исключительно тщательного и добросовестного лексикографического труда» [2. С. 169]. Не касаясь хорошо известных целей, задач и теоретических установок SP, мы попытаемся продолжить ниже, преимущественно в связи с материалами рецензируемого тома, сопоставление этого словаря (ср. [3]) и во многих отношениях близкого ему московского «Этимологического словаря славянских языков» (ЭССЯ- [4]).

Значительно возросшее отставание «Праславянского словаря» от ЭССЯ по темпам издания, по-видимому, делает весьма проблематичной возможность завершения публикации SP в сколько-нибудь обозримом будущем. Такая возможность труднодостижима даже для выходящего с завидной регулярностью ЭССЯ, который прошел отрезок е — ё — э еще в 6-ом выпуске (1979 г.), а к настоящему времени едва ли достиг середины всего словника (18-й выпуск: м-). Потеряв в темпах издания, «Праславянский словарь» оказался по отношению к ЭССЯ в весьма невыгодном положении заблаговременного знания результатов «московской команды» [3. С. 4], описываемых прежде всего параметрами степени полноты словника и охвата подтверждающих каждую реконструкцию соответствий по отдельным славянским языкам, надежности праславянской атрибуции реконструкций и, наконец, степени достоверности принимаемых этимологических решений. Начиная уже с III—IV тт. SP изменились условия, создававшие характерную для начального этапа издания обоих словарей (70-е годы) ситуацию, когда в ЭССЯ могли обнаружиться отсутствующие в SP достоверные позиции праславянского слов-

ника (ср. [2. С. 170]), а статьи московского словаря были «в среднем обширнее и насыщеннее материалом» ([3. С. 10], ср. [5. С. 298]). Отставшая «краковская команда» стала располагать возможностью использования уже опубликованных материалов ЭССЯ (не говоря о вышедшей за последнее время прочей релевантной литературе, в частности — рецензиях на оба рассматриваемых словаря) и их сопоставления с тщательно проработанными собственными данными, полученными путем экскерции все более и более расширяющегося круга источников. Встречающиеся в SP пропуски слов, представленных в ЭССЯ, окказиональны, ср., например, в статье *el̥sa*¹ — словен. диал. *đuša* 'ольха' ([4. Вып. 6. С. 25] — записи Бодуэна де Куртене), в статье *esenъnъ* — словц. диал. *jesēni* 'осенний' [6. С. 239].

Показательно, что недавняя работа А. Ф. Журавлева [7], содержащая некоторые лексические дополнения к ЭССЯ, может прибавить к материалам SP немного. Соответствующие примеры из этой работы (преимущественно русские и белорусские), относящиеся к представленному в томе VI отрезку праславянского словника е — ё — э, нетрудно перечислить: *edinica* — рус. диал. (арх.) *одиница* 'одна нитка в берде' и др. [8. Вып. 23. С. 33]; *edinojъl'*: рус. диал. (орл., вост.) *одновчá* 'однажды' (орл., калуж.) *однáвча*, (тул.) *однáвчи* [8. Вып. 23. С. 34, 38]; *el̥ša*: блр. МН *Ольша* [9. С. 269]; *el̥šanъ*: блр. МН *Альшаны*, *Альшанец*, *Альшанка* [9. С. 269]; *esenina*: блр. диал. *асяніна* 'овечья шерсть, которую стригли осенью' [10. С. 16], *асяніны* 'родительская суббота, дяды' [11, Т. 1. С. 117], *восеніна* 'сбор в пользу пастуха по завершении пастбы' [12. Т. 1. С. 144]; *esetrъ*: рус. диал. (волог.) *белорыбица—асётра* 'рыба осетр' [8. Вып. 23. С. 374]; *ezerъnъ*: блр. диал. *азярный* [11. Т. 1. С. 69], МН *Азёрнае* [9. С. 266]; *ezerъskъ*: рус. диал. (пск., твер., арх.) *озерскóй* 'озерный', (арх.) *озёрская лапуга* 'водяная лилия' [8. Вып. 23. С. 92]; *ezevъkъ*: блр. диал. *ежóву* 'ежовый' [12. Т. 2. С. 51]; *ezъ*: блр. диал. *еж* 'еж' [12. Т. 2. С. 51]; *esъtukъ*: укр. диал. *ячелик* 'ячмень на глазу, hordeolus' [13. С. 182]; *ekotati*: рус. диал. (курск., смол.) *екотать* 'плакать' и др. (см. подробнее [8. Вып. 8. С. 335]); *ekotъ*: рус. диал. (смол.) *ёкот* 'пронзительный стон, визг' [8. Вып. 8. С. 355]; *edъsъ*: блр. диал.

¹ SP, в отличие от ЭССЯ, не следует традиции проставления астериска при реконструированных формах, ср. ниже.

едѣцъ (едок) [12. Т. 2. С. 50]; ѣдльнъ: укр. диал. їдний 'съедобный, пищевой' [14. Т. 2. С. 325]; ѣд'а: укр. диал. їжно 'сытно, достаточно еды' [14. Т. 2. С. 325]. Разумеется, ориентированная на ЭССЯ работа А. Ф. Журавлева не исчерпывает всех лексических дополнений к SP, ср. еще, например, — еl: блр. диал. ё 'возглас неодобрения, удивления' [12. Т. 2. С. 53]; еjь! (ei!): блр. диал. ей 'ой' [12. Т. 2. С. 51]; ельсь: блр. диал. ялѣц, яляц 'рыба елец' [11. Т. 5. С. 555]; emela: блр. диал. ямѣла 'омела' [11. Т. 5. С. 556]; еса, есаја: блр. диал. яча, ачай, вячай, лечая, личая, мячая — все в значении 'отверстие в верхней жернове, в которое сыплется зерно'² [11. Т. 1—5, svv.]; егати: рус. диал. (сиб.) игарма 'дьяволица, чертовка' ([8. Вып. 12. С. 60]; русское слово, как и приводимое в SP рус. диал. ягарма 'наглая баба', вызывают сомнения как в отношении к егати, так и вообще к исконному фонду); ѣзгарь: блр. диал. яжгур, ячгур 'рыба ерш' ([11. Т. 5. С. 550]; перечень примеров из [11; 12] можно продолжить). Тем не менее спорадический характер пропусков славянских лексических соответствий в SP в целом очевиден и может быть расценен скорее как иллюстрация к афоризму «совершенству нет предела».

В рецензируемом томе, как и в предыдущих, есть немало лексических позиций, отсутствующих в ЭССЯ, причем, это отсутствие по большей части не оговаривается. Перечисляя соответствующие лексемы, необходимо иметь в виду серьезные расхождения между ЭССЯ и SP в принципах составления словника (часть приводимых ниже лексем и не могла появиться в ЭССЯ), в принципах семантической реконструкции и трактовки лексической омонимии (ср. [16]), в подаче словообразовательных и иных вариантов лексем [17] и т. п. Речь идет о праслав. e1, ede, edinaga, edinako, edino, edinojg, edinokii, edinokti, edinoti, ed'а, ed'ьka, ed'ьca, ed'ьje, ečь'eja! ejb! (eɨ), eленьс 1, 2, eленькь, eт'ь, eт'ьсьнъ, emельje, eno! esеньскъ, ezerisko, ezerьko, ezerьce, eзьjь, eзькь, eса 2, eсьmenisko, eсапъ, eсьmenьсь, eсьmьeпъ, eсьmisko, eсьmищe, eзьь, eкь, eт'ь, eт'а, eзучьiti, eзучьсь, eзучькь, eзучьница, eзучьсьнъ, eзучьскъ, eдокъ, eдовати, eдовити 1, eдровъ, eдъ 1, eдъта, -eдъ, eд'акъ, -eд'ь, eгати, eгнути, eребити, eрeбъ 2, eрeбьka, eрeбьjь, eška 2, eška, eškrii, eškрь, eškрьka, eсно, eсноti, eсн'а 2, esto 1, 2, eст'ь, eс'а, eс'ь,

ešъ 1, 2, ešьka, eто, eт'а, eт'ь, eза 1, 2, ezгарь, eзь 2, eзь 1, 2, eза 2, eздъикъ.

По уже указанным и другим причинам данный список передает далеко не все различия между словниками ЭССЯ и SP, слабо отражая, например, случаи, когда в одной статье ЭССЯ (показательно в этом плане *edinakъ (jь)/*edьnakъ (jь)/*edinokъ (jь) группируется материал, распределенный по нескольким статьям «Праславянского словаря» (ср. соответственно edinako, edinakъ 1, 2, 3, edinokъ 1, 2). Существенно, что в списке представлен ряд лексем, релевантных в отношении этимологии и древнего словообразования, см. особенно eт'ь, eгъ, eдъ 1, eška 2, eška, eškрь, esto 1, 2, ešъ 1, 2, eза 1, 2. Коллектив SP, по всей видимости, посчитал неоправданным адресованное ему в свое время предостережение против «излишней агломерации материала» [3. С. 10], по-прежнему полагая, что на включение в «словарь-реконструкцию» [там же] имеют право и междометия, и причастия, и морфемы, не использующиеся в качестве самостоятельного слова [18. С. 163], и некоторые другие образования, не включаемые или включаемые ограниченно в словник ЭССЯ. Наряду с этим в томе VI SP вновь уделяется много места реконструкциям фрагментов праславянского текста (и, шире,— подробным текстуальным иллюстрациям привлекаемой лексики), которые, конечно, уместны в словаре такого типа и очень его обогащают, ср., например, вполне надежно подтвержденные праслав. rod'a eštъ zelězo 'ржавчина ест железо', eštъ sъ mēsъсь (sъnce) 'об уменьшении луны (солнца) во время затмения', v! kodlakъ eštъ mēsъсь (sъnce) 'то же', буквально, 'вурдалак ест луну (солнце)' и проч. (S. 153).

Нельзя тем не менее сказать, что «Праславянский словарь» остался безучастным к адресованному ему серьезному упреку в «откровенной ставке на избыточное отражение славянской лексики», когда проблема праславянской лексической реконструкции по существу остается нерешенной [2. С. 169]. Подвергнув критическому разбору и отклонив ряд фигурирующих в ЭССЯ лексем (помечаемых астериском), «Праславянский словарь» как бы возразил против высказанного ранее утверждения о «несколько более жесткой концепции... праславянской лексико-словообразовательной реконструкции» в ЭССЯ [там же] и дал понять, что он придерживается противо-

² Ср. лит. диал. (лазунск.) асаја 'то же' [15. Р. 17] < блр.

положного мнения. Негативное отношение SP к предлагаемым в ЭССЯ праслав. **emьсь*, **edlo*, **edadlo*, **edьlivъ(jь)*, **edьnъnъ*, **arebika*, **arebъje*³, **estьka* **estьkъ* выглядит в целом не лишенным оснований. Трудно что-либо возразить и против отрицательной оценки в SP реконструкций **edъ* (у Э. Бернекера), **esn'a*, **esn'a*, **esъ* (у Р. Эккерта). Не совсем понятно, однако, отсутствие в SP коррелятов реконструированных в ЭССЯ **edinotal* **edьnota*, **edьnostь*, **ezakъ* или каких-либо упоминаний об этих лексемах. Первые две из них, вероятно, были сочтены за поздние образования, но последние под эту категорию как будто не подходит. При анализе рус. диал. (яросл.) *ядериться* 'ссориться, цепляться', относимого, наряду с кашуб. *jadŕdc sq* 'jatzyc sic' и др., к *etriti* (S. 103), осталось не упомянутым праслав. **adera*, реконструированное в ЭССЯ со знаком вопроса на основе рус. диал. *ядера* 'сварливый, неуживчивый человек' [4. Вып. 1. С. 52].

Полемика с ЭССЯ, не сводящаяся, разумеется, только к проставлению звездочек над «забраванными» лексемами из этого словаря, является частью взаимодействия SP с ЭССЯ, включающего немалый момент согласия. И, пожалуй, в этой зоне «Праславянского словаря» хотелось бы видеть более регулярные ссылки на ЭССЯ. В целом же, упомянутое взаимодействие далеко от «консенсуса» и по-прежнему может быть определено как «своеобразное рецензирование и комментирование» ЭССЯ в «несколько одностороннем, большей частью критическом духе» [16. С. 17], чему соответствует лейтмотив «nie widać podstaў».

Свойственная ЭССЯ синкретическая (как правило, в пределах одной словарной статьи) подача «семантических» или «ложных» омонимов как раз имеет серьезные теоретические «podstaў» [16. С. 16—17], в связи с чем, скажем, разделение единого **edro* в ЭССЯ на *edro* 1 'грудь, пазуха, лоно, утроба' и *edro* 2 'выпуклость, сеть, складка одежды, мешок' в SP едва ли выглядит предпочтительнее (хотя, возможно, внешне несколько строже и удобнее при пользовании словарем). В силу генетического тождества *edъ* 1 'еда' (в ЭССЯ отсутствует) и *edъ* 2 'яд' нельзя, по-видимому, считать большим пороком объединение в ЭССЯ [4. Вып. 6. С. 42—43] праслав. *edov-itъ(jь)* 'прожорливый, вкусный' и **edov-itъ(jь)* 'ядо-

витый'. Напротив, те случаи, когда ЭССЯ без соответствующих пояснений объединяет словообразовательные омонимы, уязвимы для критики. Можно согласиться с «Праславянским словарем», когда он возражает (S. 106, 129) против неразличения в ЭССЯ рефлексов **etronъ(jь)* 'печеночный' (от **etro*) и **etronъ(jь)* 'гнистый' (от **etriti*) или **etъnъ(jь)* 'съедобный' (от **esti*, **edьmь* 'есть') и **edьnъ(jь)* 'ядовитый, гневный и др.' (от **edъ* 'яд'), ср. еще в обоих словарях соотношение **elenica*: *elenica* 1, 2 (resp. *elеньсь* 1, 2) или **edati*: *edati* 1, 2; **edovъ*: *edovъ* 1, 2. Нет сомнений, что SP и в дальнейшем будет омонимически «разводить» материал многих статей ЭССЯ, для чего в некоторых случаях как будто есть основания. В «Праславянском словаре» едва ли будет, например, единая статья **korvina* [4. Вып. 11. С. 118], ср. целесообразность ее разделения на **korvina* 1 'говядина, коровья шкура' (= лит. *kàrviena*, *karvienà* 'говядина' [19. Т. V. P. 357]) и **korvina* 2 'плохая корова, коровенка' (= лит. *karvyna* 'плохая корова' [19. Т. V. P. 357]).

Этимология в рецензируемом томе, безусловно, не довольствуется одной только «скромной ролью критерия отбора и реконструкции праславянской лексики» [3. С. 5]. Этимологические разделы словарных статей в сравнении с первыми томами SP резко выросли в объеме, содержательности и конструктивности. В отдельных случаях предлагаются новые, весьма интересные решения, ср. смелое объяснение слав. *esetъ* 'решето' / *osetъ* 'сушильня для снопов' < и.-е. диал. *ak'eta* 'борона' (s. 64—65; возражения см. [20. С. 169]).

Вместе с тем, словарю удалось сохранить свойственную ему с самого начала строгость и «разборчивость» в оценке различных этимологических версий и сопоставлений. Кое-где отклоняются, однако, предположения, имеющие право на существование, ср. в статье *esaja* (см. еще *esъtu*) уже упомянутое «nie widać podstaў», адресованное гипотезе [4. Вып. 6. С. 61] о незасвидетельствованном **ekt'i*. Заметим, что, рассматривая совершенно случайное сопоставление **ega* с венг. *angy* 'жена старшего брата' и т. п. (S. 96), SP скольконибудь решительно от него не отмежевался. Из других замечаний можно указать на не-

³ Формы типа **a-reb-* из ЭССЯ (ср. еще **arebatъjь*, **arebika*, **arebina* и т. п. [4. Вып. 1. с. 72—76]) в SP не без оснований восстанавливаются в виде **ē-reb-* (см. выше *erebiti* и др., S. 132—136).

которые пробелы в указании балтийских соответствий (в целом представленных весьма полно): лит. *eglynė* 'ельник' [19. Т. II. P. 1051] к *edlina* 'ельник' ('пихтовник'), лит. *edikas* 'едок' [19. Т. II. P. 1043] к *ědъсь* 'обжора, едок', лит. *ėdokas* 'обжора' [19. Т. II. P. 1084] к *ědakъ* 'обжора', лит. *ežerinis* 'озерный' к *ezerънь* 'то же' (ср. [4. Вып. 6. С. 34]). В статье *ezerina* 'болото (на месте высохшего озера) и др.', на наш взгляд, было бы целесообразно упоминание лит. *ežerūnas* [19. Т. II. P. 1168], расходящегося со славянским словом в типе основы, но совпадающего с ним по суффиксу и по семантике — 'заросшее, высохшее озеро'.

Не вполне понятным остался для нас статус праслав. диал. *era* 'нарост на дереве и др.'. В комментариях видна тенденция к признанию этой реконструкции неоправданной. И. е. **oirъ*, восстановленное О. Н. Трубачевым на основе сближения **era* с лтш. *iēra* 'волдырь на коже', признается необоснованным, как и попытка Т. Шиманьского расширить круг лексики, охватываемой **era* [21]. В укр. диал. *япа* 'нарост на дереве', польск. диал. *jara* 'рот, губа; морда, пасть; большое отверстие' и ряде других славянских фактов предлагается видеть — что по крайней мере не очевидно — образования, относящиеся, подобно лтш. *iēra*, к «Kindersprache» (ср. [22. Bd. II. S. 49]). В то же время для указанных фактов предлагается все-таки *era*, хотя при отказе от генетического отождествления с лтш. *iēra* возможно реконструировать и слав. *(/)*jara*. Признавая, что лтш. *iēra* действительно не является вполне надежной параллелью славянских слов, последние можно попытаться сравнить с другим балтийским материалом — лит. *orà* 'язва, рана', 'повреждение (коры дерева)', 'удар' [19. Т. VII. P. 1005; 23. S. 517], ср. к семантике особенно укр. диал. (полесск.) *япа* 'полоса на шкуре животного от сильного удара палкой' [4. Вып. 6. С. 49]. В этом случае следовало бы реконструировать скорее **ara* (< **ōrā*), а не **era*, хотя возможно и последнее (*ē* < *ē*-/*ō*-).

Опечатки и неточности являются редчайшим исключением: «gos.» (S. 51) — надо «гос.»; ESMM VI, 54 (S. 161) — надо ESSM VI, 56. Вместо др.-рус. и иногда употребляется й: самый (S. 24) — надо самыи и т. п. В одном из русских примеров (там же) — «не: ни единой тучи» — нужно, по-видимому, «ни: ни единой тучи».

Поздравляя коллектив «Праславянского словаря» с выходом в свет очередного тома этого

замечательного труда, хочется выразить надежду на скорое продолжение его издания.

Аникин А. Е.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Słownik prastowiański. T. I—VI-. Wrocław etc., 1974—1991—.
2. Трубачев О. Н. Рец. на кн.: Słownik prastowiański. T. III (dawьny—dobьrati). Wrocław—Warszawa, Kraków, Gdańsk, 1979.//Этимология 1980. М., 1982.
3. Трубачев О. Н. Этимологический словарь славянских языков и Праславянский словарь (опыт параллельного чтения)//Этимология 1976. М., 1978.
4. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 1—17 М., 1974—1990—.
5. Ondruš S. Tri slovanské etimologické kompendiá//Slavia, г. XLV, 1976. S. 3.
6. Matejčik J. Slovník východonovohradského nárečia. Banská Bystrica, 1972.
7. Журавлев А. Ф. К уточнению представлений о славянских изоглоссах. Дополнения к лексическим материалам «Этимологического словаря славянских языков». Части I—II. М., 1990.
8. Словарь русских народных говоров. Вып. 1—26. Л., 1965—1991—.
9. Жучкевич В. А. Краткий топонимический словарь Белоруссии. Минск, 1974.
10. Народные слова. Минск, 1976.
11. Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча. Т. 1—5. Мінск, 1979—1986.
12. Тураўскі слоўнік. Т. 1—5. Мінск, 1982—1987.
13. Дзэндзеліўскі І. О. Програма для збірання матэрыялаў до лексічнага атласу украінскай мовы. Выд. 2. Київ, 1987.
14. Этимологічний словник української мови. Т. 1—3. Київ, 1982—1989—.
15. Petrauskas J., Vidugiris A. Lazūnų tarmės žodynas. Vilnius, 1985.
16. Трубачев О. Н. Праславянская лексикография//Этимология 1983. М., 1985.
17. Варбот Ж. Ж. Словник праславянскаго словаря в диахроническом аспекте//Papers from the EURALEX Third International Congress. Budapest, 1988.
18. Трубачев О. Н. Рец. на кн.: Słownik prastowiański. T. II. С — dawьnota. Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk, 1976.—Этимология 1976. М., 1978.
19. Lietuvių kalbos žodynas. T. I—XIV—. Vilnius, 1941—1986—.
20. Трубачев О. Н. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. М., 1991.
21. Szymański T. Polskie drobiazgi słownikowe, 6. Gwarowe bączal, japa//Język polski, LXIII, 1983.
22. Mühlēnbach K. Lettisch-deutsches Wörterbuch, ergänzt und fortgesetzt von J. Endzelin. Bd. I—IV. Riga. 1923—1925.
23. Fraenkel E. Litauisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg—Göttingen, 1923—1925.



ЛОМОНОСОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

В апреле 1991 г. в рамках ежегодных Ломоносовских чтений состоялось секционное заседание кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ, где были представлены заслуживающие внимания доклады.

Открыла заседание доцент Н. Е. Ананьева, выступившая с докладом о структуре и функционировании в польском диалектном языке префиксальных глаголов. Рассматривая различия между диалектным префиксальным глаголом и глаголом литературного языка в конкретной репрезентации «строевых элементов», она выделила три типа различий в фонетическом облике тождественных изофункциональных префиксальных средств: 1) различия, обусловленные синхронными закономерностями диалектной фонетической системы; 2) различия, не обусловленные синхронными фонетическими закономерностями говора — силезско-малопольское *oz-* (*coz*), литературное *roz-*; 3) наличие в диалекте морфонологического варианта префикса, тождественного варианту литературного языка, но выступающего в иных фонологических или лексических условиях (например, диалектные *zetzadnoć*, *rozestawić*~литературные *zzednoć*, *rozstawić*). Рассматривались различные точки зрения о происхождении силезско-малопольского *coz*. Анализируя различия между диалектным и польским литературным языком в средствах выражения способов глагольного действия, Н. Е. Ананьева, имея в виду работы М. Шимчака и М. Кавки, подробно остановилась на диалектных средствах выражения дистрибутивного СГД: типы *rozrabiać* (I), *pozdojadać*, *rozwybierać* (II), *ropiszać* (III), *dopodosypywać*, *paroparisywać* (IV). Типы II и IV характерны для южной (малопольской) зоны, типы III — для северо-западной. Отмечалось, что исходным для типа II были дистрибутивы с *z-*; было сделано предположение о роли чешского

языка в появлении дистрибутивов с *z-* в польском литературном языке XVI—XVII вв.

В докладе И. А. Сedaковой «Ритуальный хлеб в родильной обрядности болгар» содержался материал о семиотическом статусе обряда родин с выпечкой караваев в цикле семейных обрядов болгар, были систематизированы конкретные магические действия с хлебом, направленные на обеспечение здоровья и благополучия новорожденного и его матери. Этнолингвистический анализ структуры родин, архаических представлений и обрядовой терминологии позволил автору сделать вывод о бесспорной полисемии и полифункциональности хлеба в соответствии с его общеславянским культом. Наряду с общим значением хлеба как метафоры жизни и жизненной силы, изделия из муки — это и жертва (Богородице, орисницам), и дар (повитухе, крестным родителям), и знаковое оповещение, констатация факта появления ребенка на свет и основных моментов в его развитии.

В выступлении С. С. Скорвида «О неформальной местоименной кореференции в истории славянских языков» анализировались случаи нерегулярного соотношения местоимений (включая адвербиальные), при опущении местоимений — личных форм глагола, с дериватами вне парадигмы словоизменения соответствующих существительных. Это специфическое явление разговорного синтаксиса рассмотрено было на материале современного русского и других славянских языков (чешского, польского), ср. рус. типа: рассуждение почти пушкинское по времени, одного *его* ученого друга; вшивые (так и *ходят!*) закоулки; бегут парни *домой*, пока *он* еще не стал заграничным; *женился*, родилась дочь, и надо было *их* обеспечивать; и др. В историческом же аспекте С. С. Скорвид констатировал, что эта черта — продолжение древнейшего состо-

яния, отмечая гораздо более широкое соотношение местоимений «по смыслу» в давних памятниках славянских языков; ср., напр., др.-чеш. *viece škodí rozlité v lidu svatokupčenie nežli které jich v lidu lupenie* У Яна Гуса (где *svatokupčenie* ← *svatokupčiti* ← *svatokupec*) и т. д.

В докладе доцента А. С. Новиковой «Языковые особенности IV редакции Евангелия Г. А. Воскресенского (лингво-текстологический анализ)» было подчеркнуто, что эта редакция Евангелия заслуживает самого пристального внимания исследователей. Это списки тетраевангелия, XVI—XVII вв., в основном с предисловием Феофилакта Болгарского. В графическом отношении списки этой редакции разнородны. Тырновские и Ресавские изводы славянских рукописей, возникшие почти одновременно в Болгарии и Сербии, отражают особенности правописания Афонской книжной школы, закрепленные реформой патриарха Евфимия. Русские списки различаются правописанием, до конца XIV в. не имеют следов южнославянского влияния. В Галтыевском Евангелии начала XV в. правописание русское, но есть некоторые следы второго южнославянского влияния. Рукописи XV—XVII вв. отражают новые формы русской орфографии (правописание с юсами). Списки Евангелия IV редакции Г. А. Воскресенского близки к Воскресенскому Евангелию XIV в., написанному на Афоне. В лексическом отношении они отражают редакционную правку различных школ письменности. Наряду с первоначальной кирилло-мефодиевской лексикой, здесь немало преславизмов, имеются лексемы Афонской редакции Евангелия.

Доцент О. С. Плотникова выступила с докладом «Из истории имперфективации в словенском языке». Были проанализированы средства имперфективации в словенском литературном языке XVI в. В этот период функционировали все унаследованные от праславянского языка суффиксы имперфективации. Максимальной продуктивностью характеризуется суффикс *-ova/-eva(-tje-)*. Суффиксальных новаций (трехкомпонентных суффиксов типа *-iva-, eva-, -ava-*) не отмечается. Было показано, что видообразование нельзя рассматривать в отрыве от функционирования видов. На материале функционирования словенского языка XVI в. прослеживается четкая связь между сниженной словообразовательной активностью несовершенного вида и частотностью употребления совершенного вида в позициях, закрепленных за несовершенным. В текстах XVI в. несовершенный вид является

специализированным средством выражения подчеркнутой длительности, процессуальности действия; для выражения повторяемости, узуральности действия преимущественно используется совершенный вид. В отличие от русского языка в пределах настоящего исторического времени последовательно реализуется видовое противопоставление. Было высказано предположение, что поиск дополнительных средств имперфективации (появление новых трехкомпонентных суффиксов) наблюдается в языках, переживших процесс снижения функционального диапазона совершенного вида за счет несовершенного (напр., в русском языке).

Выступление доцента Т. С. Тихомировой было посвящено семантико-функциональной соотносительности слов разных частей речи в параллельных текстах, в частности группы польских отглагольных прилагательных и русских глаголов. Эта некатегориальная текстовая эквивалентика и факторы, ее обуславливающие, прослеживаются на трех различных, хотя и взаимосвязанных уровнях: на уровне системно-деривационном, где устанавливаются различия в сходных словообразовательных типах, на уровне лексемно-деривационном, т. е. в сфере функционирования словообразовательного типа в лексическом пространстве, и на уровне текста. Анализ конкретного материала показал наложение разноуровневых ограничений, включая и собственно контекстуальные особенности, приводящих к отсутствию категориального эквивалента польскому прилагательному в русском тексте.

В докладе доцента В. Ф. Васильевой «Виды логической абстракции и их роль в формировании системно-классификационной ономазиологии» указывалось, что предпринятая автором попытка соотнести виды абстракции с семиологическими классами объясняется прежде всего необходимостью уяснения истоков таксономической ономазиологии, а также выбором *tertium comparationis*, используемом при сопоставительном ономазиологическом исследовании. Был схематично представлен механизм зарождения номинативной единицы и отмечено, что в процессе познания имеет место взаимодействие отдельных видов абстракции. Однако, как правило, один или несколько видов абстракции играют при этом ведущую роль, это и позволяет соотнести тот или иной вид абстракции с тем или иным видом понятия, а затем через понятие и с определенным семиологическим разрядом или подразрядом.



БАЛКАНСКИЕ ЧТЕНИЯ — 2

Скорее всего, для второй конференции из серии «Балканские чтения», состоявшейся в Институте славяноведения и балканистики РАН 8—10 апреля 1992 г., исходно предполагалось некое тяготение к жанру «пира во время чумы». Пожалуй, и у самих организаторов в душе тлела мрачная решимость: «тряхнем стариной напоследок, а там...». Таким эсхатологическим настроением, казалось, способствовало все: и тяготы повседневной жизни, и как следствие, очевидное падение интереса к науке вообще и к научным собраниям в частности, и стократно умножившиеся (по сравнению с прежними, тоже отнюдь не радужными временами) трудности с изданием тезисов и материалов конференции — оснований можно было бы привести еще немало, да они и так понятны.

Однако, забегая вперед, скажем, что результат предпринятых усилий оказался и отрядным, и обнадеживающим. Многочисленность собравшейся аудитории (которая отчасти «выдохлась» к третьему дню, но это уже вина организаторов, пренебрегших золотым правилом: «любую конференцию — в два дня»), ее отчетливо молодой облик (большую часть составляли московские студенты), живость и заинтересованность задаваемых докладчикам вопросов (по контрасту с многими прежними, «бездискуссионными» собраниями), естественная «включенность» слушателей в суть обсуждаемых проблем — все это в какой-то мере выделило конференцию на карте сегодняшнего академического будня.

Безусловно, тому, что симпозиум смог стать не просто очередным рядовым фактом несколько отрывистой научной жизни, в огромной степени способствовал открывший его доклад В. Н. Топорова «Эней — человек судьбы». В нем автор сумел и предварить, и как бы разом очертить весь спектр необходимых ис-

следований по предложенной для конференции теме — проблемам балканского и средиземноморского менталитета, определив и суть возникающих вопросов, и пути их разрешения. Подчеркнутая теоретичность доклада (опираясь на опубликованное в тезисах конференции подробное изложение своей обширной работы, автор намеренно снял в выступлении всю фактологическую и текстологическую «плоть», сосредоточившись на выяснении в самом общем виде существа анализируемых проблем) тем больше оттенила и выделила значимость сформулированного в нем филолого-лингвистического и культурологического подхода. Он заставляет переосмыслить уже ставшие каноническими тексты, литературные образы, лингвистические данные, культурные феномены с тем, чтобы увидеть в них проявление определенных черт стоящего за ними типа культурного сознания и психологии, попытаться уловить и отграничить этот тип, помещая его в контекст ближайших связанных с ним культур и обозначая его место в ходе общего генезиса культуры. Для человека Балкан и Средиземноморья таким необходимым культурным контекстом должна стать ближневосточная и древнееврейская традиция, с одной стороны, и традиция славянская, а с ней и русская — с другой.

Чуть ли не все дальнейшие выступления в той или иной степени реализовывали тот или иной аспект предложенной в первом докладе концепции. В первый день новый подход к традиционному и, казалось бы, вполне заурядному на фоне иных античных памятников тексту блестяще продемонстрировала Н. В. Брагинская в докладе «Композиция „Картинки Филострата Старшего“». Тонкий и изощренный филологический анализ позволил обнаружить в этом сочинении греческого автора времен «второй софистики» почти невероятный уро-

вень формальной и нумерологической организации, так что полученные результаты заставляют во многом иначе оценивать в целом принципы, которыми руководствовались древние при создании прозаического текста. При этом автор доклада сама сумела приобщиться к художественному опыту греков. Точность и взвешенность аргументации, композиционная соразмерность и последовательность «блоков» доказательств, четкое структурирование материала — все это позволило слушателям не только сопереживать интереснейшему научному поиску, но и испытывать вполне законченное эстетическое удовлетворение.

Это эстетическое чувство было упрочено и филологически безукоризненным и изящным по форме докладом М. К. Трофимовой «Пистис София: построение текста и его мировоззренческая установка», и докладами, посвященными уже чисто искусствоведческой проблематике. В первый день выступления Д. Ю. Молока и Н. Л. Павлова при всей разнице анализируемого материала (соответственно классическая скульптура и архаическая архитектура) были объединены общим стремлением увидеть за теми или иными штрихами художественного стиля существенные черты, характерные для культуры и мировосприятия древних греков. Во второй день в докладе Н. В. Злыдневой такая же попытка была последовательно реализована применительно уже к совсем иному периоду в развитии балканской художественной культуры, причем на этот раз в центре внимания находилось творчество одного конкретного художника — по мысли автора, скульптура К. Бранкузи явилась реальным и как нельзя более точным воплощением мирозерцания «человека Балкан».

Тот же принцип — старание увидеть за конкретными фактами конкретного исследования тенденции, определяющие балканский тип культурной парадигмы, — прослеживались и в других выступлениях. Так, в докладе Е. А. Краснопевцева «Фонетическая закономерность и триадическая структура мира» была предпринята, быть может, не до конца четко аргументированная попытка проинтерпретировать некоторые особенности древнейшего гексаметрического стиха с точки зрения отражения в нем архаического представления об иерархии трех уровней мироздания — верхнего, среднего и нижнего — и соответствующего распределения божеств древнейшего Пантеона. В двух сообщениях, посвященных античной лингвистической традиции, — Б. М. Никольского «Теория патологии в грамматике

Стои» и Н. П. Гринцера «Диалог Платона „Кратил“ и история античного языкознания» — также анализировались общие тенденции и закономерности становления древнегреческой науки и гуманитарной мысли. Внимательное рассмотрение текстов, отчасти уже «затертых» многочисленными филологическими интерпретациями, позволяет внести определенные коррективы в традиционную картину развития античного языкознания. Так, Н. Гринцер постарался проиллюстрировать известную ограниченность и условность принятого в науке дуалистического подхода к философскому и лингвистическому наследию античности, придерживающегося оппозиции концепций «природы» и «закона», «аналогии» и «аномалии» и т. п., а Б. Никольский на примере теории «претерпевания слов» стремился показать взаимообусловленность различных составляющих древнегреческого (в частности, стоического) философского знания.

Собственно лингвистический аспект балканологических исследований наиболее законченное воплощение получил в докладе Т. М. Николаевой «Просодия Балкан: слово — текст». В нем данные экспериментальной фонетики и фонологической типологии способствовали прояснению коммуникативных особенностей балканской речи, различий в построении прозаического и поэтического текста, обоснованию общепалканских (а возможно, и шире) фонологических и интоналогических универсалий. Тем самым, на непосредственно языковом уровне прослеживались черты, по всей вероятности, следующие общим принципам балканской модели мира.

Анализу одной из наиболее значимых сторон этой модели — понятию и представлению о времени — был посвящен доклад Т. В. Цивьян «Текст как мера времени». Здесь в качестве материала для семиотического анализа были использованы фольклорные и литературные тексты — тем удивительнее, что многие отмеченные автором закономерности (например, тенденция к компрессии времени в фольклорном и стихотворном тексте) непосредственно соотносились с некоторыми из лингвистических универсалий, сформулированных Т. М. Николаевой. Такие «странные сходенья» всегда показательны: конечно, теоретически ясно, что за многообразием балканских сообществ, пестротой свидетельств различных культур, скорее всего, должны скрываться универсальные «стержневые» черты — но теоретические построения тем больше убеждают,

когда за ними встает языковая и текстовая реальность.

В этом отношении ценнейший материал дали доклады, посвященные этнолингвистической проблематике. Уже в сообщении Т. В. Цивьян был намечен переход к одной из наиболее репрезентативных сторон культурной традиции — фольклору, а в выступлениях С. М. Толстой, Л. Н. Виноградовой, И. А. Седаковой, А. А. Плотниковой данные фольклора, бытовой, повседневный ритуал находились уже в центре исследования. Все выступления этого цикла как всегда отличал безупречный и скрупулезный анализ, глубокая эрудиция и внимание к мельчайшим фактам традиции. Но что, быть может, еще важнее — на суд слушателей было представлено не простое перечисление и коллекционирование таких фактов, а их точная классификация и нетривиальное осмысление. Так, в докладе С. М. Толстой «Магия против смерти» была дана общая схема ритуала защиты новорожденного от преждевременной кончины и подробно рассмотрены все возможные формы ее реализации. В то же время в выступлении был сформулирован чрезвычайно важный в методологическом отношении вопрос: какими критериями мы должны руководствоваться, определяя «балканскость» того или иного феномена, где грань, отделяющая балканское от небалканского? Действительно, исследователи зачастую впадают то в одну, то в другую крайность — то числа все обнаруженные ими факты по разряду «балканский», а то, наоборот, напрочь отказывая Балканам в своеобразности, объясняя все возможные параллели различных культур универсальностью стоящих за ними типологических схем. Однако реальность отыскания пути меж этими Сциллой и Харибдой во многом доказал доклад Л. Н. Виноградовой «Русалии на Балканах и у восточных славян: есть ли элементы сходства?». Анализируя сходный ритуал у разных славянских и неславянских народов, Л. Н. Виноградова воссоздала весь комплекс поверий, ритуалов и обычаев, объединенных единым термином «русалии», отмечая и черты, присущие этому комплексу в более широком типологическом контексте. Наконец, еще одна проблема также достаточно общего характера разбиралась в сообщении И. А. Седаковой, в котором в теоретическом плане и в то же время на конкретном материале рассматривалось функционирование обрядового понятия или термина в малых формах фольклора — пословице, поговорке, паремии.

Таким образом, в этом круге докладов поиск специфики балканского менталитета велся сразу в двух направлениях. В языке фольклора и ритуала их авторы пытались обнаружить черты, свойственные балканскому мировосприятию в целом. Одновременно собственно балканская традиция получала здесь свою интерпретацию в соотношении прежде всего, с культурой южных и восточных славян.

Первый из этих двух аспектов анализа получил свое развитие и в заключительный день конференции в докладах, посвященных уже чисто литературной традиции. О. Л. Кириллова, разбирая поэтику И. Андрича, также старалась очертить совокупность приемов и образов, делающих этого писателя XX в. чуть ли не идеальным воплощением *Ното балканicus*. В свою очередь, в сообщении В. В. Николаенко на примере фольклорных, литературных и даже отчасти внеслитературных текстов (театр, балет) был прослежен механизм сотворения своего рода идилической мифологемы «Болгарии как таковой», безусловно, имеющей параллели и в рамках иных сообществ и культур.

Стремление лучше оттенить собственно балканское сопоставлением с традициями соседних культур естественно привело к возникновению внутри симпозиума цикла докладов-сравнений по типу «балканский — славянский» и даже уже «балканский — русский». В единый ряд помещались и авторы, из которых один прямо ориентировался на другого (Кирилл Туровский и Иоанн Златоуст — Е. Б. Рогачевская), или просто переводил (В. Брюсов и М. Малакасис — С. И. Гиндин), и писатели, связать имена которых вряд ли кому бы то ни было до сих пор приходило в голову (В. Л. Пушкин и Аристотель — А. Б. Рогачевский). Число таких неожиданных и оттого тем более интересных сопоставлений умножилось бы, прозвучи на конференции заявленные в тезисах и программе сообщения О. В. Шиндиной «К выявлению античного слоя в романе Вагинова „Козлиная песнь“ и А. Е. Парниса «Хлебников: в поисках нового пространства и о преодолении Европы».

В итоге, как кажется, во многом благодаря «установочному» докладу В. Н. Топорова, а во многом и стихийно (а значит — естественно) на конференции был все же найден некий общий подход, суть которого в рассмотрении разнообразных фактов и данных из различных областей культурного бытия того или иного народа или региона *sub specie* свойственной этому народу или региону «картины мира».

Одновременно были хотя бы в общих чертах обозначены те сферы этого культурного бытия, в которых поиск должен вестись наиболее интенсивно: античность как неизбежная точка отсчета в формировании балканской модели мира, балканский фольклор и ритуал как ее непосредственные выразители, языки и литературы как ее универсальные «переводчики». Тем самым, «Балканские чтения-2», вероятно, смогли решить основную и, наверное, единственную задачу всякой конференции, смысл которой — не просто в обмене мнениями, но и в координации неких общих задач, ощущений и постановке своего рода «задачи момента».

Возможно, организаторы симпозиума не до конца уловили установившуюся в его ходе естественную логику действия, и в результате лишь доклады, посвященные античности, с одной стороны, и этнолингвистике и фольклору, с другой, на самом деле представляли собой вполне законченные циклы, в то время как остальные сообщения размещены были более отрывочно и порой без видимой связи

друг с другом. Выдержать более жесткую последовательность можно будет, безусловно, в будущем, особенно если удастся совладать с как бы заданной изначально аморфностью с помощью более четко и узко сформулированной темы новых собраний.

Прошедшую же конференцию, вкупе с состоявшимися два года назад «Балканскими чтениями-1», можно считать этапом, на котором исследователи «договаривались о понятиях», определяя цели и пути дальнейшего научного поиска. Реально ли его поступательное продолжение? Как кажется, «Балканские чтения-2» продемонстрировали возможности этого, но, чтобы оценить реальность, придется подождать еще два года — до «Балканских чтений-3». Было бы неплохо ожидание это скрасить появлением новых изданий серии «Балканские чтения». Первая конференция, помимо публикации тезисов выступлений, дала материал еще для двух сборников статей. Будем надеяться, что и вторая «не отстанет».

Гринцер Н. П.

CONTENTS

ARTICLES

<i>Grachev V. P.</i> A new approach to the problem of the forming of the prerequisites of the Serbian revault, 1804—1813	3
<i>Sheremet V. I.</i> The Greek revolution of the 1821—1830 and Turkish reformers and conservators	14
<i>Novopashin Y. S.</i> The invasion to Czechoslovakia in 1968 as an incarnation of the «class approach» practice	24
<i>Gtovinsky M.</i> Poetics and non-literary texts	35
<i>Zhulinskaya E. V.</i> Yuri Krizanić and Jan Amos Komensky views on schooleducation (second half of the XVII c.)	44
<i>Nevskaya T. V.</i> «Root-list of the Russian language» by F. S. Shimkevich in the light of etymological historiography	57

COMMUNICATIONS

<i>Edemsky A. B., Karasev A. V., Tsehmistrenko S. P.</i> To the history of Macedonian problem	66
<i>Bernshtein S. B.</i> About Lunacharsky (on the basis of daily notes)	79

MATERIALS TO THE MANUAL OF CHURCH-SLAVIC

<i>Kraveckij A. G.</i> Morphology	86
<i>Pletneva A. A.</i> Noun	89
<i>Sedakova O. A.</i> Church-Slavic-Russian paronyms (continuation)	98

REVIEW ARTICLES AND REVIEWS

<i>Kostiashov Y. V.</i> Балканы в конце XIX — начале XX века. Очерки становления национальных государств и политической структуры в Юго-Восточной Европе	113
<i>Labyntsev Y. A.</i> Библия: Факсимільнае узнауленне Бібліі, выдадзенай Францыскам Скарынаю у 1517—1519 гадах	116
<i>Anikin A. E.</i> Słownik prasłowiański, opracowany przez zespół Instytutu słowiaoznawstwa PAN. T. VI	118

SCIENTIFIC LIFE

<i>Leshkova O. O.</i> Lomonosov readings	122
--	-----

CHRONICLES

<i>Grintser N. P.</i> Balkan readings-2	124
---	-----

Технический редактор *В. М. Пахомова*

Сдано в набор 12.10.92 Подписано к печати 01.12.92 Формат бумаги 70×100¹/₁₆
 Офсетная печать Усл. печ. 10,4 л. Усл. кр.-отг. 12,0 Уч.-изд. л. 12,8 Бум. л. 4,0
 Тираж 1132 экз. Зак. 3355 Цена 8 р. 60 к.

Адрес редакции: 117334, Москва, Ленинский проспект, д. 32а

Телефоны 938-01-20, 938-08-09

2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

8 p. 60 k.
Индекс 70891